

[**Kitaphane.info**](http://Kitaphane.info)

ФРАНЦУЗСКИЕ ПИСЬМА

Исмаил Гаспринский

Издательство "ДОЛЯ", 2003

ПРЕДИСЛОВИЕ

Автор данного произведения – поистине уникальный человек. Имя Исмаила Гаспринского уже достаточно известно в современном обществе, поэтому публикация "Французских писем" – еще одна весомая страничка жизни и деятельности первого организатора и вдохновителя движения татарской интеллигенции конца XIX – начала XX века.

Жанр этого произведения необычен: это и не дневниковые записки, и не фантастическая повесть, и не сборник рассказов путешественника. Фиксируя дату своих путевых заметок, что делает их похожими на дневник, И. Гаспринский с первых же строк захватывает читателя своеобразием сюжета. Динамичность описанных событий привлекает читателя: хочется дочитать до конца публицистику этого образованного человека.

Известно, что И. Гаспринский – организатор первой общетюркской газеты "Терджиман" – "Переводчик", проявивший себя как пламенный публицист, на протяжении всей своей жизни пропагандировавший в книгах, брошюрах, газетных статьях и устных выступлениях идеи дружбы и сотрудничества. Автор не изменяет себе и в данном случае: "Французские письма" – своеобразное повествование-размышление восточного человека, посетившего совершенно необычный для его восприятия мир Западной Европы. Подробно описывая свои ощущения в связи с приобщением к другой культуре, И. Гаспринский рассуждает как человек, не равнодушный ко всему новому, с жадностью воспринимающий мир, в котором оказался. И здесь автор остается верен себе: его герой полностью подтверждает мнение автора о том, что "солидно образованный мусульманин к хорошим качествам заурядного присоединяет более широкие, гуманные взгляды на вещи: наука и знания, не колебля в нем мусульманских основ и симпатий, освещают, гуманизируют его воззрения, уничтожая, конечно, предрассудки и суеверия" (И. Гаспринский. Каким должен быть солидно образованный мусульманин...// Россия и Восток, с. 52). Именно таким и является Молла Аббас Франсови, ташкентский бай, главный герой "Французских писем".

Повествование ведется от имени главного действующего лица произведения, который увлекся интересными рассказами о так называемых френгах и френгской земле. Знакомство с Европой, очистительное путешествие по святым мусульманским местам – вот линия сюжета произведения.

Молла Аббас – живой человек, и ничто человеческое ему не чуждо. И Жозефина, встретившаяся ему на пути, и Маргарита помогают лучше понять и оценить главного героя, его характер и слабости, воззрения, убеждения и надежды – все то, что составляет такое понятие, как менталитет. Именно менталитет мусульманина является критерием восприятия окружающего, мерилom оценки, определяет выбор способа описания действительности. Безусловно, подобные писательские приемы завораживают читателя, привлекают и заставляют читать. Причем читать не "по диагонали", а полностью, прислушиваясь к каждому слову или словосочетанию. Желание узнать, каково развитие событий, во многом объясняется еще и тем фактом, что читателю, особенно если он не мусульманин, также интересно узнать оценку событий, которую возможно получить через уста главного героя. Это не только описание жизни светского общества, но и свидетельства существования различных слоев населения; это путевые заметки – описания; это различные ситуации, в которые попадает путешественник; и нравственные вопросы, позволяющие живому существу быть человеком; это цель, к которой следует стремиться, и пути ее достижения; это ощущение нового и необычного и желание, не боясь, постичь это новое и неизвестное.

В основном произведение представляет собой описание реальных событий, однако последняя часть выглядит как фантастика. И хотя И. Гаспринский делает все, чтобы действия, описанные во "Французских письмах", выглядели достоверными, назвать

их таковыми можно лишь условно.

Весь стиль, легкая повествовательная манера изложения также не могут не привлекать читателя. Помогает восприятию и удивительная образность письма: текст читается легко, живо и увлекательно. Очевидно, что автор обладает даром талантливого писателя.

Хочется верить, что "Французские письма" понравятся современному читателю, а само произведение займет достойное место в литературном наследии Исмаила Гаспринского, классика литературы, великого гражданина и просветителя мусульман.

Текст "Французских писем" приведен в соответствие с нормами современного русского языка с сохранением стилистических и языковых особенностей.

Г.Ю. Богданович

25 января 1887 – №4

В книге Судеб – судьба моя, видимо, очерчена как-то иначе, чем у большинства моих единоверцев! В то время, когда всякий порядочный мусульманин, имея средства, стремится к священной Аравии, мне суждено было попасть в страну френгов¹, тех френгов, о коих у нас, на Востоке, ходят столь интересные слухи и сказания.

В то время, когда мои однокашники, шакирды большого Ташкентского медресе, славил Аллаха духовной службой или облагораживали свои очи благочестивыми посещениями священных мест, я, раб Божий, скитался из одной страны Френкистана в другую, далекий не только от святынь, но, даже не слыша годами правого разговора! Я не жалуюсь: Судьба всегда права. Я даже благодарю ее, ибо, бродя по Венгрии, я поклонился праху давно забытого мученика и святого "Гуль Бабы"; а на французской земле приветствовал священный прах "сорока святых", павших геройской смертью, защищая отступавших мусульман от грозной руки Карла Мартелла.

Пройдя благословенные места Андалузии, я добрался до той скалы у Средиземного моря, откуда великий мусульманский полководец Тарик, обратясь к войскам своим, сказал: "Впереди бесчисленный враг, победа и слава, позади нас море, корабли и бесчестие отступления; мусульмане должны победить или умереть, но не отступить, а потому нам более корабли не нужны; приказываю их сжечь, а вам, братья, идти вперед!"

Совершая благочестивое поклонение этим давно забытым священным местам, я волей-неволей сталкивался с френгами и жил между ними. О френгах и их жизни я хочу теперь рассказать вам, рассказать, как могу, ибо мало кому из вас придется видеть эти далекие, чудные страны и интересных людей Френкистана.

Я оставил Ташкент 22 лет, окончив, как мог, курс всех наук. Богатство, оставленное мне отцом – мир праху его, – и одиночество давали мне право и возможность довершить мое учение и воспитание путешествиями по благословенным мусульманским землям. Через Оренбург и Москву я попал в Одессу. Пребывание в России, расспросы у казанцев значительно расширили мои познания, и Западные страны все более и более начали меня интересовать.

Зная из древнего сказания о существовании мусульманских святынь в Европе, я решил препоручить себя их охране и пуститься в волшебные страны френгов. Моя решимость могла не выдержать, но делу помогла... "О, женщины, женщины", – сказал один знаменитый френг, и он был прав, ибо меня, готового уже перескочить из Одессы в священный Стамбул и далее, она увлекла на площадь Мадлены в Париже, и вместо грандиозного купола Св[ятой] Софии я любовался стройной громадой храма Магдалены! Велик Аллах! Он женщинам позволяет делать очень многое. Это не так заметно у нас в Туркестане, но здесь, в стране френгов, это очевидно.

II

Судьба – а она всемогуща – свела меня в Одессе с прекрасной френгской девушкой,

мадемуазель Жозефиной. Она, как отцовский приятель, привязалась ко мне при первом же моем посещении Одесского театра. С театром я познакомился еще в Москве. Это дом разных зрелищ, где говорят то, что было, и то, чего не было, и выставляют на показ то, что следует показывать – ибо все на свете Божья благодать, – но только не публично и не всем... Френги думают иначе. Их в Одессе очень много, и страна их отсюда не очень далека.

В театре пришлось сесть рядом с Жозефиной. Это была девушка, плотно закрытая с шейки до кончиков ног черным богатым платьем. В сравнении с другими сотнями полураздетых женщин, оглядывая коих, я беспрестанно повторял священные слова против искушения, она казалась стыдливой, скромной, как мусульманка. Я только не понимал, зачем она пришла сюда и, кажется, одна. Позже все объяснилось... После того, как играющие мужчины и женщины при всех обнялись и поцеловались, соседка моя обратилась ко мне по-турецки:

– Эфенди, как вам понравилась эта сцена?

Обрадованный звуками знакомого языка, полившимися из розовых уст черного соловья, я, чтобы указать на понимание приличий, отвечал: "Ханум, сцена ничего себе". Муж был, видимо, на войне и после долгой опасной разлуки вернулся к своей возлюбленной. Они, вероятно, пели друг другу о своих страданиях и тоске; это не дурно, но они забыли приличия и поторопились целоваться раньше, чем опустили занавес. "Целоваться не грешно, – добавил я, оглядывая внимательно интересную соседку, – но это должно происходить за занавесью... Соловей ласкает розу в полночный час или зарею; хотя слышим мы песни любви, но шепот страсти скрыт от нас", – продекламировал я для большей ясности моей идеи. Прекрасная соседка улыбнулась и, конфузясь за своих, заметила, что в каждой стране свои обычаи.

– Можно ли узнать, кто вы, – обратился я к ней, достаточно стыдясь, – вы так хорошо говорите по-мусульмански, что, будь я вашей жертвой, себя не жалко!

– Зовут меня Жозефиной, я француженка, из Парижа. Еду домой из Стамбула, где прожила несколько лет между мусульманами. Поистине отличные люди.

Я понял скромность моей соседки, ее закрытый наряд есть влияние стамбульского благочиния и благочестия. Недаром прожила между мусульманами! Ее скромность граничащая с[о] стыдливостью мусульманки, и нескромные, но прекрасные формы, рельефно очерченные туго надетым платьем, производили на меня сердечное удовольствие и возбуждали внутреннюю теплоту. Я был доволен ею.

– А вы позволите мне узнать, с кем я говорю в этот счастливый час, – обратилась она ко мне.

– Я, ташкентский бай, молла Аббас; еду в Стамбул и Египет поучиться и поклониться святым местам.

– Желаю вам доброго пути. Отличные страны, но вы так молоды еще; как отпустили вас в столь далекие страны?

– Благодарю вас, ханум, это, видимо, судьба, да к тому же у меня близких нет, а средства Аллах дал.

Многие из публики оглядывали меня и мою собеседницу и, кажется, сплетничали на наш счет. Я даже думаю, что многие дамы завидовали прекрасной Жозефине, ибо с начала представления бесстыдно смотрели на меня через висячие очки и короткие трубы², а мужчины завидовали мне, ибо, несмотря на их неприличные взгляды, мадемуазель Жозефина не обращала на них никакого внимания! Однако, стыдясь и краснея до пота под нахальными оглядываниями, я заметил Жозефине-ханум, что думаю удалиться отсюда поскорее. Она, дышавшая несколько лет мусульманским воздухом, вполне поняла мое стеснение и предложила провести остаток вечера с ней, подальше от шума и дерзких взглядов. Она сказала, что чрезвычайная скука загнала ее сюда и что будет очень рада узнать кое-что о Туркестане, а мне сообщить свои впечатления и заметки о Стамбуле. Я был истинно рад этой прелестной компании.

"Какой путник, томимый жаждой, не склонится к источнику ключевой воды; какой безумец бросит розу, не поднеся ее к устам?"

Мы поехали в ее отель. Она занимала две приличные комнаты. Предупреждаю: не грешите, думая о нас дурное. Жозефина держала себя так ловко, что даже Кашгарский Правитель не рискнул бы на неприличия. Я не пил ни вина, ни водки. Любезная хозяйка угощала меня сладкими водами и фруктами и, как очаровательная перс, увлекала и забавляла остроумными рассказами и интересными сведениями о Френки-стане³.

III

1 февраля 1887 – №5

Прошла неделя. Я почти все время проводил с Жозефиной, которая с каждым днем более и более увлекала меня интересными рассказами о френгах и френгской земле. Оказывается, что это весьма интересный народ и в жизни и истории его много поучительного.

Знакомство с Жозефиной окончательно утвердило во мне желание познакомиться с Европой и затем уже совершить очистительное путешествие по святым мусульманским землям. Решение мое было основано на следующих соображениях:

1) средства имеются – отчего не посмотреть Божий мир? 2) путешествие по френгским землям совершенно безопасно и удобно: ни разбойников, ни безводных пустынь тут нет. Здесь девушки и женщины совершают далекие переезды и никто их не смеет обидеть. Таковы порядки во всех френгских странах; 3) в Европе есть много такого, чего нет в наших краях, надо все это видеть, ибо все видеть и знать есть достоинство человека. Путешествовать, наблюдать, узнавать – это значит брать уроки в мировой, живой аудитории.

Мадемуазель Жозефина, как "преданная приятельница", вызвалась провожать меня до европейской Бухары, т.е. до Парижа, а там помочь мне поскорее изучить френгский язык. Язык этот – язык всех ученых френгов, и, зная его, можно путешествовать по всем Западным землям.

Моя преданная приятельница была "учительницей" (я видел, что она действительно очень многое знает), и надо было предложить ей приличное вознаграждение, но она от этого уклонилась. Это, конечно, не помешало мне вознаградить ее внимание и участие приличными бакшишами, чтобы в то же время не нарушить "благородных отношений бескорыстной дружбы". Я так и решил.

Я имел уже случай узнать, что Жозефина очень любит сибирские меха, а потому за два дня до выезда из Одессы я послал ей готовую шубку в 350 руб., как память дружбы и приятного знакомства. Хотя она немного сердилась, что я разоряюсь на ненужные подарки, и серьезно доказывала, что следует беречь деньги, отправляясь в чужие края, но я понимал, что она деликатничает, ибо все женщины любят подарки, а иногда и самих дарящих.

Мы собирались в дорогу, в Париж, многие виды которого я уже знал из картин и рисунков, показанных мне Жозефиной. Прежде всего, Жозефина предложила мне нарядиться в френгский костюм, чтобы не обращать на себя праздное любопытство толпы белой чалмой и длинным шелковым чапаном. Это было решительно мною отклонено. Я готов был отказаться от всей Европы со всеми ее чудесами, но лишь бы избежать греха оставления чалмы и благородной длинноты халата. Моя решительность заставила Жозефину смягчить свои предложения: она показала мне портреты многих стамбульских пашей и беев и предложила одеться, как они, имея на голове красную феску, – единственное отличие от френгов. Я не мог и с этим согласиться. Кто знает, что это были за люди! Да к тому же еще в Ташкенте и Бухаре я слышал, что османлы много "испортились", сделав в одежде и обычаях большие уступки Западу.

Было решено, что я еду так, как есть: в белой чалме, желтом халате и зеленых

туфлях. Я приобрел только белые как снег, френгские рубашки (у них рубашки и белее, и лучше наших – надо говорить правду), а также черные шелковые платочки для шеи. Жозефина же подарила мне (она очень внимательна) по несколько пар молочного и небесного цвета перчаток, объяснив, что в Европе все порядочные люди и муллы должны носить перчатки как знак благовоспитанности. Против этого я ничего не имел, ибо все, что украшает человека, приличествует мусульманину. Еще при первой встрече с Жозефиной в театре, она произвела на меня сердечное удовольствие и возбудила внутреннюю теплоту. Последующие встречи только усилили эти ощущения. Теперь предстояло ехать вместе в одной железнодорожной арбе, останавливаться, кушать вместе и вообще быть в таком положении, в каком находились бы огонь и порох на близком расстоянии. Пока не знаю, как поступают френги, и одинаков ли химический состав их крови с нашей, но я не мумия и чувствовал, что постоянное близкое соседство хорошенькой и болтливой женщины причинит мне довольно беспокойств.

Я не имел причины уклониться от путешествия с женщиной. Волнения, причиняемые ими, приятны. Известно еще из древних сказаний и книг, что женщины, даже губя, уничтожая человека, совершают это, погружая его в море удовольствий. Известно, что пери – волшебницы и царицы убивали мужчин не иначе, как защекодав его... Конечно, я не желал утонуть ни в море удовольствий, ни задохнуться в чаду любви, так же как далек был от греха и преступных отношений к какой бы то ни было женщине. Тем не менее, я был молодой, здоровый мужчина, а она [была] хорошенькой женщиной. Эти два важные обстоятельства могли, если не сокрушить, то сделать серьезные повреждения в моей философии и благовоспитанности. Мораль и природа не всегда сходятся, и последняя иногда действует так же неотразимо, как судьба! Эти мысли серьезно овладели мной, и беспокойство мое усиливалось по мере приближения часа отъезда. Я думал, как быть, чтобы не лишиться приятного сообщества прекрасной френгской девушки и в то же время не окунуться в море греха и нечестия. Долго я ломал мою бедную голову над этим вопросом, бродя по Приморскому бульвару, и наконец нашел счастливый выход из дебрей чувства, греха, морали и приличий. Я почти побежал в отель, к мадемуазель Жозефине.

IV

– Ну, что, вы уже совсем готовы, Аббас-эфенди, – встретила она меня радушно и усадила около себя. Да, около себя, рядом! Откуда это у френгов такое неосторожное обращение с мужчинами? Нет сомнения, что в жилах европейцев течет кровь, близкая к рыбьей, иначе у их женщин не вошло бы в обычай столь опасное отношение к мужчинам. От них не закрываются, их не избегают и остаются вместе как женщина с женщиной. Интересный народ! Спаси Бог! Установись такое отношение мужчин и женщин в Ташкенте хоть на три дня, то на четвертый день, без сомнения, праведный гнев Аллаха низвергнул бы весь город в бездну! По всей вероятности, европейская кровь и жиже, и холоднее восточной, иначе трудно объяснить обычай свободного вращения мужчин и женщин без замков, решеток и покрывал...

– Да, – ответил я Жозефине, – я готов ехать с вами, но я хотел бы предварительно еще кое-что узнать.

– Извольте, в чем дело?

– Вы признаете одно из четырех Откровений?⁴ -Я католичка, верующая в Евангелие.

– Отлично. У вас есть родители?

– Умерли. Вы сегодня делаете мне интересные вопросы.

– Да будет им на том свете облегчение!

– Но к чему эти вопросы, почтенный мулла? Вы как-то взволнованны; что с вами?

V

8 февраля 1887 – №6

Да, прекрасная ханум, я действительно взволнован. Обстоятельства и судьба создали для меня важный вопрос, разрешение которого зависит настолько же от меня, насколько и от вас. Я надеюсь, что вы облегчите мое положение.

– Буду очень рада, но, признаюсь, я вовсе не понимаю, в чем дело.

– Хотя следовало бы, чтобы это говорил вам не я, это обыкновенно передается через других, но я здесь одинок, в пути, а потому, краснея до ушей, вынужден сообщить вам, что, «Волею Аллаха, по установлению пророка», я желаю взять вас себе в жены, если на том же основании вы согласитесь признать меня своим мужем. Я прошу вас, Жозефина, согласиться на это, ибо вы мне понравились с первого дня нашего знакомства... Я, конечно, не знаю, что вы думаете обо мне, – это дело судьбы, но, как честный человек, я предложу вам калым по вашему высокому достоинству.

– Если вы говорите серьезно, молла Аббас, то сейчас я вам ничего не могу сказать... Надо подумать, – сказала Жозефина, краснея и в раздумье.

– Такие вещи нельзя говорить иначе, как серьезно. Подумайте. Будем жить хорошо. Иначе мне неудобно ехать с вами, ибо чувствую при вас приятное беспокойство. Ваша дивная красота сильно греет мое сердце, – дополнил я, смотря на нее сладкими глазами.⁵

– Вы, конечно, вполне достойный человек, молла Аббас, но как же я буду вашей женой, когда нас разделяет столь многое?

– Что же нас разделяет? – прервал я, готовый уничтожить все препятствия, и видя, что с устранением препятствий дело может устроиться.

– Как, что разделяет? Во-первых, религия; во-вторых, европейские женщины живут и держат себя не так, как мусульманки; в-третьих, много обычаев совершенно противоположных друг другу...

– Эти различия не касаются сердечных отношений. Мусульманский закон позволяет мне взять вас в жены, коль скоро вы не язычница. Вы можете вовсе не изменять вашим обычаям, если только они не мешают вам быть верной женой и выполнять обязанности, принимаемые на себя в отношении мужа.

Это мое объяснение вполне склонило на мою сторону Жозефину, и мы два следующих дня обсуждали подробности предстоящего союза. Оказалось, что она полюбила меня тоже при первой встрече. Я видел, что неминуемая судьба давно предусмотрела и приготовила все эти события... Мы могли не встретиться в театре, но встретились; мы могли не понравиться друг другу, но понравились. Итак, да поможет нам Аллах.

Брачный акт, составленный нами совместно состоял, в следующем: 1) Жозефина обязывается перед Богом и людьми быть моей послушной женой и никогда не оборачиваться ко мне спиной⁶; 2) не мешать никоим образом исполнению мною религиозных требований и обрядов моей веры; 3) я обязуюсь, взяв ее в жены, прилично содержать, не вмешиваясь в ее религиозные верования и следование френгскому обычаю не закрываться от посторонних мужчин. Однако за мной сохраняется право воспретить ей вредные знакомства, если бы таковые случились по ее женской неопытности; 4) я обязался при совершении брака и подписании договора дать ей 1500 руб. мегра и калыма и в виде особого бесповоротного дара десять кусков шелковой материи по ее выбору, 2 браслета, медальон и две брошки ценностью до 500 руб.

При двух почтенных свидетелях, приглашенных совместно, мы словесно и письменно изложили вышеписанное и, призвав на наш союз благословение Аллаха, стали мужем и женой. Свидетелей, конечно, мы отлично угостили: молодая наливала чай, уделяла сладости, а я подавал гостям-свидетелям. По френгским обычаям мужья во многом помогают своим женам...

В день заключения брака мы выехали из Одессы. Жена сообщила мне, что френгская благовоспитанность и деликатность требуют немедленного выезда в

путешествие, чтобы дорогой молодые попривыкли друг к другу, прежде чем настанет час, о котором не принято ни говорить, ни писать. Против этого обычая я ничего особенного не имел, ибо приходилось ехать не на верблюдах, а по железной дороге, сидя точно в комнате. Меня немного смущало лишь одно замечание моей жены, сделанное во время переговоров об условиях брака. Когда я сказал, что дети, если их нам Бог даст, должны быть мусульманами, она сказала, что вопрос о детях, – вопрос отдаленный и что их можно иметь и не иметь... Что бы это могло значить? Странный народ эти френги!

VI

20 февраля 1887 – №7

Через двадцать четыре часа по выезде из Одессы мы подкатили к границе России и вступили в немецкое государство. После степей и песков Туркестана я был сильно поражен богатыми лесами и лугами России, но, признаюсь, переехав в немецкую Европу, я был поражен не менее! Тут и люди, и постройки, и селения, и поля, и пашни выглядят иначе, чем в России, и мои туркестанские глаза разбегались направо и налево, не зная, на чем остановиться.

Кругом поля и нивы, отлично обработанные; дикого кустарника, камня, песку нигде не видно. Каждый клочок земли, каждый бугор и холмик тщательно засеяны, вычищены, огорожены живыми изгородями так, что вся страна как бы разбита на громадные шахматные доски для игры гигантов и богатырей. Кругом все селения и люди, люди и селения, обстроенные чистенькими, правильно расположенными красивыми домами... Вот и лес. Но это не дикий лес. Он походит на хорошо присмотренный сад. Каждое дерево очищено от лишних прутьев и ростков; хворост, тщательно связанный пучками, лежит тут же. Видно, что люди ухаживают здесь за каждым деревом и извлекают пользу с каждого вершка земли, с каждого отростка растения, высоко ценя и охраняя дары Божий. Хвала им.

Жозефина, да будет к ней милостив Аллах, объясняла мне, что френгские земли густо населены и что поэтому, чтобы прокормить все население, необходимо умело пользоваться ими, извлекая наибольший доход при помощи искусства и знания, без чего тесному населению Европы пришлось бы очень плохо. Надо удивляться только результатам человеческого старания и знания! Вот яблоня, которая родит плоды величиною в арбуз среднего размера; вот громадная откормленная корова, которая дает два ведра молока в день! И эта яблоня и эта корова путем ухода, воспитания и знаний выращены из простой кислицы и обыкновенной, мало молочной коровы! У нас в Туркестане говорят, что френги – шайтаны и колдуны, но это не верно; это такие же люди, как мы, но они умеют трудиться и знают много более нас из науки жизни.

Мы ехали очень скоро, делая в час пятьдесят верст, и в один день проехали несколько областей. Сначала мы ехали через Галицию. Эта земля когда-то составляла часть Польши, а со времени раздела этого государства между Россией, Пруссией и Австрией досталась последней. Польского населения тут очень много, и оно отличается от немцев одеждой и языком.

Говорят, что поляки – народ очень беспокойный и не перестают думать о восстановлении своего государства. Аллах знает, что должно быть и чего не должно быть! Люди могут только думать и желать.

Дальше мы проехали богемские земли. Богемцы тоже не немцы, а скорее русские, ибо язык их и племя одного происхождения с русским, но давнишняя жизнь с немцами приучила их одеваться и говорить по-немецки, так что незнающий не отличит их от настоящих немцев. Их показывала мне Жозефина.

Нам оставалось ночь пути, чтобы доехать до Вены, столицы Австрии. На одной из станций в наш вагон вошел молодой, рыжий френг и сел рядом с нами. Осмотрев меня довольно дерзко, и, кажется, удивленный моим присутствием в их земле, он,

как старый приятель, обратился к моей жене и начал что-то говорить на неизвестном мне языке. По взглядам его и насмешливому тону голоса мне казалось, что он говорит обо мне и, вероятно, не совсем одобрительно... Жозефина, зная, что я не люблю разговоров с незнакомцами, отвечала ему короткими фразами. Я бы желал, конечно, чтобы она прямо отвернулась от него или закрылась шалью, но тут френгская земля и френгские обычаи и понятия; что поделаешь! Поистине глупец был первый френг, выдумавший обычай садиться около чужой жены и начинать с ней разговоры, как старый приятель или свой человек.

– Что он говорит? – обратился я к Жозефине.

– Он заинтересовался вами и спрашивает, кто вы, откуда и куда едете.

– Скажи ему и спроси его, кто он такой и куда едет, – поручил я жене.

Оказалось, что это студент большого венского медресе и едет доканчивать учение. Сам же он немец, и зовут его Генрих Штейн. Таким образом, мы познакомились и пожали друг другу руки. Целый час без умолку он разговаривал с моей женой и по временам улыбался мне и кивал головой, когда Жозефина переводила мне кое-что из его слов.

Он рассказал мне, что в его медресе есть несколько мудерисов, которые преподают в своем отделении арабский, персидский и турецкий языки, и что 50 студентов обучаются этим прекрасным языкам. Это меня очень заинтересовало.

– Как так, – думаю себе, – немецкое медресе и священный язык мусульман. Для чего он им?

– Самый важный мудерис наш, живет в г[ороде] Пеште, он побывал в счастливой Бухаре и в Самарканде. Долго жил в Стамбуле, – сообщил мне Генрих.

– Как его зовут? – спросил я.

– Вамбери, член многих ученых обществ и знаток мусульманских земель и языков.

Он, вероятно, был бы очень рад видеть вас.

Я заметил, что Генрих-эфенди может дать мне кое-какие интересные сведения, и, в то же время недовольный его близким соседством с моей женой и неумолкаемыми их разговорами, я схватил его за плечо и потащил к себе, т.е. оттащил от жены и, прикрывшись интересом к мудерису Вамбери, начал с[о] студентом самостоятельный разговор, конечно, все-таки через Жозефину, но платья их уже не соприкасались... Жозефина заметила мне, что неприлично приглашать людей к себе, хватая их за плечо, но, кажется, ни она, ни он не догадывались об истинной причине моего поступка. Мы часа два говорили с Генрихом, и от него я узнал многое о Вамбери-эфенди, о венском медресе, об Австрии, но на все мои вопросы о местонахождении в их земле мусульманского святого он не мог, а может быть, и не хотел мне ничего сказать.

VII

28 февраля – 1887 – №8

Рано утром мы приехали в Вену. Город едва еще просыпался. Уложив вещи и сев в хороший экипаж, мы поехали в Королевский Караван-Сарай, или отель, как здесь говорят. Чистота и порядок венских улиц, правда, довольно узких и кривых, производят самое лучшее впечатление, а целые горы красивых и капитальных построек, нависших над улицами, невольно возбуждали мою зависть, когда я вспоминал мизерные лачужки родного Ташкента. Но зависть – чувство нехорошее, я старался заглушать его и развлекать себя обозрением френгских диковин. Когда мы подъехали к "Отель-Кайзер", нас ласково и с поклоном встретил человек в богатой длинной одежде, обшитой широкими золотыми галунами. Слезая с экипажа и отвечая на его поклон, я думал, что судьба сводит меня с одним из важнейших князей или визирей немецкой земли, и был очень обрадован здешним гостеприимством и благовоспитанностью, когда этот почтенный господин живо схватил наши саквояжи и внес в переднюю комнату.

Немного после я узнал, что это просто слуга-привратник при гостинице! Чудаки, право, френги! Выдумали же обычай наряжать слуг как князей – тут я стал уже явно замечать, что у френгов все как раз наоборот, чем у нас. Судите: у нас жены целуют руки мужей, а у френгов мужья должны целовать ручки жен; у нас в бархат и золото одеваются господа, а тут наряжают слуг, сами же ходят в незавидном, черном костюме без всяких украшений, точно их кто лишил достоинства и порядочности. Но о контрастах после.

Поднявшись по богатой мраморной лестнице, покрытой коврами, мы заняли отведенное нам помещение. Оно состояло из двух светлых, роскошных комнат, убранных бархатной мебелью и богатыми зеркалами. В одной из комнат, стояла под балдахином, за шелковыми занавесками мягкая кровать с чистыми белыми подушками. Тут же стоял красивый мраморный умывальник для омовений. Эта богатая обстановка рисовала мне чудные картины времяпровождения с прекрасной моей Жозефиной после пути в душном вагоне в сообществе множества нескромных глаз.

Надо заметить, что столь хорошее помещение в отеле, приличном для царственных гостей, стоило в сутки всего 3 руб. Как френги умудряются соединять столько богатства и удобства с дешевизной – положительно не понимаю!

После дороги Жозефина пожелала принять ванну и отдохнуть. Я же, чувствуя себя совершенно бодрым и крайне интересуясь немецкими базарами, решил выйти прогуляться час, два и тем дать время жене спокойней отдохнуть.

В Европе не принято запирают жен на ключ, когда уходишь из дому. Впрочем, здесь такие порядки, что никто не может покуситься на чужую жену, если только она сама не призовет кого-либо.

Я вышел в город совершенно спокойный на этот счет; к тому же я чувствовал, что моя жена – человек честный и скромный.

В час времени я исходил порядочно улиц и базаров, удивляясь баснословному богатству и роскоши торговли и жизни. Не знаю, кто больше осматривал друг друга: я ли венцев или они меня, но от сего ничего дурного не вышло, и я, накупив кое-каких мелочей для Жозефины, поспешил в "Отель-Кайзер". Тот же слуга в княжеском одеянии встретил меня и проводил до лестницы. Я быстро пошел вверх, и когда вошел в мой номер, то с удивлением увидел своего вчерашнего знакомого Генриха, укладывавшего вещи в свой чемодан. "Чего он сюда явился?" – подумал я прежде всего. И когда взглянул в спальню, я заметил, что жена и вещи мои исчезли, кровь бросилась в голову, и в глазах у меня помутилось... Между тем этот проклятый Генрих, улыбаясь, протянул мне руку и пригласил сесть.

– Нет, мне не до сиденья; ты скажи мне, куда дел мою жену и вещи? – подступил я к нему на своем языке, по незнанию френгского. Но по голосу моему он, видно, догадался, о чем идет дело, и отступил на несколько шагов, что-то бормоча на своем чертовом наречии.

– Скажи, бесстыдник, где эта бесстыдница, которая готова бежать от меня, не успев еще сделаться женой? А вещи мои? А, молчишь! Как бы ни были скверны френги, но у них все же есть начальство. Не убежишь, – сердился я, наступая на оторопевшего френга, и, видя, что он намеревается удрать, оставив мне свой жалкий чемодан с гадкими вещами, я быстро снял свой кашмирский кушак и в одну минуту скрутил руки дерзкого френга, который, поняв, что я не шучу и готов растоптать его как гадину, отчаянно закричал.

На крик его прибежали люди и с ними вместе привратник в княжеском одеянии. Все начали что-то говорить, обращаясь то ко мне, то к Генриху. Я отвечал им по-татарски: где моя жена – Жозефина, где мои вещи? И сердито разводил руками, ни слова не понимая из их ответов и проклиная низкую изменницу и венского студента, виновников моей беды.

8 марта 1887 – №9

Френги, сбегавшиеся на крики Генриха, после неведомых для меня объяснений, развязали ему руки, несмотря на мои громкие протесты, и возвратили мой кушак. "Что делать, как быть?" – думал я, теряясь окончательно, когда один из френгов, захохотав, подошел ко мне и ласково предложил знаками следовать за ним. Выйдя из номера, мы поднялись в следующий этаж, и он привел меня к какому-то номеру. "Войдите", – указал он. Вхожу, и что же? Вижу, что мои вещи лежат тут, как были положены; заглядываю в другую комнату – Жозефина спит самым спокойным образом. Вы, конечно, поняли, что я по ошибке попал в чужой номер, находящийся как раз под нашим, этажом ниже. А ошибиться тут новому человеку нетрудно: громадный дом в пять этажей, с сотней комнат, устроенных, отделанных совершенно одинаково. Все устроено так, что при рассеянности очень легко попасть в чужой номер. На мою беду нужно же было этому студенту тоже остановиться в этой гостинице. Наскочи я на другого человека, я, может, догадался бы об ошибке, но этот Генрих еще в пути произвел на меня не совсем хорошее впечатление... Как бы там ни было, мне стало неловко и совестно. Особенно будет неприятно, если жена узнает о случившемся и поймет мои подозрения. Я тихо вышел из комнаты и, сойдя вниз к Генриху, еще укладывавшемуся, сказал ему: "Пардон, мусье". Это по-френгски значит "извините, господин". Затем я говорил это всем френгам, кои попадались мне тут на глаза, а лакеям дал на чай.

Что будет дальше? Молю Аллаха, чтобы он помог мне выбраться целым и невредимым из страны френгов и возвратиться на отдых в земли мусульман! Спустя некоторое время, Жозефина проснулась.

– А, вы уже вернулись? Скоро, – обратилась она ко мне.

– Да, глаза мои, без вас не очень весело ходить.

– Вы очень любезны... Однако я, кажется, долго спала.

– Нет, моя милая, после дороги следовало хорошенько отдохнуть, – заметил я, мысленно радуясь, что она не проснулась ранее, во время моей баталии в нижнем этаже.

– Как понравилась вам Вена?

– Отличный город. Машаллах! Заметно, что люди тут все благовоспитанные. Я заходил в некоторые отели, они мне более понравились, чем этот. Что если мы переедем отсюда, здесь мне не совсем нравится...

– Можем и переехать, мой друг, только этот отель известен как лучший, – возразила она, не подозревая причины моего желания переехать в другую гостиницу.

После обеда мы поселились в другом отеле, в таких же прелестных, удобных номерах, как и в первом. Тут я хорошо заметил двери и номер нашего помещения, чтобы не случилось опять какого-либо казуса.

На следующий день после чая мы приступили к справкам о местонахождении святого "Гуль-Бабы", но никто не мог дать нам каких-либо указаний. Френги, видимо, в первый раз слышали, что в их земле покоится мусульманский святой. Жозефина с рвением чисто мусульманской женщины просмотрела множество книг, где были указаны все гостиницы, мосты, библиотеки, минеральные воды, бани и прочее, находящееся в немецкой земле, но о "Гуль-Бабе" нигде ни слова. Наконец, мы решили навести справку о святом в турецком посольстве. Тут должны мы получить кое-какие сведения, тем более, что "Гуль-Баба" – святой турецкого происхождения.

24 марта 1887 – №11

О местонахождении в Австрии святого "Гуль-Бабы" мы решили справиться в турецком посольстве. Тут мы встретили привратника немца, слуг французов и секретаря турка. Этот последний, видимо, был крайне удивлен и озадачен моим появлением в Вене с целью отыскания и поклонения праху мусульманского святого.

Он, кажется, и не слышал о нем. Не добившись тут ничего, с[о] слабой надеждой узнать что-либо, мы обратились в здешнее турецкое консульство. В консульстве служили все немцы, и Турцию представляла лишь красная феска, украшавшая голову консула, толстого венского немца.

– Тут совершенно напрасно и справляться, – заметила мне милая Жозефина.

– Однако надо же мотивировать чем-либо наше посещение, – ответил я.

Жозефина обменялась несколькими фразами с консулом, и мы вышли. "О чем вы говорили?" – спросил я. "Я сказала ему, что вы желаете узнать, какие сирийские товары и продукты могут иметь сбыт в Вене, на что он ответил, что сведения эти следует взять на бирже и на базаре".

Удивляясь консулу, не имеющему ничего общего с представляемой страной, кроме красной фески, я, однако, думал, что это так вообще принято, но когда Жозефина мне сообщила, что в Турции иностранные консулы не турки, а принадлежат к представляемой национальности, то я понял, что турки, назначая консулами чужих людей, вероятно, имеют особые, уважительные причины. Узнаем лучше, когда будем в Стамбуле.

Из консульства мы отправились в большое Венское медресе, где желающие шакирды учатся по-арабски, по-персидски, по-турецки и другим восточным языкам и наукам. Тут я познакомился с несколькими профессорами. Их знания в восточных науках и языках были столь основательны, что я не сомневался в их долгом обучении в Стамбуле или в Бухаре. Но узнав, что они все свои познания приобрели здесь, в училище, где ныне преподают, я воистину был удивлен!

Когда мне показали училищную библиотеку, в коей одних мусульманских книг было 1700, я думал, книги со всего мира собраны сюда. Между мусульманскими книгами были и такие, которых у нас, на Востоке, нигде нет, хотя имена знаменитых авторов еще сохраняются. "К чему немцам мусульманские книги и науки?" – думал я и, не разгадав эту загадку, спросил одного преподавателя:

– С какой целью делаются у вас большие затраты и прилагается большое старание учиться мусульманским языкам и наукам?

– С целью приобрести знания, – отвечал он.

– Да разве у вас своих знаний и наук нет или не достаточно?

– Напротив, благодарение Аллаху, у нас наук и знаний немало, но мы ищем еще большего. Знание – бесконечно; оно всегда кажется нам недостаточным. Знание и наука – это святой луч и золото. Где бы золото ни добывалось, оно во всех странах одинаково ценно. Вот почему мы, европейцы, несмотря на время и место возникновения знания или выхода книги, стараемся узнать, приобрести их точно так же, как подражаем, принимаем хорошие мысли, обычаи и искусства, где бы таковые ни нашли. Найдя золото, нельзя от него отказаться, – будь то золото восточное или западное. Мы почерпнули много знаний из мусульманских книг; мы усвоили много искусств и ремесел, созданных мусульманами.

Наука, истина и искусство – это солнце. Солнце одинаково светит всему миру; так и знания: составляют общее достояние всех стран и племен.

– Машаллах, эфендим, машаллах, – воскликнул я, пожимая руки почтенного немца за умное объяснение.

Порасспросив еще кое о чем немецкого ученого, я свел вопрос на Гуль-Бабу, надеясь тут получить необходимые сведения о местонахождении гробницы этого святого. На вопрос мой почтенный немец ответил, что так как Венгрия значительное время находилась во власти османских турок, то весьма возможно, что там найдутся мусульманские кладбища и другие памятники, но что он указать мне таковые не может.

– Откуда или от кого я мог бы получить сведения и указания на этот счет, – сказал я.

– В Вене едва ли это вам удастся, в Пеште проживает наш ученый-ориенталист г[осподин] Вамбери. Разве вот он мог бы дать вам интересующие вас сведения. Он

побывал в мусульманских землях, не исключая и Самарканд. Ваше туркестанское наречие он так же хорошо знает, как свой венгерский язык.

– Хвала Аллаху, – воскликнул я, более и более удивляясь френгам. – Когда г[осподин] Вамбери посетил Самарканд?

– Лет двадцать тому назад.

– Интересно... Как он рискнул туда поехать! В то время в наши края не мог показаться ни один чужестранец, не рискуя жизнью или свободой.

– Он, вероятно, знал это и путешествовал в качестве стамбульского дервиша, имея турецкий паспорт. Его мусульманские познания вполне благоприятствовали ему сохранить инкогнито. Ему помогли также туркестанские хаджи, возвращавшиеся из Мекки; он явился в Туркестан в числе их, как собрат.

– Машаллах, машаллах, иначе дорого обошлось бы этому ученому его любопытство. Интересно, что влекло г[осподина] Вамбери в наши далекие страны и степи?

– Его миссия была ученой, что видно из изданных им книг о своем путешествии. Надо вам знать, что венгерский народ принадлежит к татарским племенам и в отдаленное время переселился сюда. Г[осподин] Вамбери интересовался древней родиной своего племени и хотел на месте сделать изыскание о степени близости и разницы венгерского языка с татарскими. Таким образом, он побывал в Хиве, Бухаре и вернулся назад через Афганистан, повидавшись с ханами и улемами, успев вполне сохранить свое инкогнито.

– Это, должно быть, очень интересный и ученый человек.

– Да, он известнейший ориенталист, описание его путешествий переведено на многие языки.

Я решил поехать к этому ученому и поблагодарил любезного немца за указания. Мы возвратились в гостиницу. Жена, видя, что я крайне заинтересовался венгерским дервишем, сообщила мне, что он, посещая Среднеазиатские страны, помимо ученой цели, имел также политическую. В то время русские войска, взяв Перовск и Аулие-Ата, приближались к Коканду и Ташкенту. Зависть и боязнь за Индию тревожила англичан, и они весьма подозрительно и недоброжелательно относились к движению вперед русских войск. Говорят, что г[осподин] Вамбери был послан английским правительством, чтобы ознакомиться с туранскими странами. Судьба тянула меня в Пешт. Я решил съездить. Путешествовать в Европе не трудно: железные дороги повсюду, не то что наша Азия!

12 апреля 1887 – №13

Г[осподин] Вамбери принял нас очень ласково. Хотя я мог с ним говорить по-турецки или по-сартски, но моя неразлучная спутница Жозефина сопровождала меня повсюду. Впрочем, это меня нисколько не отягощало, напротив, было приятно, так как с каждым днем я более и более привязывался к моей френгской подруге, несмотря на небольшие ее отступления от идеала мусульманской женщины. Венгерский дервиш жил за городом, на даче, где мы впервые и встретились. После обычных приветствий и вопросов о благосостоянии здоровья и благополучии пути ученый венгерец, или мой дальний родственник, как он себя называл, выразил мне свое удивление по поводу моего появления в Европе.

– Достопочтенный эфендим, – ответил я, – двадцать лет назад вы навестили Туркестан. Не страшась пустынь, разбоев и подозрительности моих сородичей, вы рисковали многим ради интересов знания и науки. Ваши страны столь благоустроены и безопасны, что надо удивляться только нашему неведению о них. Меня ж привело сюда желание поклониться праху мусульманских святых, о коих я добыл кое-какие сведения в древних писаниях.

Порасспросив меня подробно о целях и времени пребывания моего в френгских странах, г[осподин] Вамбери сказал: "Желаю вам доброго здоровья прежде всего, а затем, как старый дервиш, позволю себе дать вам маленький совет. Я пробрался из

Пешта в Самарканд с целью на месте слышать и изучить тюркские наречия. Ничему другому выучиться в тех странах я не мог. Вас же Аллах послал в Европу, где вы можете выучиться многому такому, чего и во сне не видят ваши почтенные муллы. Сын мой, ты еще молод и попал в такие страны, где учатся истинам, следуя Аристотелю, Платону, Ибн-Сине, Фараби и другим светилам знаний, позабытым у вас на Востоке. Судьба дает тебе возможность сделаться великим ученым. Учиться у нас не так трудно, как у вас; в наших школах в два-три года ты узнаешь столько сведений и истин, что станешь первым улемой Туркестана! Ты едешь в Париж. Это лучший город для учения. Я дам тебе рекомендательные письма к некоторым друзьями, кои помогут тебе выбрать лучший путь к просвещению. Это не помешает ни твоему паломничеству, ни удовольствиям жизни. Френгские шакирды (т.е. студенты) поставлены совершенно иначе, чем бухарские или ташкентские. Ваша подруга – да будет на ней благословение Аллаха – будет первым учителем: она поможет вам скоро изучить френгский язык, а остальное уже будет вам нетрудно". Подумав о предложении г[осподина] Вамбери, я не мог не согласиться с ним. Оставаясь два-три года в Френкистане, действительно следует познакомиться с ним ближе, чтобы извлечь возможную пользу из знаний и жизни френгов.

30 мая 1887 – №15

Венгерский мулла сообщил мне, что, действительно, будучи в Стамбуле, он слышал о святом "Гуль-Бабе", будто бы покоящемся в Венгрии, но что он не может указать, где именно находится таковой, ибо жизнь и время не сохранили никакого памятника или местного предания.

Так как отыскать гробницу святого без каких-либо ясных указаний было невозможно, то, совершив обычное фатиха (молитву), я решил немедленно ехать во Францию, надеясь, что паломничество к гробницам "сорока мучеников" будет успешней.

По железной дороге мы проехали Австрию, Баварию и некоторые другие владения, которые мы пересекали в какой-нибудь час, не больше. Жозефина сообщала мне, что некоторые среднеевропейские королевства занимают не более земли, чем большой русский уезд.

Я думал: "Жозефина – женщина, а все знает: сколько, где земли, народы, какая торговля, какие обычаи, верования и что где происходило и происходит. Точно живет на свете уже пятьсот сорок лет!" Мне было совестно, что я, мужчина, не имею сотой доли ее знаний. Впрочем, иначе и быть не могло, ибо у френгов, кроме религии, девушки и мальчики обучаются многим другим наукам и знают все, что делается и что есть на свете. О френгских училищах я сообщу вам позже; а теперь расскажу, как мы приехали в Париж.

Из Пешта до Парижа ехали три дня. Поезда тут мчатся столь быстро (до 70 верст в час), что я боялся попасть вместо Парижа на тот свет. Жозефина рассказывала дорогой о жизни и деятельности Парижа. По словам ее, этот город служил мировой столицей, красавицей среди всех городов, школой всех народов и племен; источником искусств и мод, распространяющихся отсюда по всему миру, как лучи от весеннего солнца. "Машаллах!"

– говорил я, радуясь, что еду в такой знаменитый город, с которым, мне казалось, я связан чем-то вроде родства или своячества через мою жену, урожденную парижанку.

– Скоро ли мы там отыщем твоих родственников, – спросил я Жозефину, размышляя о том, чтобы встретиться с ними как можно ласковее и сердечней.

– О, конечно. Но я не предупредила их о скором приезде. Лучше, думала, приехать, устроиться, а потом уже навестить их, имея благоустроенное помещение для приемов.

Я не описал вам всего, что видел дорогой. Но то, что я буду писать из Парижа и о

французах, будет во многом относиться и к другим френгам: они так похожи друг на друга.

В этом письме сообщу вам, что в два дня мы отлично устроились в Париже. Квартира наша состояла из четырех комнат. В день найма мы ее обмелировали. На другой день обойщики и другие мастера украсили ее занавесками и мелочами. Для кухни наняли толстую кухарку, а для комнат совсем хрупкую девушку. Вечером уже мы пили собственный чай в собственной квартире.

Беседуя за первым нашим семейным чаем относительно дальнейшего устройства нашей жизни, мы порешили, что я немедленно должен ехать в Лион и Пуатье, чтобы отыскать и поклониться праху "сорока мучеников" арабов. Так как я уже знал достаточно френгских слов и фраз, чтобы найти дорогу, то Жозефина осталась на это время в Париже, чтобы окончательно устроить хозяйственные и домашние дела. По возвращении моем мы должны сделать визиты ее родственникам и затем с общего совета избрать училище или профессоров для моего обучения френгской премудрости и наконец открыть какую-либо торговлю, например, ташкентскими платками и бухарскими материями, которые, как редкость, могли иметь здесь успех и поддержать мои средства, быстро сокращавшиеся в этой славной (когда имеешь деньги) стране.

На другой день после этих совещаний мы трогательно простились, ибо со времени нашего союза, в течение двух недель, еще никогда не оставляли друг друга на час и далеко не были насыщены семейным воздухом. Мы оба готовы были расплакаться, но удержались, и я, весьма тронутый сердечностью и теплотой моей френгской подруги, поехал на вокзал южной железной дороги. Когда я был в Ташкенте, никто бы не убедил меня, что френгские женщины обладают таким же нежным, любящим сердцем, как наши мусульманки. Мне казалось, что им недоступны ощущения сердечных волн; но я ошибался.

В вагоне я познакомился с одним французом, по имени Клод Рено, который вызвался за 100 франков указать мне поля сражений арабов с френгами и помочь отыскать склеп или гробницу "сорока мучеников".

Удивительно любезные люди в этой стране! Мусье Клод, видя, что я чужестранец и заморен дорогой, уступил мне свое место в вагоне, и таким образом, занимая два места, я мог уснуть, благословляя френгскую благовоспитанность.

Когда меня разбудил кондуктор, поезд стоял у какой-то станции, откуда мне надо было пересест в другой вагон, чтобы доехать до Пуатье. Мусье Клода около меня не было. На станции я его также не нашел. Желая узнать который час, я заметил, что часы мои отправились за ним. Несколько обеспокоенный, я справился с карманами моего халата, чтобы узнать о здравии денежного кисета, и, увы, заметил, что вместо него в кармане моем бушует песчаный буран Кызыл-Кумских степей!

Я понял, что френгские воры совсем не так работают, как наши туркестанские и, получив первое наизидание о чрезвычайной деликатности здешних воров, на мелкие остатки, уцелевшие в остальных шести моих карманах, я вернулся в Париж, где главная моя сумма хранилась у банкира. Благодарение Аллаху.

Было 11 часов ночи, когда я подъехал к моей квартире, радуясь предстоящему свиданию и забывая неприятный случай с первой моей поездкой к святым. Когда открыли двери, передав вещи служанке, я побежал к Жозефине. Вхожу в залу. Она сидит на диване. Около нее какой-то молодой француз, напротив – еще трое. На столе кофе, напитки, фрукты и сигары. Я понял, что это братья Жозефины, и, не обращая внимания на ее вопросы о неожиданном моем возвращении, поочередно обнял и крепко поцеловал каждого француза, давая им понять о моих родственных чувствах.

Усевшись тут же, я попросил себе кофе, рассказал о проделке Клода, и, памятуя мудрое правило, что жену следует расхваливать перед ее родственниками, я каждому из них кое-как указал на то или другое достоинство их родственницы, а

моей жены. Между тем я заметил, что, хотя родственники улыбались и кивали мне головой, Жозефина была чем-то недовольна. Один же из гостей едва удерживался от хохота, хотя ничего смешного не происходило. Чудак!

– Давно изволили прийти твои братья? – спросил я жену.

– Они здесь с вечера, но это просто мои знакомые, и ты напрасно их обнимал и целовал.

– Зачем же ты их приняла в мое отсутствие? Не одного еще, а целых четырех!

Как ужаленный, я вскочил с места и хотел сказать очень многое этим господам, но, не зная языка их, дал лишь понять, чтобы они сейчас же уходили.

Жозефина сильно покраснела и по-турецки наговорила мне массу дерзостей, провожая своих поганных гостей.

– Так нельзя поступать с моими гостями, – обратилась она ко мне, когда двери закрылись за ними.

– Каково! Ее гости в моем доме и недалеко [от] моей спальни! Я не желаю, чтобы ты принимала, да еще в мое отсутствие, чужих людей. Ты замужем.

– Но позвольте, мулла, вы не в Ташкенте, а во Франции. Здесь другие понятия, другие обычаи. Пора же понять.

– Я это знаю, но еще лучше мне известно, что я не француз, а туркестанец. Пора тебе усвоить это.

9 июня 1887 – №17

Я был озабочен устройством своих дел и обучения. Вы, конечно, спросите: "А как же поладили с Жозефиной?"

Почтенные читатели, вам известно, что "Переводчик" – это нечто в роде общего собрания тысячи людей, что это аудитория множества ученых, улемов, почтенных мулл, блестящих беков и туря, а также прекрасных и скромных, как луна, ханум и апстай, и потому перед лицом столь благородного собрания читателей повествовать о моих дрязгах с Жозефиной было бы верхом неприличия, вследствие чего, опуская на эти обстоятельства темное покрывало забвения, прямо перехожу к дальнейшим событиям. Замечу лишь, что месяц жизни и самообольщения френгской женщиной стоили мне более тысячи рублей. Должно быть, эти деньги нажиты нечестиво, что разошлись беспутно! Будет впредь наукой. Моя татарская голова сразу не сообразила, что порядочные женщины и у европейцев не могут валяться по дорогам и на базарах.

Одно обстоятельство меня крайне смущает: весьма заурядная, плохо воспитанная и мало ученая френгская женщина своими манерами и бойким языком сумела опьянить и перепутать мои мозги. Что же будет со мной, если судьба сведет меня с действительно благонравной и воспитанной розой Френкистана? Человек не камень; глаз видит – душа хочет... Да укрепит меня Аллах среди ласкающего, но бездонного моря френгской жизни.

Вы, конечно, догадались, что я развел Жозефину. Три месяца после этого события я уже немного говорил по-французски и посещал школу языковедения и биржу. В школе я учился и сам преподавал в качестве помощника профессора по джигатайскому наречию; а на бирже завел дела по доставке сюда шелка-сырца, ибо во Франции много фабрик шелковых изделий, и сырец имеет постоянный сбыт. В школе нашей было двадцать профессоров. Преподавали множество разных наук и языки всех известных народов. Между слушателями были как молодые люди, так и негоцианты почтенных лет, усердно изучавшие язык той страны, с коей имели торговые сношения.

Надо удивляться любознательности г[оспод] френгов: и стар, и млад с рвением и постоянством ищут знаний; все им хочется знать; стараются говорить на всех языках. Удивительный народ!

В числе заметных слушателей школы по отделению восточных языков был один

богатый негодант, имевший торговые дела с Персией. Встречаясь с ним в школе и на бирже, мы достаточно познакомились, и он однажды весьма любезно пригласил меня к себе обедать, добавив, что имеет также маленькое дело.

– Буду носить ваше желание на макушке моей головы. Вы делаете мне большую честь, – ответил я.

При этом он дал мне свою карточку. Это плотная бумажка, на коей френги означают, кто они, где живут и чем занимаются.

Меня в Париже обзывали "мусье Аббас", но это не должно смущать моих ташкентских друзей, ибо "мусье" – почти то же, что "молла", а также означает "господин", "ага" и "эфенди".

Вечером того дня, приодевшись щегольски, т.е. надев снежной белизны чалму, такую же рубашку с розовым галстуком при темно-зеленом, богатом халате, украсив ноги здешними башмаками, а руки светлыми перчатками, я явился в дом мусье Шалона.

Так звали этого купца. Любезный хозяин приветствовал меня самыми изысканными фразами по-французски и по-персидски, вводя в большую богатую залу.

Великолепная обстановка этой комнаты, украшенной дорогой мебелью, обоями и зеркалами, тонувшими среди невиданных мной и диковинных растений, довольно-таки поразили меня, но я, подавляя свое удивление, старался не дать заметить французу расширение моих зрачков. Усадив меня, мусье Шалон спросил, как мне нравится Париж. Я отвечал: чудесный город; постройки царские, базары выше слов и удивления, порядки – безупречны, летом улицы без пыли, после дождя нет грязи... Кому не понравится такой необыкновенный город? Машалла! Не сомневаюсь, что это мировая красавица, и только великое племя могло создать его. Ум, гений – и слава французов воплощены в этом городе, привлекающем поклонников со всех концов света. Машаллах!

– Действительно, мусье Аббас, это лучший из городов, но должно заметить, что кое-что мы переняли у мусульман, прежде чем создать его. Мощение и освещение улиц, устройство фонтанов и водопроводов, цветников и садов заимствовано нами от мусульман, господствовавших в прежнее время в Испании. У мастеров и мудеррисов Кордовы, Севильи и Гренады мы выучились много чему...

– Вы очень справедливы, мусье. Действительно, как оказывается, цивилизация мусульман Испании много содействовала преуспеванию западной Европы. Брать добрые примеры и хорошие образцы хоть от чужого народа – дело разума и достоинства. Дай Бог, чтобы и мы, мусульмане настоящего, возвратили себе удесятерившееся в ваших руках научное наследие наших отцов!

– Будьте уверены, мусье Аббас, что французы искренне желали бы этого.

– Не сомневаюсь, ибо известно, что этот благородный народ возжигает светоч цивилизации и знания в самых отдаленных уголках мира. Я горжусь, что судьба привела меня в их почтенную среду.

Договорив последнее слово, я заметил входившую к нам молодую женщину. Мусье Шалон встретил и подвел ее ко мне. Я встал. Таков обычай у френгов – вставать при появлении женщины. И хитро, и деликатно.

– Представляю тебе ташкентского гражданина, мусье Аббаса, – сообщил ей обо мне мусье Шалон и затем, обратившись ко мне, сказал: "Это моя дочь, Маргарита". У френгов необходимо быть очень деликатным с женщинами. Они у них часто ничего, но иногда очень много стоят.

– Ваше знакомство наполняет меня счастьем, – поклонился я дочери хозяина.

– И я весьма рада вашему знакомству, мусье Аббас. Папа говорил мне о вас так много хорошего... – заплатила она той же сладостью.

Я чувствую, что мои читатели торопятся узнать ближе эту девушку и какова она собой.

Но как быть? Можно ли описать небесное светило? Нет, не найдется для того достаточно выразительных слов! Надо его видеть и любоваться... Вообразите

нежное, белое, луноподобное личико, украшенное маленьким розовым ротиком и голубыми, глубокими, как небо, глазками, которые окаймлены черными, бархатистыми бровями, точно наведенными рукой великого художника! Добавьте к этому волнистые каштановые волосы, живописно ниспадающие далеко, далеко вдоль стройного, гибкого стана. Интонации голоса, каждое движение, каждый взгляд этой прелестной девушки являл тысячу красот и обещал миллионы радостей!

30 июня 1887 – №19

Мусье Шалон угостил меня великолепным обедом. Видно было, что этот француз любил и знал хорошо покушать. Но, скажу откровенно, лучезарная мадемуазель Маргарита, сидевшая за столом против меня, поглощала все мое внимание, и самые вкусные блюда едва были мной замечены.

Француз не может обедать без вина. Он скорее откажется от супа, но стакан вина должен быть. Прелестная Маргарита любезно предложила и мне выпить красного или белого вина. О, как трудно было отказать этой волшебнице! Я сразу почувствовал, что она многое может мне приказывать, но все-таки отказал ей, заметив, что закон мусульманский запрещает вино.

– Я слышала, – перебила она, – что Коран запрещает пьянство, а не то что рюмку, другую вина в качестве шербета...

– Капля по капле человек привыкает пить сильнейший яд. К вину можно пристраститься еще легче. По-моему, если что запретно в большой дозе, не должно быть допускаемо и в малой. Прошу извинить меня. Я строг в своих привычках и соблюдении закона.

– Мы же так привыкли к вину, что трудно бы обойтись без него, – заметила моя собеседница, наливая себе стакан.

Мусье Шалон, обращаясь к дочери, сказал, что мусульмане строго и неуклонно следуют повелениям своего закона, и многие пороки, пустившие глубокие корни в европейских странах, не ведомы на Востоке.

После обеда мусье Шалон сообщил мне, что желает просить меня учить Маргариту персидскому и турецкому языкам. Он объяснил это свое желание тем, что имеет прочные и значительные дела на Востоке, а дочь у него единственная наследница, которой, вероятно, придется продолжать отцовские дела, особенно если попадется неделовой муж.

Предложение почтенного француза меня крайне удивило и смутило, так что я не знал, что ему ответить. Маргарита, разливая кофе и чай, сидела тут же, увеличивая мое затруднение. Я думал, что за пустяки, что за странное желание учить ее по-персидски и по-турецки, точно готовить к отправке в подарок в Персию или Туркестан... Но это ничего, Бог с ним, но я-то что буду делать, приняв предложение? Оставаться целые часы с очаровательной, бойкой девушкой, беседовать, учить, брать за руку и исправлять почерк, перебивать чудный голос и исправлять произношение... Все это очень приятно и интересно, но можно позабыть все, что знаешь в постоянном присутствии такой очаровательницы; Аллах премудр; все совершается по Его Воле... Мусье Шалон, объясняя мое молчание стеснением сказать мои условия, предложил 200 франков за три урока в неделю по два часа каждый раз.

– Ваши условия очень хорошие, но я не знаю, позволят ли мне мои дела и собственное обучение уделить столько времени преподаванию, – отвечал я уклончиво. Тут отец и дочь стали просить меня не отказывать им и обещали со своей стороны пособить мне сколь возможно поскорей усвоить френгский язык. Маргарита была искусной музыкантшей и обещала даже давать мне уроки музыки. Я должен был согласиться.

Через три дня мы приступили к делу. В обширном доме мусье Шалона мне отвели

хорошенькую комнату для уроков, окнами в небольшой сад с цветником и клумбами. На первых уроках присутствовала вместе с Маргаритой ее компаньонка и учительница, старая и безобразная англичанка. Она молча просиживала весь урок, едва заметно улыбаясь при остроумных вопросах и замечаниях Маргариты. Раза два она замечала ей что-то по-английски. Этот истинно шайтанский язык я вовсе не понимал.

Прошел целый месяц, три раза в неделю я ровно в два часа приходил на урок и уходил в четыре. Иногда мусье Шалон оставлял меня обедать, а вечером вместе отправлялись в театр или на гулянье. В Париже театров и гуляний так много, что если каждый день бывать в одном, то и в год всех не обойдешь. Но, впрочем, приличные люди во всех не бывают.

Моя прекрасная ученица делала поразительные успехи. Да и я, говоря с ней без умолку и охотно, быстро усваивал все тонкости французской речи. Она много расспрашивала о моих воззрениях на жизнь, о наших обычаях, привычках и странах. Еще более она интересовалась мной и подробно осведомилась о моем происхождении, намерениях и предстоящих путешествиях. В течение месяца мы познакомились и освоились, как старые друзья. Маргарита производила на меня очень сильное впечатление, но, видя, что нас разделяет целая пропасть в виде происхождения, верования, привычек, стран и будущности, я подавлял все невольные движения моего сердца и приучал себя, в подражание соловью, скромно любоваться созерцанием розы и слагать для нее песни без надежды, чтобы она их когда-либо услышала!

Маргарита очень интересовалась восточными повестями и произведениями наших поэтов. Она заучивала целые песни Гафиза и избранные места Месневи. Я замечал, что безотчетная, всепожирающая любовь героинь и героев восточных сказаний производили на нее сильное впечатление.

В течение следующих двух месяцев мы переговорили с Маргаритой о многом и вполне узнали взгляды и симпатии друг друга. Она, между прочим, подарила мне свой портрет и [зас)тавила меня сняться, чтобы передать ей мой. У френгов этот обмен ничего не означает, так они говорят. Но я думаю, что они часто ошибаются в этом случае. Маргарита говорила, что долго-долго не позабудет своего туркестанского учителя и друга; я говорил в этом же роде, хотя было бы правдивей сказать, что буду не в силах забыть столь очаровательную женщину, образ которой уже бурлил мою кровь, преследовал повсюду и начинал ломать некоторые воззрения на жизнь и будущее.

Уроки наши вместо двух часов стали незаметно затягиваться по три и более часов, так что несносная англичанка заходила каждый раз предупредить, что уже 3 часа. Я оставлял общество Маргариты нехотя, но крепился и резонил себя, желая скрыть свои чувства даже от себя самого.

12 июля 1887 – №20

Мусье Шалон был очень доволен ходом обучения и иногда заходил к нам во время урока поговорить по-персидски. Он, видимо, любил этот благозвучный язык Востока. Хотя Маргарита была очень бойкая, разговорчивая девушка, но я долго не мог разгадать ее и боялся как огня, чтобы она не заметила чувства, с каждым днем сильнее и сильнее возжигавшиеся во мне. Нужно было ждать, чтобы не попасть в смешное положение.

Недалеко от дома Шалона было одно оригинальное учреждение, подобного которому нет у нас на Востоке. Проходя часто мимо, я однажды зашел туда, чтобы посмотреть, что там делается. Меня любезно встретили учительницы и мамки. Вы думаете, что я попал в школу? Нет, это была не школа. Здесь, в больших и светлых комнатах, в люльках и кроватках, лежало, спало или кормилось до полутора года младенцев самого нежного возраста, а на дворе бегало и играло столько же детей в

возрасте от двух до пяти лет под присмотром нескольких женщин. Учреждение это крайне меня удивило и заинтересовало. Расспросив окружающих женщин, я узнал, что это учреждение называется "азиль" (убежище), имеющее целью присмотра за детьми в течение дня, когда матери – люди бедные, уходят на работы на целый день. Оказалось, что всякая бедная одинокая женщина, уходя из дома на работу, приносит сюда своего ребенка и оставляет здесь до своего возвращения вечером домой. Учреждение за это берет очень маленькую плату, не тяжелую для самой бедной работницы. Благодаря этому учреждению бедная мать не лишается возможности заработать кусок хлеба. Уплачивая 5–10 коп[еек] в день, она спокойна, что ее ребенка и накормят, и присмотрят до ее возвращения. Так как у френгов очень много женщин живет самостоятельно и сами себе зарабатывают [на] пропитание, то подобное учреждение как нельзя более соответствует требованию жизни и разума. Нельзя не похвалить френгов за подобные заведения и порядки. Выдуманно хорошо: каждая бедная женщина не может нанять кого-либо для присмотра за своим ребенком во время [своего] отсутствия на работе, а десять-пятнадцать вместе уже могут иметь женщину для присмотра за детьми. Дешево и разумно.

Впечатление, произведенное на меня осмотром "убежища детей", я передал Маргарите и, беседуя на тему о воспитании и обучении, я узнал от нее многое об учебном деле французов.

Всеми низшими и высшими школами французов заведует особое министерство, в каждом департаменте и округе существуют директора и учебные комиссии, помогающие и надзирающие за учебным и воспитательным делом.

Все французы без различия пола учатся грамоте. Для взрослых людей, оставшихся неграмотными по той или другой причине, существуют "воскресные школы", где они приобретают знания, упущенные в молодости. В неделю раз, отдыхая от трудов и работы, французские бедняки посвящают 2–3 часа на обучение. Учат их, конечно, бесплатно. Воскресные школы большею частью существуют при помощи частной благотворительности.

Любовь и преданность науке и школе позволила французам занять первое место во всех сферах жизни. Назвать француза "невеждой", "неучем" – значит, нанести ему кровную обиду.

Видя всеобщее обучение и грамотность французов и задумываясь над этим, я приходил к мысли, что они заимствовали из мусульманского шариата многие свои обычаи и положения. Всеобщее и даровое обучение – это одно из оснований ислама, установленное Кораном, хадисами и практикой древнемусульманской жизни. Это положение всецело усвоено французами. Среди ста современных мусульман едва найдется 10–15 грамотных, но из ста французов не встретите 10 неграмотных! Меня удивило еще следующее: нищенство, попрошайничество строго запрещено шариатом; но на Востоке базары и передние мечетей всегда полны самыми разнообразными нищими. Во Франции же нищих совсем не видно, точно какой строгий халиф буквально исполнил здесь постановление шариата! Не имеющих занятий и избегающих труда берут в тюрьмы и заставляют работать, а действительно несчастных людей, не способных к труду, призывают в богадельнях, не допуская унижаться и страдать на базарах и перекрестках. На этот случай установилась самая широкая благотворительность, и на доброе, общественное дело французы охотно жертвуют всегда.

Так как занятия мои с Маргаритой стали слишком затягиваться, то мусье Шалон обратил на это внимание и деликатно заметил, что "очень благодарен за мое старание, но просит не утруждать себя и ученицу лишними занятиями, ибо времени еще впереди немало".

Было заметно, что старая англичанка нарочно просиживала около нас все время уроков.

Становилось неловко.

28 июля 1887 – №22

Прошло восемь месяцев, как я приехал в Париж, и месяцев шесть, как я поступил на вольные научные курсы и начал давать уроки Маргарите. Я говорил уже порядочно по-французски; успел получить из Ташкента три партии шелка и выгодно продать, а Маргарита благозвучно и нежно объяснялась по-персидски. Надо признаться, что я уже безумно любил эту девушку, она отвечала мне, но отношения наши были, конечно, самые чистые, невинные, вполне согласные с благородством и порядочностью.

Знания мои и кругозор развивались с каждым днем более и более. Я посещал уже классы, где преподаются науки. Я видел теперь, каким непроходимым невеждой прибыл в эту страну! Будучи в Ташкенте, я считал себя знающим человеком и ученым муллой: какая иллюзия! Десятилетний французский мальчуган понимал людей и знал вещи больше, чем я.

Изучая здесь историю, я знакомился с прошедшим и начинал понимать настоящее и немного судить о будущем; география познакомила меня с народами и странами и их жизнью, из курсов физики и химии я составил правильные понятия о существе и действии многих вещей и о причинах многих явлений, казавшихся прежде темными, необъяснимыми.

Слушая лекции по политической экономии, я ознакомился с законами производства, торго и накопления богатств. Как много нового, как много удивительного я узнал и понял. Я видел теперь, каким неучем был до сего!

Однажды зашел ко мне знакомый по бирже комиссионер и предложил поездку в одну из окрестных деревень, где происходил местный годовой праздник. По обычаям французов у них каждая деревня имеет свой священный день и празднует его раз в год всей общиной. Тогда сюда съезжаются тысячи народа из ближайших местностей и еще более парижан, любопытных до всякого зрелища.

Я согласился ехать, благо это здесь так нетрудно, так недорого. Железные дороги почти повсеместны, конки и омнибусы во все стороны, а обыкновенных извозчиков до ста тысяч, т.е. столько, сколько жителей в моем родном Ташкенте. Когда мы прибыли в намеченную деревню, я был удивлен: какая же это деревня, думаю, целый город! Великолепные лавки, кофейни, шоссированные улицы, красивые дома и несколько тысяч постоянных жителей. Французы зовут это "деревней", а у нас в Туркестане немного и городов с несколькими тысячами жителей.

Мы обошли всю деревню, смотрели народные забавы, игры, балаганы, посидели в кофейнях, любуясь повсюду пестрой оживленной толпой мужчин и женщин в самых разнообразных нарядах. После обеда комиссионер мой предложил мне познакомиться с одной местной жительницей, его знакомой, имеющей тут хорошенький домик и довольно обширный сад. По его словам, это была почтенная, умная старушка, довольно сведущая и начитанная. Я был не прочь посмотреть на деревенский быт французов. Мы пошли. Войдя в калитку сада, мы встретили добрую старушку. Комиссионер представил меня. Хозяйка, изъявив удовольствие принять столь редкого гостя, весело повела нас в дом и, видимо, была довольна познакомиться с жителем далекого Туркестана.

Старая, как сама хозяйка, служанка быстро подала нам чай, кофе, закуски, а мадам (так зовут французы замужних или бывших замужем женщин), бойкая говорунья, забросала меня вопросами и шутками.

- Как находите вы нашу страну? – спрашивала она.
- Великолепной и высокоцивилизованной.
- А как понравился вам здешний народ? Будьте откровенны.
- Он завоевал мое полное уважение своею жизнью и порядочностью.
- Ну, а французенки?

– Они восхитительны!

– Ну хорошо; однако, мусье Аббас, будьте с ними осторожны, между ними не мало дурных женщин... Вы молоды и на чужбине. Я от души желаю, чтобы ваше пребывание во Франции прошло совсем без неприятностей.

– Благодарю вас, мадам. Я занят своим обучением. Науки, надеюсь, оберегут меня от здешней шумной жизни и случайностей.

Видимо, искреннее благорасположение ко мне старушки произвело на меня самое приятное впечатление. Долго и много побеседовав с ней, мы прямо вернулись домой. На прощанье она пригласила меня бывать у нее на даче каждый раз, когда пожелаю деревенского воздуха и садов. Как оказалось, это была богатая женщина, поселившаяся после смерти мужа в деревне.

15 августа 1887 – №24

Письма и заметки читателей, доставленные мне редакцией, удостоверили, что мои нескладные писания интересуют очень многих. Тем более я постараюсь в последующих письмах говорить подробней обо всех интересных явлениях Френкистана и моих приключениях. Надеюсь, что читатели найдут в этих письмах кое-какие полезные для них новости.

Молла Аббас.

Я уже писал, что отношения мои к прекрасной Маргарите, несмотря на все мои старания и противодействия своим чувствам, зашли слишком далеко. Она была в таком же положении. Мы любили друг друга. Скрывать это долго не удалось. Тут я понял, что чувства более управляют людьми, чем разум.

Отец Маргариты, заметив наши отношения и относясь к ним снисходительно, как к невинному, чистому, как кристалл, увлечению молодости, решил, однако, прекратить наши свидания. Деликатно маскируя свои цели, он сначала установил один урок в неделю под предлогом, что Маргарита уже сделала достаточные успехи. Позже, чтобы упростить неловкое наше положение, я заявил, что Маргарита достаточно подготовлена, чтобы продолжать занятия самостоятельно, и перестал бывать в приятном для меня доме.

Бедный отец! Он думал отдалить нас друг от друга и тем затушить наши чувства... Он не подумал о том, что раз возгорится весеннее солнце – снега должны таять, несмотря на мимолетные облака.

Я виделся с Маргаритой вне их дома, для чего была нанята подходящая квартира. При свободе женщин у френгов устроить это было нетрудно. Однако мы приняли меры, чтобы никто не мог узнать, кто мы. Это было необходимо для ограждения имени моей возлюбленной. Хотя я обыкновенно не оставлял свой национальный костюм, но на свидания являлся переодетым в френгское платье.

Свидания наши не заключали чего-либо преступного, и я, и Маргарита были далеки от дурного, но оба чувствовали необходимость по временам видаться и переговаривать о своем положении и возможном будущем. Мы оба сознавали, что будущее наше очень темно и затруднительно, но ни один из нас не решался прекратить это опасное знакомство: чувства повелевали над всеми прочими соображениями.

Дни, недели и месяцы прошли своим чередом. Торговые дела мои пошли очень хорошо. Кроме выписки туркестанского шелка на свое имя, я повел комиссионное дело по выписке разных азиатских товаров для других купцов. Мое знание арабского, турецкого и персидского языков в связи с вновь усвоенным французским дали мне большое значение среди коммерсантов. Через мои руки стали проходить большие суммы, и доходы мои быстро возрастали.

Вообще дела мои шли хорошо; обучение успешно, а чистая, невинная любовь прекрасной француженки окутывала благоухающим, розовым облаком все мое существование. Мне казалось, что я счастлив, но, увы, это было человеческим

заблуждением! Судьба готовила мне величайшее несчастье и страшнейший свой удар. Не думайте, что дело заключалось в торговой неудаче или в каких-либо неприятностях с Маргаритой. Все ученые люди остаются слепыми, когда надвигается грозный фатум. Френги не верят ему, но этим все-таки себя не застраховывают против него. Он к ним и к нам, верующим, одинаково неумолим. Что же случилось? Спросите вы. А вот увидите.

30 августа 1887 – №25

Раньше я писал уже о поездке моей с одним комиссионером на сельский праздник в окрестности Парижа, в деревню, и знакомство с одной пожилой мадам, проживавшей постоянно в той деревне. Я писал также, что меня повез в деревню один знакомый комиссионер и познакомил с помянутой старушкой, которая тогда же пригласила меня бывать у нее, когда захочу подышать деревенским воздухом. После этого мне пришлось, выезжая в разные окрестности города, раза три посетить почтенную даму и проводить на ее даче по несколько часов. Она всегда интересовалась моими рассказами о Туркестане и сообщала много интересного о парижской жизни. У ней же я встречался с некоторыми местными жителями, которые приглашались ею к завтраку или к обеду. Мадам была известна за богатую и добрую женщину. Жила она, впрочем, скромно, имея прислугой старую кухарку и садовника.

Однажды, когда я вернулся с биржи к себе на квартиру, нашел у себя повестку, вызывающую меня к следователю на следующее утро. Я не имел никакого дела у этого важного чиновника, ведущего дела о разных преступлениях, и недоумевал о причине вызова. На следующее утро я явился к нему и представил повестку.

– Так это вы, молла Аббас? – обратился он ко мне.

– Да, – отвечал я.

– Откуда вы, чей поданный и сколько вам лет?

– Я из Ташкента, русский поданный. Мне 28 лет.

– Давно вы в Париже и чем занимаетесь?

– Скоро год. Слушаю лекции на частных курсах и веду небольшую торговлю азиатскими товарами.

– Хорошо. Много у вас в Париже знакомых и кто они?

Я назвал всех, за исключением мусье Шалона и Маргариты.

– Часто ли вы с ними видите и как вообще проводите время? Расскажите подробней.

Я рассказал, как проходили и проходят мои дни в Париже и, конечно, не счел вовсе нужным упомянуть об отношениях к Маргарите.

Записав все сказанное и подумавши некоторое время, следователь продолжал:

– Бывали ли вы в деревне (такой-то) и знакомы ли с мадам (такой-то)? Следователь спрашивал о женщине, упомянутой в начале этого письма.

– Я был там несколько раз и всегда навещал мадам, как почтенную, умную собеседницу.

Допрос следователя начал крайне интересоваться меня, и я немного начал беспокоиться, не зная, к чему все это ведет.

"Зачем он все это спрашивает, для чего ему все это нужно?" – думал я.

– Когда вы были у мадам в последний раз?

– Двадцать дней тому назад.

– Припомните хорошенько и скажите правду, не были ли вы у нее после этого еще раз?

– Нет.

– Хорошо. Не слыхали ли вы на этих днях что-либо о вашей знакомой?

– Нет, ничего.

Следователь упорно и пытливо посмотрев мне прямо в глаза, предложил выйти в

другую комнату. Я вышел. Этот странный допрос уже сильно смущал меня. Что случилось и что я мог слышать о моей деревенской знакомой? Наконец, при чем тут я и эти серьезные вопросы? Я чувствовал выступление легкого пота на моей спине. Я знал, что "следователь" – чиновник важный и спроста людей не вызывает. По законам френгов, это лицо исследует важные дела и преступления, но, однако, при чем же я-то? Я терялся в догадках, когда следователь вновь позвал меня к себе.

– Так вы ничего не слышали и не были у этой барыни на этих днях? – встретил он меня.

– Нет, г[осподин] следователь.

– Это не ваш ли платок? – продолжал он, вынимая из ящика довольно грязный, запачканный чем-то красным, шелковый носовой платок.

– Не знаю, мой ли, но он такой же, как мои, – отвечал я, осмотрев платок.

– Я думаю, что он ваш. Таких платков в Париже я никогда и ни у кого не видал, – заметил следователь.

Я приходил в большее и большее беспокойство и недоумение.

– А этот кисет не ваш ли, мусье Аббас? – продолжал следователь, вынимая шелковый кисетик для мелких денег.

Осмотрев кисет, я признал его, ибо он был подарен мне при выезде из Ташкента одним знакомым шакирдом.

– Кисет мой, но я его давно не держал и не знаю, как он попал к вам, – обратился я к следователю.

– А вот узнаете... Скажите мне, пожалуйста, где вы были позавчера и как и где провели ночь вчерашнего дня?

– Я был все время в городе в разных местах.

– Отвечайте точнее: где и в какое время дня и ночи?

– Утром позавчера до 9 часов я был у себя, до часу пробыл на курсах. Затем завтракал в ресторане у биржи...

– А затем?

– А затем я был в таком месте, о коем сообщать не желаю.

– Когда вы вернулись к себе на квартиру?

– Хорошо не знаю, но поздно ночью.

– Одни вы вернулись или с кем-либо другим?

– Я вернулся один. Живу одиноко.

– Так вы не хотите указать места, где были все время после обеда до глубокой ночи?

– Нет.

– Вы напрасно это делаете, это вам не поможет. Я знаю, где и как провели вы это время. Признание было бы полезно для вас же.

– Но, однако, позвольте, г[осподин] следователь, узнать, что означает этот допрос, я начинаю беспокоиться. Как человек свободный, я имею право бывать где мне угодно и не обязан отчитываться перед кем бы то ни было, не зная причины вопросов.

– Вы их отлично знаете, хотя не без искусства притворяетесь... Ведь вы убили и ограбили вчера ночью вашу добрую знакомую в деревне. Оброненные вами платок и кисет, помимо всего прочего, ясно уличают вас; запирательство и притворство бесполезны. Вы с сей минуты арестованы. Сейчас отправимся вместе на вашу квартиру и там найдем, вероятно, новые данные вашего преступления и виновности. Не для добра, видно, прибыли вы к нам из далекого Ташкента; у нас своих убийц было довольно... Предупреждаю, молла Аббас, по французским законам признание и раскаяние много облегчает участь преступника...

Но я уже не слышал. В глазах потемнело, и я едва стоял на ногах. Я обвиняюсь в убийстве и грабеже! На месте преступления найдены мой платок и кисет... Я готов был помешаться.

6 сентября 1887 – №26

Затем, отдав под надзор здорового полицейского, следователь повел меня на мою квартиру. Тут он допросил обо мне соседей и произвел осмотр всех моих вещей, записывая все, что слышал и видел. Между прочим, он нашел у меня 40 тысяч франков деньгами и билеты банка в 38 тысяч франков. Он очень обрадовался этой находке и, уже совсем уверенный в моей виновности, спросил:

– Вы скажете, конечно, что все это ваши деньги?

– Нет, не все мое, но тут нет ни одного сантима убитой вдовы, – отвечал я, уже несколько успокоившись, после первого замешательства.

– Чьи же это деньги?

– Сорок тысяч принадлежат трем купцам и переданы мне в задаток за выписанные через меня товары. Спросите о том у них.

Я указал их имена и адреса.

– Что вы скажете относительно 38 тысяч, вложенных в банк? Тут следователь стал рассматривать банковый билет на вклад.

– Это мои собственные деньги, вывезенные из родины.

– Почему же вы их только третьего дня вложили в банк? Где они у вас хранились до того?

Я понял, что следователь думает, что эта сумма – деньги убитой. Но когда я объяснил ему, что у меня было гораздо более денег и что они сначала хранились у частного банкира, которого я ему и указал, он как-то замешался.

Записав все мои указания и подумав, следователь спросил:

– Так вы решительно продолжаете скрывать ваше местопребывание все время после обеда и ночь, когда совершилось убийство вдовы?

– Да, я не хочу указать это. Моя и чужая честь обязывают к тому.

– Допустим, что не вы убийца, что ту роковую ночь вы провели в другом месте, но тогда чем вы объясните, что ваши вещи, с следами крови, нашлись в комнате убитой?

– Я это объяснить не могу и молю Аллаха помочь вам разгадать это страшное дело. Я не винен, как вы сами.

– Не дарили ли вы кому-либо ваши платки и кисет?

– Нет, никому.

– Вы, может быть, потеряли их, и кто-либо нашел и, наконец, кто-либо взял их у вас незаметно?

– Положительно не знаю, взял ли их кто или они были обронены, потеряны мной.

– Нет ли между вашими знакомыми такого человека, который мог бы быть замешан в это убийство и для отвода глаз правосудия воспользовался вашими вещами, бросив их на месте преступления? Подумайте, вспомните хорошенько.

– Все мои знакомые – их, впрочем, немного – люди столь порядочные, что я не могу подозревать кого-либо.

– Наконец, еще один вопрос. Вы не хотите указать, где вы были в ночь убийства.

Знает ли кто-либо это место?

– Никто, кроме того человека, который был все время со мной.

– Очень странно. Скажу откровенно, молла Аббас, как человек богатый, вы едва ли решились бы на убийство из-за грабежа, но могли быть другие мотивы... Ваш отказ указать место пребывания в ночь убийства и вещи, найденные на месте преступления, не оставляют сомнения в вашей виновности и по меньшей мере в вашем соучастии в этом деле.

– Клянусь вам, что об этом убийстве я узнал впервые от вас.

– Ваша клятва – недостаточное доказательство. Из ста преступников 99 готовы клясться... нужны факты.

Следователь задумался. Я стоял, погруженный в тяжелые думы о моем бедствии.

Опечатав все мои вещи, бумаги и деньги, следователь заметил мне, что из них

ничего не пропадет, что они будут храниться у властей до окончания суда и, смотря на меня в упор, сообщил:

– По французским законам убийство наказывается смертной казнью... Вам, чтобы оправдаться, необходимо доказать, что вы не были и не могли быть в деревне в роковую ночь, т.е. указать мне, где вы провели ту ночь, чтобы я мог убедиться! Теперь я сделал постановление подвергнуть вас предварительному заключению, куда вас и поведут сейчас.

Я совсем потерялся. Но вскоре, опомнившись, собрал все свои силы и, в уповании на милосердие Аллаха и свою невинность, твердо последовал в тюрьму. Следователь дозволил мне взять с собой кое-какие книги и сказал, что мне позволят в тюрьме читать, писать, а также покупать, под надзором смотрителя, необходимые мне вещи. Спустя полчаса, меня подвезли к громадному, как казарма, и красивому, как ханский дворец, дому и заперли в одну из его комнат с маленьким окном с решеткой и толстой тяжелой дверью. Я был в тюрьме и горько заплакал.

14 сентября 1887 – №27

Прошло две недели, как я содержался в тюрьме. Французская тюрьма не то, что китайская. Здесь содержат обвиняемых и обвиненных весьма прилично. Помещения чистые, пища хорошая, обращение вежливое, хотя и строгое. Если бы человек не дорожил честью и свободой, французские тюрьмы могли бы считаться лучшими караван-сараями и убежищами, где кормят, чистят и прислуживают совершенно даром!

Смотритель тюрьмы был ко мне особенно ласков и охотно отвечал, когда я что-либо спрашивал. Оказалось, что французские тюрьмы служат также школой. Смотритель убеждал меня, что большая часть преступлений есть прямое следствие невежества и нужды. А потому люди опыта и совести нашли полезным за время заключения преступника в тюрьме обучать его чему можно, чтобы, возвратясь в среду общества, он явился грамотным и знающим какое-либо ремесло для честного приискания себе куска хлеба. "Имеющий честный кусок хлеба не имеет надобности воровать или отнимать чужой", – говорил он. И действительно, когда я начал раздумывать об этом, то вспомнил, что все известные мне в Ташкенте и других местах воровства и грабежи совершены были людьми темными и нуждающимися. Эти преступления обыкновенно учащаются в неурожайные годы. Очевидно, что нужда имеет большое влияние на человеческие деяния.

Поистине удивительный народ – френги. Они из камня хотят выжать воду! Воришку они не казнят, не мучают, но сытно кормят, учат и выпускают из тюрьмы исправившимся человеком и знающим мастером. Великое милосердие и знание человеческой природы! Исповедуй френги ислам, они были бы лучшими мусульманами. В них очень много добрых задатков. Недостатки их мы тоже укажем, если будет угодно Аллаху.

Хотя тюремные порядки и разговоры с умным смотрителем немного меня развлекали, однако тяжелое положение, в которое я попал по воле рока, не давало мне покоя.

Следователь несколько раз уже вызывал меня к себе и несколько раз заходил в тюрьму для новых допросов. Сказать ему что-либо новое я не мог. Он между тем успел допросить человека двадцать и тоже ничего нового не открыл. Все дело указывало, что убийцей несчастной старухи был я! Показав мне все дело и показания допрошенных лиц, следователь заявил, что положительно уверился в моей виновности. Хотя никто не сказал ему, что видел меня в день или ночь убийства в доме покойной, но так как не было следов кого-либо другого, то все приходило к заключению о моей виновности. Оконченное дело перешло в суд, и я ждал страшный день, когда должна была решиться моя судьба... Меня могли оправдать, но еще легче могли обвинить, и тогда французский топор должен отсечь

мою голову! Адвокат, приглашенный мною для защиты, признавал мое положение довольно опасным и советовал не скрывать, где я провел ночь, когда совершено убийство. Я отвечал ему, что открыть это обстоятельство не хочу и просил его найти другой выход из положения, если он убежден в моей невиновности и достаточно способен.

Однажды утром я попросил, чтобы мне купили несколько номеров газет. Принесли. В одной газете я прочел: "Деятельное следствие по делу об убийстве 20 числа прошлого месяца вдовы №№, проживавшей в деревне Б., успешно окончено. Несомненным, убийцею оказывается некий молла Аббас, уроженец Ташкента, посещавший в Париже частные курсы и имевший кое-какие дела на бирже. Несколько загадочно в этом деле то обстоятельство, что человек этот хорошо обеспечен. Найденные на месте преступления вещи не оставляют, однако, сомнения в его виновности, хотя можно допустить, что мотивом преступления могло быть и нечто другое, помимо грабежа. Виновный, упорно не признаваясь, отказывается также указать место, где был в то время, когда совершено это зверское преступление, мотивируя это свое поведение тем, что тут замешана честь и доброе имя одной девушки".

О милосердный Аллах! За что такие тяжкие испытания? Теперь все друзья мои в Париже узнают об этом и будут проклинать день, в который со мной познакомились! Со слезами на глазах я бросил эту газету и взял другую. В отделе городских новостей читаю: "Хорошо известного в торговых кружках почтенного негоцианта мусье Ш. постигло большое горе. Единственная наследница его, прекрасная мадмуазель М. позавчера после обеда, читая газету, внезапно заболела и впала в беспамятство. Доктора опасаются за благополучный исход. Отец в отчаянии". Я почти ошалел, газета выпала из рук. Я понял, что газета говорит о мусье Шалоне и Маргарите, я понял, что внезапная болезнь ее – это следствие роковой заметки обо мне в газете.

Она в последнее время не знала, где я и что со мной. Бедная девушка... Но мое-то положение каково теперь! Ночь, когда совершено убийство, я был с ней на нашей общей квартире. Я оберегал ее честь и имя, поставив на карту свою жизнь, и в то же время я же, может быть, буду причиной ее смерти! Я грешен, Великий Аллах, но будь милостив к нам! Она умрет, не начавши жить; я же погибну под французским топором в качестве убийцы и грабителя! Умилосердись, создатель... Я плакал, как ребенок...

23 сентября – №28

День суда приближался. Положение мое становилось отчаянным, и я терял всякую надежду на оправдание. Бесчестие и гильотина, казалось, нависли над моей головой неотразимо. Мне скажут: "К чему вы упорствуете и не хотите указать место, где провели день и ночь, когда совершено было убийство? Этим вы обрекаете себя на гибель и даете возможность действительному убийце скрыться от правосудия. Вы поступаете не умно". Об этом я сам думаю с первого дня привлечения к этому страшному делу, но до сих пор полагаю, что не имею права говорить... Читатель, вероятно, уже догадался, что 20 число прошлого месяца, когда совершено убийство вдовы, я провел с Маргаритой на нашей тайной квартире. Действительно, все [время] после обеда и весь вечер до полуночи мы были вместе. Затем вышли и часа два прогуливались по Елисейским Полям. Ночь была чудная, расставаться не хотелось. Прислуга меблированных комнат знает меня, знает об этих свиданиях, хотя густая вуаль всегда скрывала лицо Маргариты, а мой френгский костюм не давал им повода подозревать мое происхождение и национальность. Убийство, как дознано следствием, совершено между вечером и полуночью 20 числа. Я мог вполне доказать, что был весь день и ночь в Париже и никак не мог совершить в то же время [того] убийства в деревне за двадцать пять верст от

города, но для этого я должен был указать на свидания мои с Маргаритой и погубить доброе имя честной, счастливой девушки, за то, что она полюбила меня и доверилась моему мужеству. Конечно, жертвуя ее именем, я был бы спасен, но это не честно, не благородно. Раз она мне доверилась, я должен был не выдавать ее. Злоупотреблять доверием грешно и подло, хотя бы даже в таком случае, как мой. Несчастье обрушилось на меня; чем виновата бедная девушка, что я для своего спасения должен покрыть позором ее имя и отравить всю жизнь? Да, я могу легко спастись, но поступлю подло. Я этого не хочу. Должен искать другого исхода и не терять надежды на правосудного Аллаха, который не допустит меня погибнуть невинно...

Узнав о моем положении из газет, почти все знакомые навестили меня в тюрьме и выразили свое сожаление и надежду, что дело в конце концов выяснится и я буду освобожден, но, увы, они, горько ошибались или просто говорили слова утешения. Я не позволил бы себе указать Маргариту, но от нее зависело в крайнем случае добровольно стать свидетельницей и спасти меня. Сама она имела право располагать своей честью и именем, но, увы, тысячу раз увы, она теперь находилась в таком положении, что могла умереть ранее, чем гильотина обезглавит меня! Слабый луч надежды, светивший мне, погас с ее страшной болезнью, и я готовился уже к смерти, к смерти бесчестной и позорной.

Я думал: согрешили мы, устраивая тайные свидания, хотя любовь наша была чиста, как любовь соловья и розы, но наказание, постигшее нас, слишком тяжело...

Аллах не всех карает так строго, но на то Его Святая Воля.

Через шестнадцать дней будет происходить мой суд. Каждый день и час приближал меня к неминуемой казни. Я молился и составлял письма к родственникам в Ташкент о том, что думаю уехать в Бразилию для религиозной деятельности среди негров, вывезенных из Африки и до сих пор сохраняющих ислам. Сообщая об отъезде на край света, я думал скрыть хоть от родного города мой позорный конец и охранить честь покойного отца. Все же деньги мои, оставленные им мне, должны были пойти к наследникам убитой вдовы и на расходы суда! Кто бы мог думать, что деньги, заработанные моим отцом, – да будет на нем благословение Аллаха, – пойдут к наследникам какой-то француженки. Поистине судьба непостижима.

Я сидел разбитый, почти полоумный, когда ко мне ввели мусье Шалона, отца Маргариты.

– ... Здравствуйте, мусье Аббас, что с вами, как вы сюда попали? Это невероятно, – обратился он ко мне и дружески пожал руку.

– Невероятно, да, но однако, как видите, я здесь несомненно.

– Да... не сомневаясь, что тут недоразумение, я желаю, мой друг, указать вам, что ваше положение серьезно...

– Даже больше чем серьезно, оно безнадежно, но что же делать?

– Как что делать? Вы говорите, точно дело идет о сотне франков; вы рискуете честью и головой, скрывая от следствия некоторые обстоятельства жизни. Вы не должны молчать. Правда, молчание ваше благородно, но...

– Но спасая свою шкуру, я должен убить чужую честь и имя. Этого я сделать не могу. Пусть Аллах делает, что хочет, я предаюсь Его Воле. Прошу вас, мусье Шалон, не говорите об этом. Я очень признателен за ваше посещение, это большое утешение для меня... Да, извините, пожалуйста, я и забыл... Как поживает мадемуазель Маргарита?

– О, мой друг, она и я в отчаянном положении. Она сильно больна и в бесспамятстве уже более недели, я теряю все надежды...

– Что же случилось? Успокойтесь, мусье Шалон. Молодые, здоровые организмы выносят не одну болезнь. Бог не без милости. Горевать не надо... Что говорят врачи? – я пожал ему руку.

– Они, видимо, ничего не могут сказать об исходе болезни. Если сегодня – завтра она

придет в себя, то надеются на выздоровление... Вчера как будто бы сознание вернулось, знаками попросила бумагу и карандаш. Дали. Едва шевеля рукой, она что-то хотела написать, но успела лишь начертить несколько слов, из коих можно было разобрать слова "нет, не он, ибо он был тогда..." Болезнь опять овладела ею. И она лежит без слов и движения...

Бедный француз плакал. Я не мог плакать. Что-то сдавило мне горло, я задышался и только мысленно представлял себе несчастную девушку, которая в борьбе со смертью, забывая себя, делала последнее усилие спасти меня. Я понял, что она хотела писать о нашем свидании и открыть то, что скрывал я. Боже, Боже, будь милосерден к нам. Мы не сделали зла.

1 октября 1887 – №29

Итак, друзья и знакомые, кои были в Париже, навестили меня. Сказав слова два в утешение, они ушли, чтобы позабыть, вероятно, чужого им Аббаса. Более близкий, как мне казалось, мусье Шалон тоже исполнил долг знакомства... Действительно близкое, как бы родное мне существо в этой чуждой, далекой стране, бедная Маргарита при смерти или, может быть, уже нет ее на этом свете! Бедная девушка, погибла ты через меня или, вернее, мое несчастье сразило и тебя... Я остаюсь одиноким и беспомощным перед ужасным обвинением и холодными, безучастными, хотя и вежливыми французскими чиновниками.

Теперь я сознавал, что значит друг, товарищ, приятель. Как было бы теперь сладко побеседовать с кем-либо близким! Но, увы, тяжкое одиночество, несчастье на чужбине и гроза неминуемого наказания окружали меня со всех сторон. Я часто пугался и вскакивал со своего места; представляя себя на ожидавшей меня гильотине. По ночам, когда удавалось уснуть, страшные сны наводили на меня ужас... Благодарю Аллаха, что я не лишился рассудка.

Мне был доставлен обвинительный акт, который я прочитывал много раз, чтобы найти какое-либо возражение. Все улики были против меня. Оставалось ждать и надеяться на Аллаха и святых, коим я думал поклониться здесь, предпринимая путешествие в страну френгов...

Сегодня около полудня меня вызвали из тюрьмы и под конвоем в закрытой карете повезли в суд. Так как у френгов во время суда присутствует много публики, мужчин и женщин, то я привел свои вид и одежду в лучший вид: чистота и опрятность всегда приличны. В суде меня посадили на особое место, предназначенное для обвиняемых. Около меня стал жандарм, впереди занял место защитник. На противоположной стороне комнаты поместился прокурор. Около него сидели общественные (присяжные) судьи; вправо от меня были государственные судьи, а против них в некотором отдалении сидела публика, человек триста мужчин и женщин. Комната суда была столь обширна, что в ней могли уместиться четыре или пять туркестанских саклей с двориками. Вся обстановка напоминала приемную великого хана.

Меня должны были судить присяжные. Это судьи, избираемые из среды общества. Это лучшая форма суда, да и вообще лучшая выдумка френгов. Присяжные судят независимо от различных формальностей, руководствуясь лишь разумом и совестью. Скажут они "виновен" – правительственные судьи назначают законное наказание; скажут "не виновен" – обвиняемый тотчас освобождается. При суде присяжных виновному нелегко вывернуться, хотя бы он ловко защищался, а невинный легко освобождается, хотя против него существуют формальные улики. Суд присяжных – это суд совести и сердца. Часто сердце видит более, чем глаз, а совесть подсказывает более, чем разум.

Прочитали обвинительный акт, сущность коего сообщена мной в предыдущих письмах. Председатель спросил меня о моем происхождении, религии, возрасте и о том, что признаю ли я себя виновным в убийстве известной читателям вдовы с

целью ее ограбления. Я ответил, конечно, что нет. Тогда начали читать все бумаги, относящиеся к делу, и показания свидетелей. Затем из особой комнаты по одному начали приводить свидетелей и вновь допрашивать пред судом. Вся эта процедура продлилась несколько часов, и судьи прервали заседание на несколько часов для отдыха. Через час суд возобновился. Уже несколько привыкши к торжественной обстановке суда, я, предав себя воле Аллаха, значительно успокоился и обдумывал, что сказать в свое оправдание. Только теперь я заметил, что в передних рядах между публикой сидели многие мои знакомые и мусье Шалон.

Все были задумчивы и серьезны и лишь изредка перешептывались между собой. Прокурор в своей речи доказывал, что вина моя несомненна, что нежелание указать местопребывание в день и ночь убийства весьма обыкновенная уловка, а потому, требуя безусловного обвинения, он указывал судьям, что вина моя усиливается тем, что я, мол, убил и ограбил женщину, принимавшую меня как доброго знакомого. Защитник мой ничего особенного сказать не мог и просил присяжных дать мне большое снисхождение, так как дело представляет много загадочного, причем он лично убежден в моей невинности и прочее.

Когда председатель обратился ко мне с предложением сказать мое последнее слово, я встал. Все как бы притаили дыхание и обратились в слух. Я начал: "Господа судьи, не я убийца несчастной женщины, но все данные дела против меня.

Найденные на месте преступления мой платок и кисет говорят против меня; отказ мой указать, где я был, когда совершалось это гнусное преступление, подтверждает их указание... сказать, где я был в ту роковую ночь, – значит, оправдать себя и погубить невинное и дорогое для меня имя. Сделать этого не могу, хотя и знаю, что рискую жизнью. Я надеялся, что следствие будет более успешно и откроет действительного преступника. Но этого не случилось, а потому, покоряясь своей горькой участи, прошу не оставить это дело и после обвинения меня, чтобы хоть поздно, но доброе имя мое было восстановлено. Не я убийца. Пусть Всемогуший поможет вам быть правосудными".

Я знал, что сказанное мной не оправдание, но большего я не мог и не хотел говорить. В это время судебный чиновник доложил председателю, что две женщины желают дать показание по этому делу. Приказали ввести их.

Вошли две женщины, одетые в длинные черные платья и прикрытые густой вуалью. Только можно было заметить, что одна из них молода, а другая уже старая особа. Взоры и внимание всего суда и публики обратились к ним. Я не знал, кто они и что хотят сказать, но прибытие их несколько облегчало, успокаивало меня. Я надеялся, что они не пришли говорить против меня.

16 октября 1887 – №31

Председатель суда, приступая к допросу загадочных свидетельниц, предложил одной из них удалиться на время в особую комнату. На это одна из незнакомок ответила, что она не свидетельница, но сопровождает свидетельницу как не совсем здоровую свою подругу. Тогда председатель, обращаясь к более молодой женщине, спросил: "Вы желаете показать что-либо по делу моллы Аббаса"?

– Да, – ответила едва слышно свидетельница и попросила позволения давать ответы сидя, по случаю нездоровья. Ей это разрешили.

– Как ваше имя и фамилия? Прошу также поднять вашу вуаль, ибо суду надо видеть вас.

– Я не желаю сказать мое имя и не желала бы показать свое лицо.

– Тогда вы не можете быть свидетельницей, ибо суд может выслушивать только лиц, известных ему.

Свидетельница опустила голову и молчала. Видно было, что она боролась с вопросом: что делать. Мне кажется, что все присутствующие чувствовали, что эта женщина должна сказать нечто очень важное по делу. Председатель повторил свой

вопрос и требование. Тогда молодая свидетельница тихо подняла вуаль и едва слышно произнесла: "Маргарита Шалон".

Я подскочил на своей скамье. Счастье наполнило все мое существо; я забыл и суд, и убийство и готов был броситься к моему ангелу-спасителю в ноги, но адвокат мой взял меня за руку и, поздравляя со спасением, просил успокоиться.

– Сколько вам лет и где вы живете? – допрашивал суд.

– Мне 18 лет. Улица NN, дом номер N°N°.

– Что вы хотите показать по сему делу?

– Я хочу сказать, что следствие и суд имеют дело с совершенно невинным человеком.

– Чем вы можете доказать это?

– Тот день или ночь, когда совершено известное убийство, Молла Аббас провел со мной и в то же время не мог совершить убийство далеко за городом...

В это время между публикой произошло движение и некоторые люди воскликнули: "Доктора, доктора"! Суд приостановился, и я мог заметить, что несколько человек вынесли за двери суда бедного мусье Шалона! Несчастный отец, услышав показание своей дочери, свалился как мертвый, а может быть, и умер... О, я видел, что несчастье не перестает преследовать меня: я спасен, но погиб или погибает отец моей возлюбленной!

Маргарита, вся закутанная, сидя спиной к публике, не заметила происшедшего.

Председатель продолжал:

– Давно вы знакомы с г(осподином) молла Аббасом и имели ли с ним свидания раньше этого рокового дня?

– Да.

– Где вы принимали его, дома или в другом месте и знает ли об этом кто-либо?

– Мы виделись в специально нанятой квартире, улица (такая-то). Это могут подтвердить слуги тех меблированных комнат, хотя действительных наших фамилий они до сих пор не знают... Больше мне говорить нечего. Спросите двух лакеев Поля и Жана, которых я привела. Они ждут внизу.

Привели лакеев. Они признали молла Аббаса и свидетельницу, подтвердив суду, что молодые люди видались в отеле уже несколько месяцев и что в день убийства, действительно, мадемуазель и мусье провели все время у них.

Присяжные быстро признали меня "невиновным", и председатель объявил, что я свободен и могу получить обратно мои деньги и вещи. Не слушая его, я бросился к Маргарите. Публика аплодировала и кричала "браво". Мне было не до того: я увидел едва-едва живую мою возлюбленную, которая, раз взглянув на меня, закрыла глаза. Мне показалось, что она умерла. В глазах моих помутилось, и я не помню, что было дальше.

25 октября 1887 – №32

Когда я пришел в себя и открыл глаза, то увидел, что нахожусь на кровати полураздетый. Около меня сидела сестра милосердия и что-то шила. Заметив мое пробуждение, она ласково сообщила, что в суде со мной сделалось дурно и что я перевезен к ним в больницу. Поблагодарив сестру, я спросил ее, не знает ли она, в каком положении мусье Шалон и мадемуазель Маргарита, бывшие со мной на суде. Она ответила, что о них ничего не знает и заметила, что я могу оставить больницу без вреда для здоровья. При этом она встала и вышла, чтобы дать мне возможность свободно одеться.

Хорошие женщины эти «сестры». У френгов многие дамы и девушки, жаждая добрых дел и помощи страдающим, добровольно отказываются от удовольствий жизни и посвящают свои силы, труды и знания в пользу бедствующих. Они обучают детей, смотрят за больными, а во время войны помогают и спасают раненых, как своих, так и вражьих. Это служение добру и человечеству.

Хотя я чувствовал слабость, но решил немедленно ехать в дом г[осподина] Шалона и узнать об их положении. Простившись с сестрой милосердия и дежурным врачом, я нанял экипаж и поехал. Нерадостные вести ожидали меня в доме мусье Шалона! Он умер тогда же от удара, не быв в силах перенести впечатления от показаний дочери. Маргарита лежала едва живая, но с надеждой на выздоровление, как сообщил мне врач, постоянно находящийся при ней. Ей, конечно, не сказали о смерти отца, сообщив, что экстренное дело вызвало его отъезд в Москву. Так как в газетах сообщались те или другие рассказы о нашей истории, то доктор приказал уничтожать все газеты, кои приносили в дом, а Маргарите запретил читать и говорить, не принимая в дом никого из посторонних. Доктор согласился допустить меня до больной с тем условием, чтобы я помог ему успокоить Маргариту по случаю внезапного отъезда отца в Москву. Она уже спрашивала, не оставял ли отец ей письма и не писал ли с дороги. Бедная девушка! Она ждет отца. Я должен лгать, обманывать, чтобы помочь ей выздороветь. Не думал я о таких приключениях, выезжая из Ташкента; не думал я, что желание поклониться праху «сорока мучеников» будет столь чревато последствиями. Посмотрим, что будет дальше. Если бы из Ташкента я поехал не на Запад, а на Восток, в Кашгар, Уч-Турфан или Хатань, то, наверно, мои приключения были бы иного рода. Там одна, а тут другая жизнь. В Европе жизнь открытая, общая, бурная. Хочешь – не хочешь, а соприкасаешься с ней. Имеешь много удовольствий, развлечений, но зато очень легко попасть и в беду. Кто-то убил и ограбил богатую старуху. Меня за это чуть не повесили. Женщины тут не скрываются от мужчин и свободно бывают почти везде. Поэтому Маргарита могла видаться со мной тайно от отца. Открытие этой тайны убило его; но если бы тайна осталась тайной, я был бы обезглавлен. Известие о смерти отца может убить Маргариту, а ее смерть будет тяжким ударом для меня! О, сорок святых, облегчите, упростите мое положение. Выезжая из Ташкента, я не думал ни о старухе, ни о мусье Шалоне, ни о Маргарите, а я думал о вас и шел к вам!

Когда доктор ввел меня к Маргарите, она тихо повернула к нам голову и улыбнулась. Я поцеловал протянутую ко мне слабую ручку.

(У френгов обычай целовать женские ручки). Рука Маргариты – рука человека, спасшего меня от виселицы или судебного топора.

– Здравствуй, мой друг, – приветствовала она меня, – ты, видимо, совсем оправился... Очень рада... но я еще очень слаба... Плохо.

– Не беспокойся, мой ангел, – отвечал я, тронутый нежным, ласковым голосом Маргариты, – через несколько дней и ты тоже поправишься и простишь меня за причиненные тебе страдания.

– Ты в них не виновен. Прощать нечего, но я не прощу тебе твое упорное молчание перед следователем и судом. Я могла не узнать о твоём положении, я могла умереть, не успев дать свое показание, и тогда ты был бы казнен, как подлый преступник...

– Мне было легче умереть, чем изменить твоему доверию. Не будем говорить об этом. Это уже прошло.

Глазами, полными слез и любви, смотрела на меня Маргарита и затем, как бы оживившись, взяла меня за руку и сказала: «Аббас, ты спасен; страдания оправдают нашу любовь. Нам остается помочь правосудию открыть действительного убийцу... Я найду его... Только бы поскорей выздороветь... Скажи, пожалуйста, тебе ничего не писал мой папа? Зачем ему понадобилась столь внезапно Москва?»

– Писал. Выражает надежду, что дело мое окончится благополучно. Вернется недели через две. Вызвала же его в Москву мошенническая проделка комиссионера. Тебе он, видимо, не пишет потому, что доктор запретил это. Всякое чтение и даже разговоры тебе вредны.

– Ты напиши ему об окончании дела, сообщи о моем показании. Узнает из газет – будет ему неприятно. Он простит нас... Он ведь добрый папа.

6 ноября 1887 – №33

Я еще не писал вам о парижской бирже и о прекрасном базаре драгоценностей, именуемом Пале-Рояль. Об этих двух базарах можно написать целую книгу, но я должен буду быть краток, чтобы успеть вовремя поговорить еще о многом другом. Парижская биржа – это довольно большая площадь, отлично вымощенная асфальтом и содержащая в совершеннейшей чистоте. Вообще улицы и площади Парижа не знают, что такое грязь, пыль и навоз. Френги не жалеют денег на чистоту города и доказывают цифрами, что чем более чисто и опрятно держать город, тем менее болезней между жителями. Здесь заведен такой порядок, что все нечистоты и сор уносятся водой подземными трубами далеко за город. Весь Париж построен на подземных галереях, служащих для водоснабжения и очистки города. Каждое утро тысячи городских рабочих подметают и промывают все улицы города, и он постоянно чист, зимой и летом.

Посреди биржевой площади стоит большое каменное здание биржи. Здесь целый день сотни банкиров и богачей ведут торг разными кредитными бумагами, как частными, так и государственными. Денежные знаки покупаются и продаются целыми выюками сразу, на целые десятки миллионов рублей! Сделки на сотни тысяч считаются ничтожными.

Вокруг площади расположены банкирские конторы. Зайдем в одну из них. Вокруг стен большой комнаты стоят рядами прочные мешочки с золотом. У нас в хлебной лавке не найдешь столько мешков с хлебом, сколько тут золота! Зато французы загребают его, как хлеб, лопатой и при размене крупных сумм вешают, а не считают. Денежные знаки пачками размещены на полках, и в каждой такой конторе имеются на десятки миллионов. Этим-то господам должны все государства Европы и у них же занимают, когда нужны деньги. Нельзя не удивляться баснословному накоплению богатства у френгов и у их банкиров. Люди, имеющие миллион, тут вовсе не редкость, их считают просто богатыми людьми. Состояния в десятки миллионов тоже не редкость. Осматривая парижскую биржу, можно думать, что золото со всей земли собрано сюда как бы по волшебству, и наши домашние менялы и процентщики кажутся смешными с небольшими кисетами или столиками.

– Как и когда вы успели собрать столько золота, – спросил я у одного француза. – Ведь земля ваша не богата минералами.

– Да, земля наша не богата золотом, но каждый француз всю жизнь делает золото; весело, достаточно живет, но все-таки много остается и накапливается. Так идет дело уже несколько столетий.

– Как французы делают золото! Что вы хотите этим сказать?

– Каждый француз есть мастер своего дела. Произведения наши охотно покупаются во всех частях света. За искусство и знание наше из всех стран и от всех народов текут к нам золотые ручьи и образуют золотое море, которое вы теперь видите. Богатство француза в его руке и в его голове; рука умело делает, а голова умно соображает. Вот откуда золото. Только полудикие народы копают золото, искусные получают его легче и готовым.

– Машаллах, машаллах. Это верно. Искусство и работа – золотой источник, говорит наша пословица.

Действительно, искусство и знания современных европейцев делают их господами мирового базара и мировой торговли. Все прочие народы, как чернорабочие, работают для них! Правда, что знающий есть повелитель незнающего.

Не очень далеко от биржи есть базар драгоценностей Пале-Рояль. Это тоже площадь, но с цветниками, окруженная со всех сторон великолепными ювелирными магазинами. Глазам не поверишь, если осмотреть один из этих магазинов. Сколько тут золотых вещей, алмазов и бриллиантов! Сколько искусства, тонкости в отделке! Есть кольца, стоящие десятки тысяч рублей. Есть женские украшения, стоящие сотни тысяч, и эти вещи покупаются и дарятся не царями, не ханами, а простыми

французами!

Обходя вокруг Пале-Рояля, в одном из боковых входов я заметил старого, седого, как лунь, араба, в длинном своем одеянии и белой чалме. Он сидел у небольшого столика и продавал разные африканские мелочи, вроде духов, пахучих масел, сушеных фруктов и прочее.

Обрадованный встречей с единоверцем, я приветствовал его селямом. Он ответил и предложил мне место около себя. Мы разговорились и познакомились. Его звали Джелял Магриби. Он из Магриба. Имея от роду 90 лет, он уже лет пятнадцать как странствует по френгским землям, торгуя мелочами. С первого же раза я заметил, что шейх Джелял, человек очень ученый и хорошо знающий Европу. Хорошо говорил он по-французски, по-английски, по-испански и по-итальянски.

С большим интересом он расспрашивал меня о Туркестане, Бухаре и, слушая мои рассказы, покачивал седой головой, бормоча "не то было прежде".

Узнав о целях моего приезда в страну френгов, он сообщил, что мне не удастся найти гробницы сорока мучеников, ибо всякие следы их исчезли, но указал, что в соседней стране, в Испании, я могу найти памятники прежнего величия и цивилизации мусульман, причем почтенный старик глубоко вздыхал, точно он лично потерял там все дорогое и хорошее.

Видя мое желание беседовать с ним, шейх Джелял дал мне свой адрес и просил быть у него вечером следующего дня.

13 ноября 1887 – №34

На следующий день вечером я воспользовался предложением шейха Джеляла и посетил его. Он занимал две небольшие комнатки, в одной были сложены его товары, а в другой помещался сам. Почти половина этой комнаты была занята полками различных книг, как мусульманских, так и френгских. Сочинения знаменитых европейских улемов и философов тут были налицо. Я видел, что имею дело не с простым торговцем, а с ученым и мыслящим мусульманином.

Все, что я видел в Европе, мне очень нравилось; я был в восхищении от цивилизации Запада и крайне сожалел об отсталости моих азиатских сородичей. На вопрос шейха Джеляла, как понравилась мне европейская жизнь, я дал самый лучший отзыв. Старик улыбнулся и заметил, что и ему так показалось с первого раза, ибо, продолжал он, внешняя, показная сторона европейской жизни блестяща, восхитительна, но не все то золото, что блестит...

Эти слова шейха меня очень заинтересовали, и я прочно уселся для беседы с почтенным старцем. Не буду приводить здесь всех его речей, но сообщу вам резюме воззрений его, которые он подкреплял многими доводами и цифрами.

"Сын мой, – говорил шейх, – степень достоинства цивилизации имеет одно мерило, – это сумма довольства и счастья, обеспечиваемых ею для людей. Как позднейшая, цивилизация Европы много выше римской и греческой, но, увы, она столь же далека от своих истинных задач, как и ее старшие сестры. Имея начало в цивилизации Рима и Греции, европейская цивилизация влила в новые формы старую суть, и я не могу допустить, чтобы современный европеец, конечно, относительно был счастливее римлянина, хотя и обладает, по-видимому, большими ресурсами жизни.

Великие успехи в сфере знаний, чудовищное развитие промышленности, о коих не мог мечтать ни один древний, дали возможность Европе казаться совершенно новой и отличной от других стран и времен, но тем хуже для нее, что при этом, соответственно, не возросло людское счастье, и людские слезы теперь так же горько льются, как в древности, и что хуже всего – и теперь люди так же мало способны и склонны осушать их, как то было в отдаленные времена.

И в древности, и теперь человек стремится лишь к личному благу, побуждаемый своей животной природой. Как в древности, так [и] теперь человек движим лишь "пользой". Деятельность, цели и нравственность прикреплены к "пользе" и вертятся

вокруг нее... Но не все полезное справедливо. Поэтому цивилизация Европы, если не породила, то широко развила различные секты протестантов, именуемых здесь социалистами, анархистами, которые готовы ввергнуть человечество в еще большие несчастья; это слепцы, желающие найти дорогу для заблудившихся зрячих...

Приведу тебе один пример ложности европейского пути – здесь в каждой стране ежегодно тратят миллионы на обучение людей – "с пользой" применять свои силы и способности; каждый европеец вооружается всеми средствами науки и индустрии, чтобы урвать себе побольше "пользы", но, увы, совершенно упущено из виду приучать их быть "справедливыми" и давать им силы оставаться всегда и везде таковыми.

Образование господствует над воспитанием; ум – над сердцем; эгоизм – над справедливостью. Ни богатства, ни промышленный прогресс [не] дадут счастья людям, а справедливость и науки, укрепляющие ее. Весь блеск и шум Европы зиждется пока на колоссальном прогрессе индустрии техники; во всем остальном человек Европы недалеко ушел от людей древности и человека других частей света. Тем не менее, европейцы стоят ныне во главе человечества и внесли много хорошего в общее достояние поколения Адама и Евы. Но грядущее откроет людям иные, более широкие горизонты и лучшие формы жизни. Народы, стоящие позади Европы, должны учиться у европейцев и воспользоваться их опытом и ошибками, чтобы прогрессировать в лучшем направлении и создавать лучшие формы жизни и людских отношений, чем те, кои мы видим здесь.

Уже пятнадцать лет я живу и странствую по Европе, изучая ее и в жизни, и в творениях ее мыслителей, чтобы, если угодно будет Аллаху, высказать мнение, которое, может быть, будет бесполезно для народов, готовых идти по стопам Европы.

Когда я вернулся от шейха, то застал у себя письмо от Маргариты. Я не был у нее в течение целой недели и очень обрадовался ее письму, так как она, очевидно, настолько поправилась, что могла уже писать.

Вскрыв письмо, я, однако, был поражен несколько холодным тоном, хотя вся записка представляла образец самой изысканной любезности, на которую столь способны френгские женщины. Она звала меня быть у нее непременно утром в 11 часов.

Почему в 11, если есть дело, и к чему эта деловая пунктуальность, если дело идет о свидании любящих друг друга людей? Приглашение Маргариты обеспокоило меня, а шейх Джелал смутил мои мысли, так что ночь я провел беспокойно, видя во сне то серьезного, ученого старца, то различные зловключения с Маргаритой.

23 ноября 1887 – №35

Когда я в назначенное время пришел к Маргарите, она встретила меня со слезами, и, сказав, что любовь наша роковым образом была причиной смерти ее отца, и потому она, как грешница, думает отказаться от мира и посвятить себя Богу. Это значило, что любовь, а может быть, и всякое знакомство наше должны были прекратиться. Я был так поражен этим заявлением, что не знал, как возражать и утешить бедную девушку. Правда, я говорил ей, что мы не виновны во всем этом, что мой приезд в Париж и все последующее суть предопределения, но это мало убеждало ее, так как в Европе, хотя не отвергают участие Провидения в судьбах людей, но верят этому не так, как у нас.

Сказав ей, что во всяком случае она остается для меня дорогой и любимой женщиной, я ушел, надеясь, что позже она успокоится, одумается, и любовь наша найдет себе исход. Однако опасение потерять любимую девушку начало меня мучить. Большинству людей я не в состоянии объяснить те мучительные и вместе приятные чувства, кои испытывал после этого свидания с Маргаритой. В груди моей одновременно чувствовался и рай, и ад. Я не знал, что делать, что предпринять; учение бросил; окружающее перестало интересовать. Только образ любимой

девушки, носясь повсюду предо мной; то оживлял мою бедную душу, то мучил ее невыносимо. Но я напрасно пытаюсь объяснить вам мое состояние: оно неопишимо. Меня может понять лишь тот, кто сам когда-либо любил, а это бывает не со всяким. Теперь я понял, почему Аллах в великой милости и премудрости своей обещал полное прощение грехов погибшим от безнадежной и честной любви! Велик Аллах! Разум указывал мне, что нужно развлечься и стараться облегчить себя. Париж давил меня своей громадой. Великолепие его и безучастие окружающих еще более отягощали меня, и я решил уехать, но я не знал, еду ли отсюда совсем или на время, я об этом не думал; я бежал от своего горя, от ада, который пылал и клочотал во мне самом.

Вспомнив совет и указание шейха Джеляла, я собрался в Испанию. Отсюда это недалеко. В стране этой когда-то был наиболее блестящий и знаменитый мусульманский халифат. Остатки этого царства в форме памятников архитектуры и иных сооружений рассыпаны по всей Испании и безмолвным, но правдивым языком рассказывают о бывшем величии мусульманской жизни и науки, указывая на возможность и в будущем развития и цивилизации между мусульманами. Я приобрел лучшие французские книги об Испании и рукописную историю испанского халифата на арабском языке от шейха Джеляла. При помощи этих книг я составил план обозрения Испании.

В несколько дней я окончил дела и приготовления к отъезду. Деньги мои через банк я перевел в Мадрид, столицу Испании. В Европе нет надобности возить деньги с собой. Деньги переводят из города в город по твоему желанию за самое незначительное вознаграждение. Пропасть деньги не могут: банк или банкир дает тебе небольшую бумажку с указанием, от кого и где получить деньги. Это даже лучше денег, ибо если потеряешь или украдут ее, то деньги можно спасти, дав знать телеграммой о случившемся. Хотя я не получил от Маргариты ни одной строки, но перед выездом решил написать ей прощальное письмо, в коем сообщил, что еду в Испанию поклониться великим людям и ученым древнего мусульманского мира.

7 декабря 1887 – №37

В прошлом письме обещал рассказать о завоевании Испании.

В 84 году Гиджры, в царствование халифа Валида, мусульмане уже проникли до Атлантического океана, покорив весь северный берег Африки. Правивший африканскими владениями халифата Муса ибн Насыр, успев обратить в ислам все местное население, задумал перебросить часть своего войска на ту сторону Гибралтарского пролива, чтобы предпринять завоевание Испании.

Беспорядки в этой стране и соперничество правителей, ослаблявших друг друга, разорили всю страну и облегчали арабам их задачу. В Испании было немало людей, которые желали вторжения мусульман и даже приглашали их, указывая на все слабые стороны своего правительства.

Правитель Муса, исподволь собрав все необходимые сведения об Испании и ее положении, обратился к халифу с просьбой разрешить поход в эту страну. В рапорте своем он доказывал, что Испания красотой напоминает страны Ливана; климатом – счастливую Аравию; плодородием – Египет и минеральными богатствами – Индию. Муса предполагал по завоевании Испании двинуться во Францию и Германию, чтобы, покорив эти страны, дойти до Константинополя.

Сделав все нужные приготовления к походу, весной 92 года Гиджры небольшой отряд мусульман под командой Тарик ибн Зияда переплыл пролив, названный его именем, и высадился на берегах Испании. Тотчас вскочив на коня, Тарик обратился к войскам с[о] следующими словами: «Мусульмане, впереди враги; позади глубокое море. Нам остается один путь: победа и торжество».

Воодушевленные войска с быстротой весеннего потока двинулись за своим вождем и в короткое время, разбив в многочисленных битвах врага, завладели почти всей

страной. Королевская власть кое-как удержалась в горных, труднодоступных частях страны. Тем не менее власть эта стала в зависимое от мусульман отношение. Успеху мусульман, кроме храбрости и оружия, много содействовала их разумная, веротерпимая администрация. Обеспечение имущества и свободы покоренных много ослабляло силу их сопротивления, так что гуманность мусульман покоряла им не менее людей, чем острая сабля.

Вслед за Тариком сам Муса с вторым отрядом высадился в Испании и покорил местности, обойденные первым военачальником. Однако честь завоевания, несомненно, принадлежит Тарику ибн Зияду. Это обстоятельство в связи с блестящей славой и обширной его популярностью возбуждали зависть и опасения Мусы, который кончил тем, что донес халифу на Тарика, обвиняя его в различных преступлениях, выдуманных довольно удачно. Вследствие этого оба военачальника были вызваны в Дамаск и преданы суду. Муса, однако, успел оправдаться, а несчастный Тарик умер в бедности и забвении в 97 году. Тут еще раз оправдалась татарская поговорка, что топор, соорудивший юрту, часто остается вне ее. В 113 году мусульмане перевалили через Пиренейские горы во Францию и, заняв Тулузу и Бордо, подошли к Туру и Пуатье. Тут, слишком удаленные от Испании, они ослабли в многочисленных стычках с врагами и не могли устоять против чрезвычайной силы, собранной против них Карлом Мартеллом. Проиграв большое сражение в окрестностях Пуатье, мусульмане быстро отступили в Испанию. На поле этой знаменитой битвы я искал гробницу «сорока мучеников», но за давностью времени никаких следов найти не мог.

Испания подчинялась, как провинция, халифам Дамаска и управлялась их наместниками. Но с падением династии Омейядов, когда халифатство перешло в руки Аббасидов, один из уцелевших принцев падшей династии, Абдурахман успел скрыться в Испанию, где и был провозглашен в 140 г. главой самостоятельного с тех пор испанского халифата.

Испанские мусульмане достигли значительной степени цивилизации. В науках, ремеслах и торговле они сделали большие успехи и были учителями Европы. Халифатство это просуществовало восемьсот лет и пало по тем же причинам, кои погубили монархию готов: взаимные раздоры, общая деморализация. Разрушителем мусульманского государства в Испании был король Фердинанд. Последним мусульманским государем (в Кордове) [был] Му Абдаллах, сдавший город и власть Фердинанду, чтобы удалиться в Африку.

В следующем письме я сообщу вам кое-что о развитии знаний и памятниках испанских мусульман.

7 декабря 1887 – №37

8 прошлом письме обещал рассказать о завоевании Испании.

В 84 году Гиджры, в царствование халифа Валида, мусульмане уже проникли до Атлантического океана, покорив весь северный берег Африки. Правивший африканскими владениями халифата Муса ибн Насыр, успев обратить в ислам все местное население, задумал перебросить часть своего войска на ту сторону Гибралтарского пролива, чтобы предпринять завоевание Испании.

Беспорядки в этой стране и соперничество правителей, ослаблявших друг друга, разорили всю страну и облегчали арабам их задачу. В Испании было немало людей, которые желали вторжения мусульман и даже приглашали их, указывая на все слабые стороны своего правительства.

Правитель Муса, исподволь собрав все необходимые сведения об Испании и ее положении, обратился к халифу с просьбой разрешить поход в эту страну. В рапорте своем он доказывал, что Испания красотой напоминает страны Ливана; климатом – счастливую Аравию; плодородием – Египет и минеральными богатствами – Индию. Муса предполагал по завоевании Испании двинуться во Францию и Германию,

чтобы, покорив эти страны, дойти до Константинополя.

Сделав все нужные приготовления к походу, весной 92 года Гиджры небольшой отряд мусульман под командой Тарик ибн Зияда переплыл пролив, названный его именем, и высадился на берегах Испании. Тотчас вскочив на коня, Тарик обратился к войскам с[о] следующими словами: «Мусульмане, впереди враги; позади глубокое море. Нам остается один путь: победа и торжество».

Воодушевленные войска с быстротой весеннего потока двинулись за своим вождем и в короткое время, разбив в многочисленных битвах врага, завладели почти всей страной. Королевская власть кое-как удержалась в горных, труднодоступных частях страны. Тем не менее власть эта стала в зависимое от мусульман отношение.

Успеху мусульман, кроме храбрости и оружия, много содействовала их разумная, веротерпимая администрация. Обеспечение имущества и свободы покоренных много ослабляло силу их сопротивления, так что гуманность мусульман покоряла им не менее людей, чем острая сабля.

Вслед за Тариком сам Муса с вторым отрядом высадился в Испании и покорил местности, обойденные первым военачальником. Однако честь завоевания, несомненно, принадлежит Тарику ибн Зияду. Это обстоятельство в связи с блестящей славой и обширной его популярностью возбуждали зависть и опасения Мусы, который кончил тем, что донес халифу на Тарика, обвиняя его в различных преступлениях, выдуманных довольно удачно. Вследствие этого оба военачальника были вызваны в Дамаск и преданы суду. Муса, однако, успел оправдаться, а несчастный Тарик умер в бедности и забвении в 97 году. Тут еще раз оправдалась татарская поговорка, что топор, соорудивший юрту, часто остается вне ее.

В 113 году мусульмане перевалили через Пиренейские горы во Францию и, заняв Тулузу и Бордо, подошли к Туру и Пуатье. Тут, слишком удаленные от Испании, они ослабли в многочисленных стычках с врагами и не могли устоять против чрезвычайной силы, собранной против них Карлом Мартеллом. Проиграв большое сражение в окрестностях Пуатье, мусульмане быстро отступили в Испанию.

На поле этой знаменитой битвы я искал гробницу «сорока мучеников», но за давностью времени никаких следов найти не мог.

Испания подчинялась, как провинция, халифам Дамаска и управлялась их наместниками. Но с падением династии Омейядов, когда халифатство перешло в руки Аббасидов, один из уцелевших принцев падшей династии, Абдурахман успел скрыться в Испанию, где и был провозглашен в 140 г. главой самостоятельного с тех пор испанского халифата.

Испанские мусульмане достигли значительной степени цивилизации. В науках, ремеслах и торговле они сделали большие успехи и были учителями Европы.

Халифатство это просуществовало восемьсот лет и пало по тем же причинам, кои погубили монархию готов: взаимные раздоры, общая деморализация. Разрушителем мусульманского государства в Испании был король Фердинанд. Последним мусульманским государем (в Кордове) [был] Му Абдаллах, сдавший город и власть Фердинанду, чтобы удалиться в Африку.

В следующем письме я сообщу вам кое-что о развитии знаний и памятниках испанских мусульман.

15 декабря 1887 – №38

При завоевании мусульман Испания представляла собой страну, богатую природой, но бедную культурой. Вскоре после завоевания они обратили ее в цветущий сад, полный людьми, плодами и красотами. Роскошные сады, богатые нивы, тысячи разных мельниц, заводов, фабрик, многочисленные деревни, обширные благоустроенные города, фонтаны и оросительные каналы покрыли всю страну, подчиненную мусульманскому управлению. Прежнюю мертвенность заменила жизнь; пустыни обратились в нивы. Хорошие дороги изрезали страну по всем

направлениям, содействуя торговле и сношениям людей.

Население увеличивалось со сказочной быстротой и поражало современников своим довольством и хорошей жизнью. По словам арабских историков, в одной долине реки Гвадалквивира были расположены двенадцать тысяч деревень. В царствование эмира Юсуфа каждую пятницу в трехстах тысячах мечетях читалась хутба! Страна была усеяна 80 большими и 300 малыми городами. Столица халифата Кордова имела двести тысяч домов, шестьсот мечетей, пятьсот больниц, восемьсот медресе и девятьсот общественных бань. Гренада, Севилья, Толедо соперничали в блеске и богатстве с Кордовой.

Государственные доходы халифата были более всей суммы доходов тогдашних государств Европы. Управление – внутреннее, военное и морское не имели себе подобного. Купцы и произведения испанских мусульман проникали во все страны. Блеск, богатство и знания их освещали восток и запад. Едва ли какая другая страна родила столько ученых. Мы имеем под рукой небольшой список, заключающий имена 203 улемов, написавших до тысячи книг по всем отраслям наук, знаний и искусств.

Жаль только, что большинство этих книг было уничтожено испанцами под влиянием фанатизма и вражды ко всему мусульманскому.

Земледелие, медицина, хирургия, естественные науки, математика, астрономия, логика и философия достигли особенного развития между испанскими мусульманами. Халифы дорого платили за каждую книгу и глубоко почитали всякого ученого, всякого мастера. Дворец халифа не был только жилищем хорошеньких женщин; он представлял собой также храм науки и собрание великих мужей знания и искусств.

Как велико было уважение к науке, видно из того, что библиотека халифа Абдурахмана III в Кордове заключала шестьсот тысяч книг! Общественных библиотек в государстве было семьдесят, открытых всегда для публики и учащихся. Мы раньше заметили, что европейцы, обучаясь в Испании у мусульман, перенесли в Европу много знаний и ускорили расцвет новейшей науки и цивилизации. В этом отношении заслуга испанских мусульман и их жизни вполне признается европейскими учеными.

К несчастью, с падением халифата поголовное изгнание мусульман из Испании погубило их умственные плоды и культуру, так что современная Испания в век пара и электричества – лишь развалина в сравнении с тем, что было за шестьсот лет! Однако до сих пор целы многие памятники, рисующие нам былое величие и цивилизацию единоговерного нам народа.

Полюбуйтесь знаменитой мечетью в Кордове, ныне обращенной в католический храм, или великолепной Альгамброй в Гренаде – и перед вами оживет грандиозная, величественная картина могучей жизни и чудной цивилизации, которые в дальнейшем своем развитии, может быть, создали бы жизнь более нравственную, более счастливую, чем имеют люди теперь, если бы неумолимая рука судьбы и испанского вандализма не уничтожили ее с корнями.

Я счастлив, что судьба привела меня поклониться этой далекой земле с ее великими памятниками. Тут прочувствовал я много хорошего и испытал немало радостей, волнуемый часто и сожалениями, и надеждами.

21 декабря 1887 – №39

Описывать все памятники мусульманской жизни и цивилизации, осмотренные мной в разных городах Испании, потребует очень много места. О них следует написать особую книгу.

Упомяну лишь о великой мечети в Кордове и дворце Альгамбра в Гренаде.

Кордуанская мечеть заложена в 770 г. Гиджры халифом Абдурахманом. Эта грандиозная молельня сооружена вся из дорогого мрамора с куполом, покоящимся

на восьмидесяти колоннах. Вид мечети грандиознее, внутренняя отделка великолепнее стамбульской Ая-Софии, большой каирской мечети и других сооружений подобного рода. Освещение храма так рассчитано, что производит на зрителя глубокое впечатление. Строгая симметрия всех частей, красота и величие общего вида, воздушные арки, соединяющие колоннаду храма, непритворно и беспристрастно говорят нам о духе народа – строителя, великом, красивом и жизнотворном, каковым представляется кордуанская мечеть, воплощение духа и вкуса арабов.

Я целую неделю осматривал и любовался этой большой мечетью, каждый день открывая в ней новые красоты и новые мысли гения строителей. Вслед за французским путешественником Густавом Доре не могу не заметить, что пристройка и небольшие переделки, сделанные испанцами, чтобы уничтожить мусульманские надписи, много повредили цельности красот мечети.

Другой памятник, привлекающий ежегодно массу туристов и художников, это Альгамбра, дворец халифов Гренады. Дворец этот состоит из нескольких дворов и множества построек, сооруженных одновременно разными халифами. Тем не менее дворец представляет нечто цельное во всем своем разнообразии; идея красоты и симметрии в кажущемся беспорядке выдержана от начала до конца. Мозаика и арабески, украшающие Альгамбру, сохранились до сих пор, так же, как многие надписи, пощаженные невежеством испанцев. Так, над "Воротами Закона", можно прочесть арабскую надпись куфическими и африканскими письменами, указывающую, что ворота окончены в 749 г. (1348 г.).

Так как мусульмане избегали рисунков одушевленных предметов, то все их искусство в живописи вылилось в изображения растений и различных узорах, называемых арабесками. Затейливость и красота арабесок Альгамбры в мозаике или на мраморе до сих пор поражают всякого наблюдателя и служат образцами этого рода искусства, хотя подражания никогда не достигают достоинства оригинала.

В первое мое посещение Альгамбры я пошел туда с проводником и описанием дворца на французском языке. Нас встретил смотритель и дал прислужника, чтобы показать это чудо мусульманского зодчества, единственное в мире по своему характеру и стилю. Каждый шаг в пределах дворца и его дворов приводил меня в восторг, и только мысль о том, что это призрак прошлого и погибшего, отравляла восторженность моего духа!

Я сообщил смотрителю, весьма любезному испанцу, что приехал из далекого Туркестана, чтобы поклониться памятникам ислама в Испании, и просил его дозволить посещать дворец каждый день. Таким образом, все время я проводил много часов в обозрении дворца и созерцании окружающих красот, ибо Альгамбра сооружена на горе, над Гренадой. Сочетание самых счастливых условий делают всю эту местность едва ли не лучшей во всем мире. Арабские историки считают окрестности Гренады лучше, чем таковые Дамаска и Багдада. Вода умеряет жар. В Гренаде чем жарче, тем более воды, благодаря близости вечно снежной Сиерра-Невады, регулирующей климат и оплодотворяющей всю местность, которая производит самые нежные плоды и цветы юга.

В течение месяца каждый день я посещал Альгамбру и его окрестности, часто ночуя во дворце у одного из служителей, который, конечно, за деньги кормил и поил меня. Тут я бродил и перед утренней зарей, и в лунные ночи, сопутствуемый воспоминаниями, впечатлениями и разными мыслями, теснившимися в голове под влиянием истории и местности, действительно чудесной. Правы были арабы, назвав парк с небольшим увеселительным дворцом "Генералиф" (испорченное от арабского "Дженнет эль-Ариф", т.е. "Рай Арифа").

Была чудная лунная ночь. Устав бродить по обширным дворам и галереям Альгамбры, я присел в тени колоннады Львиного Двора, на коврике моем, который

тут лежал постоянно для молитв. Увлекаемый молчанием ночи и красотами до сих пор великолепного двора, хотя фонтаны львов не бьют уже ключевой водой, я представлял себе то время, когда двор этот был оживлен блестящей свитой халифа, послами королей и учеными мусульманами, дававшими жизнь и силу всему народу... Воображение было столь сильно, что мне казалось, что передо мною действительность. Но вдруг все исчезло; мысли мои путались... Полет какой-то ночной птицы на минуту нарушил тишину и затем опять все стихло, как в гробу... Ночь была восхитительна; полулежа, я оставался очарованный... Вдруг со стороны Миртового Двора донесся до меня легкий шум, похожий на шепот и говор людей. Кто бы это мог быть? Сторожа давно спят, и они далеки отсюда; посторонних на ночь сюда не пускают... Шорох и шепот приближался. Я забился под самую стену, в тень и стал выжидать не то с любопытством, не то с боязнью. Каково же было мое удивление, когда во двор вошли двенадцать дев, одна прекраснее другой, и стали вокруг Фонтана Львов! Я притаил дыхание и замер... Кто они, откуда, зачем? Одна из дев громко прочла мусульманскую молитву, и я понял, что вижу невольно мусульманок, вероятно, арабок. До сего безмолвный бассейн зашумел золотистыми струями воды, и прекрасные мусульманки совершили легкое омовение. Я не верил глазам, но явление было очевидно. Постлав тут же свои шелковые покрывала, девы стали на молитву и, окончив ее, тихо направились обратно... Фонтан иссяк вновь. Гробовая тишина воцарилась. Я встал и, еле слышно скользя по мраморным плитам, пошел за ними, чтобы узнать, кто и откуда они.

31 декабря 1887 – №40

Медленно обошедши Миртовый двор, арабские красавицы вошли в Башню Принцесс. Казалось, что великолепный гарем повелителя Андалузии был перед моими глазами. Не видно было только черных слуг, детей Судана. Ни шума, ни говора; мертвая тишина и безмолвный скромный лунный свет царствовали над таинственной картиной, коей я был невольным свидетелем. Вслед за красавицами и я вошел в Башню, думая, что они уже прошли далее, но, увы, эта неосторожность выдала меня. Когда я вошел во вторую комнату, то был встречен возгласом: "Чужой, неверный, о, милосердный Аллах!" Хотя я был крайне смущен, но, отступив на шаг, объявил, что я друг и мусульманин, и что Премудр Аллах, приведший меня сюда, помимо знания и желания. Незнакомки как бы несколько успокоились и переглянулись между собой. В этот момент одна из мраморных плит пола тихо поднялась и из-под нее показалась белая чалма чьей-то головы. Я положительно не знал, что думать и как быть, увлеченный, пораженный глубокой таинственностью всего явления в знаменитой Альгамбре, покинутой тому пятьсот лет назад! Вслед за чалмой из подземелья выдвинулся целый старец, седой, как лунь, и, когда одна из дев обратилась к нему с указанием на мое присутствие, он повернулся в мою сторону и, пристально взглянув на меня, воскликнул: "Сын мой, молла Аббас, ты ли это?" Тут только я разглядел, что передо мной стоит почтенный шейх Джелял, которого, как вероятно помнят читатели, я видел в Париже. Это был, несомненно, он. – Это я, Аббас, но премудры дела Аллаха! Ничего не понимаю в том, что тут вижу... – Тебе, мой сын, суждено видеть еще многое... Тогда все поймешь. Подойди сюда. – Я вошел в середину комнаты. Девы с любопытством и не без боязни рассматривали меня. "Спускайся", – приказал мне шейх, указывая на подземелье. Видя мою нерешительность, он прибавил: "Я и эти мусульманки пойдем за тобой... не бойся". Не отдавая себе отчета, я опустил в жерло неведомого подземелья и начал сходить осторожно вниз по каменным ступеням. Было так темно, как не бывает над землей. Сойдя ступеней сорок, я остановился... Боязнь проникла в душу, и в голове блеснула мысль, куда и зачем я иду... Но сзади послышались шаги и блеснул красный свет фонаря. Через минуту подошел ко мне шейх Джелял, а за ним вереницей с фонарями шли девы.

"Иди, мой сын, не смущайся, – ободрил меня шейх, – дорога одна". Спустившись еще ступеней сорок, мы очутились в обширном подземелье с каменными стенами и таковым же сводом. Меня обдало сыростью. Шейх Джелял быстро подошел к одной стене и с удивительной ловкостью вытащил несколько камней. Образовался проход. Спутницы наши одна за другой скрылись через это отверстие. Шейх пропустил туда же и меня, дав фонарь, чтобы поддержать с той стороны. Сам он, укрепив несколько камней, ползком пролез ко мне, и ловко заложил последний камень.

Тут мы поднялись ступеней десять наверх и очутились в другой подземной зале. Все двенадцать дев были тут и творили утреннюю молитву, когда мы вошли.

Все это происшествие настолько было удивительно и глубоко интересно, что мысли мои совершенно путались, но, видя около себя почтенного шейха, своего парижского знакомого, я не боялся за последствия моего любопытства и ждал удобной минуты, чтобы расспросить обо всем этом... Мы, очевидно, куда-то шли, но шли под землю, скрывая следы и заделывая таинственные проходы...

Второе подземелье, в коем мы очутились, было также с каменными сводами и столь же обширно, как и первое. У входа, откуда мы вошли, лежала груда земли, свежевырытой. Взяв лежавшую тут же лопату, шейх Джелял начал засыпать вход, откуда мы поднялись. Я помог ему в этом деле, и через четверть часа вход был засыпан, утрамбован, и две каменные плиты совершенно маскировали его. Теперь я понял, что путь наш скрыт. Если бы кто-либо, случайно открыв подземелье под башней Принцесс, и проник бы в первую залу, то, увы, он не мог бы догадаться, что и далее есть неведомый путь.

Окончив молитву, одна из дев сняла висевшую на стене корзину и разложила на полу различные фрукты и хлеб. Небольшая корзиночка была подана шейху с закуской для него и меня. Я видел, что имею дело с людьми, которые говорят, молятся и едят... Но тем не менее все это было крайне странно и необыкновенно. Несколько успокоенный, я был пожираем любопытством... Освежив себя несколькими сочными персиками, такими душистыми, какими они не бывают у нас на земле, я обратился к шейху:

– Я знаю, что мы идем под землю, но, однако, куда же мы должны прийти по этой удивительной дороге? Это вовсе не похоже ни на караванные пути Туркестана, ни на железные дороги Френкистана.

– О, мой сын, это действительно удивительная дорога. Ты видел начало, увидишь и конец ее... Из Башни Принцесс мы спустились в казнохранилище халифов Гренады, оттуда мы прошли в это подземелье, которое зовется "Комнатой Спасенья". Сюда никто никогда не войдет, кроме посвященных.

8 января 1888- №1

Пояснение шейха Джеляла, что первое подземелье было когда-то казнохранилищем халифов Андалузии, а второе – "Комнатой Спасенья", мало объясняло мое странное положение и еще менее удовлетворяло разгоряченное любопытство.

– Благодарю вас за это сообщение, но, ради Аллаха, скажите мне, куда же мы идем... При всем моем доверии к вам я чувствую себя неловко, – обратился я к шейху.

– Не бойся и не смущайся, мой сын, – отвечал шейх, – спутницы твои не менее достойны доверия, чем я... Мрачная темная дорога приведет тебя в светлую чудную страну.

– О, Всемогущий, не помешался ли я! Какая же может быть страна, да еще светлая, в недрах земли?. Изучал я и географию, и геологию, но ни о чем подобном не слышал... Девы между тем, видимо, собрались в дальнейший путь и, стоя с фонарями в руках, ожидали указания шейха.

– Ты скоро об этом услышишь... Как выберемся на свет Божий, я попрошу Фериде Бану (очевидно, так звали одну из дев) сообщить тебе историю страны, в которую идем этой диковинной дорогой... Не смущайся, сын мой. Теперь нам надо торопиться

вперед и по возможности менее говорить. Мы находимся глубоко под землей; воздуху здесь мало, и он значительно испорчен. Может сделаться дурно... Надо торопиться; объясниться же успеем, – сказал шейх и знаком предложил девам идти. Я с шейхом пошли вслед за ними. Проход из "Комнаты Спасенья" шел прямо и горизонтально. Выложен он штучным камнем наподобие европейских тоннелей. По проходу мы шли попарно, освещая путь фонарями. Огонь горел тускло; кое-где просачивалась вода. Было сыро. Мы молча шли, по крайней мере, часа два. Я чувствовал уже большую усталость, когда заметил впереди луч белого света. Фонари угасли, и прекрасные мусульманки с возгласом "Велик Аллах" весело побежали вперед... Это был выход из подземного хода. Через пять минут и я с шейхом Джелялом вышли на свет Божий. Но, видно, что чем дальше, тем более я должен был поражаться моим путешествием! Выйдя из прохода, мы очутились в глубочайшем сухом колодеце, иначе я не умею назвать небольшое пространство саженой в сорок длины и ширины, усыпанное обломками камней и окруженное со всех сторон отвесными скалами, уходящими под небеса... Подняв голову вверх, я увидел в высоте клочок светлого, голубого неба и был несказанно обрадован чувством, похожим на такое, какое, вероятно, каждый ощущал, проснувшись после страшного сна... Колодец, в котором я находился, имел, по крайней мере, триста сажен глубины и был совершенно безжизнен; однако воздух здесь все же был легче и приятнее, чем в подземельях... Все мы расселись отдохнуть. Шейх Джелял и я совершили утренний намаз. Еще не было поздно. Желая быть скромным, я молчал, но шейх, зная, в каком я был возбужденном состоянии, обратился ко мне: "Сын мой, скоро ты присоединишься к счастливому народу... вон напротив проход, через который мы в четверть часа выйдем в страну Спокойствия".

– На земле ли эта страна, мой шейх? Удивительно.

– Да, но страна эта никому не известна. Географы и историки востока и запада никогда ничего не слышали о ней...

– Велик Аллах! Страна эта, однако, должна находиться в пределах Испании... Мы находимся в нескольких часах пути от Гренады... Ничего не понимаю! В наше время измерены и изучены чуть не все части света, между тем никто и не подозревает о существовании страны Спокойствия около Гренады или под нею, не знаю, как выразиться...

– Трудно будет тебе ориентироваться, пока не узнаешь все подробности... Не утруждай свою голову; будь терпелив.

После этого замечания шейх подозвал наших спутниц и отрекомендовал меня следующим образом: "Вы не пугайтесь этого человека; это мусульманин из далекой страны Туркестана; хотя все мусульманские страны покрыты мраком незнания, как и страны европейские, но тем не менее науки не совсем заброшены у них; некоторые из жителей тех стран кое-чему учатся и слывут на своей родине за великих ученых... Нашего случайного путника зовут Аббасом; он учился кое-чему в Ташкенте и затем в Париже, так что, я надеюсь, он стоит на пути к добропорядочности, человечности и может понять кое-что из жизни нашей страны... Будьте к нему снисходительны и не удивляйтесь его невежеству; позже он освоится с нашей жизнью и приблизится к цивилизованным людям..." Эта странная рекомендация, представлявшая меня невеждой и чуть не дикарем, корбила меня, но что же я должен был делать в моем загадочном положении? Продолжая свою речь, шейх обратился ко мне: "Эти двенадцать дев – высшие по успехам ученицы храма науки и нравственности. Ежегодно в ночь рождения Пророка таковые ученицы в награду проводятся в Альгамбру для обозрения родной страны и древней родины... Из Башни Принцесс видны многие места Андалузии... Это величайшая награда для мусульман нашей страны... Ты можешь говорить с ними свободно; хотя ты плохо говоришь по-арабски, но они настолько учены, что поймут тебя... Имей в виду, что всякий твой взгляд, всякое движение служит для нас словарем, чтобы читать в твоей душе; в нашей

стране нет зла, ты ничего не бойся, но старайся лишь быть хорошим и благовоспитанным гостем, насколько умеешь и можешь... Фериде Бану будет любезна рассказать тебе историю нашей страны, и ты узнаешь многое..." Когда старик умолк, девы сказали мне общий "селям" и выразили благопожелания. Я тоже отвечал на "селям" и, желая показать им, что туркестанцы не совсем невежды, скомбинировал приветствие в стихах, восхваляя их чудную красоту и выражая мою радость по случаю счастливого знакомства... Выслушав меня, девы усмехнулись, причем одна из них заключила, что, вероятно, таков туркестанский обычай...

17 января 1888 – №2

Отдохнув немного, мы двинулись в дальнейший путь. Входя в подземный ход противоположной горы, я заметил, что фонари, находившиеся в руках дев, зажглись как бы сами по себе. Тут только я обратил внимание, что свет их отличался от такового обыкновенных, известных нам ручных фонарей. Оказалось, что спутницы мои обладали особым устройством электрическими фонарями, которые светили или потухали от прикосновения к той или другой пуговке. Фонари светили силой науки, без свечей, сала или фотожена! Это обстоятельство наметнуло мне, что люди, с которыми судьба меня сводит, не отстали, по-видимому, от Европы в физике и механике, хотя, по словам их, непосредственных сношений с этой частью света они не имеют.

С полчаса мы шли подземной дорогой – галереей и наконец достигли большой сводчатой залы, вроде двух, уже пройденных раньше. Тут шейх Джелял, обращаясь ко всем нам, сказал: "Путешествие наше благополучно окончено; мы сейчас выйдем на свет Божий и будем в Стране Спокойствия. Ход и выходы в нашу страну составляют самую важную государственную тайну, а потому, чтобы войти туда, вы должны завязать ваши глаза..."

Все девушки окутали свои головы и лица; я обвязал глаза платком... Несколько минут мы стояли в этом положении. Слышно было, что шейх Джелял что-то делал в стороне, в глубине подземелья... Наконец, предложив девушкам взяться за руки, он подал им одну руку, а другой взялся за мою и предложил идти... Мы тихо двинулись гуськом, следуя указаниям движения руки шейха. Шли то направо, то налево, делая круги и зигзаги, и я потерял всякое сознание направления. Спустя минут пять мы вошли в какую-то галерею и начали, очевидно, подыматься в гору. Наконец шейх предупредил нас, что впереди лестница. Мы поднялись ступеней двадцать и остановились. Шейх произнес: "Мы благополучно возвратились..." Что-то открылось, и я почувствовал, как пахнуло свежим воздухом... Пошли далее и, сделав несколько оборотов в разные стороны, наконец остановились. Слышно было журчание воды; свежий здоровый воздух давал себя чувствовать еще более. Страх чего-то и любопытство так перепутывались во мне, что я не могу определить, что, собственно, происходило во мне. "Можете развязать себе глаза", – сказал шейх... Когда я снял повязку, то увидел себя в светлой обширной и меблированной по-восточному комнате. У одной из стен журчал гранитный фонтан, а около фонтана, держа чистые полотенца, стояли два старца, напоминавшие по летам и одежде шейха Джеляла. Спутницы мои, сбросив покрывало, весело обступили фонтан, освежаясь водой и передавая старцам свои впечатления... Их бойкая, радостная речь раздавалась волшебной музыкой.

– Какова Гренада? Понравилась ли вам наша старая Андалузия? – спрашивали старцы, и девы восторженно передавали свои чувства и впечатления...

Я стоял и глазел вокруг как ошалелый. Шейх Джелял, предложив мне вымыть лицо и освежиться, вывел меня из оцепенения. Холодная вода действительно укрепила несколько мои мысли и нервы. Пройдя в следующую комнату, куда уже прошли наши спутницы, я очутился в столовой. Тут для всех нас был накрыт стол, и мы

подкрепились обильным завтраком, состоявшим из мяса, пилава и фруктов. Здесь я не мог не заметить, что большинство моих спутниц были редкие красавицы... Видя мое изумленное и жалкое положение, шейх Джелал предложил Фериде Бану посвятить меня в тайну их страны и моего положения... Мы встали из-за стола и тут же уселись на широких, мягких диванах, обитых пурпуровым блестящим сафьяном. Старцы убрали со стола и по мусульманскому обычаю подмели всю комнату. Взглянув в окно, я увидел чудную картину. Перед моими глазами лежала обширная ровная долина, окруженная со всех сторон обрывистыми, поросшими богатым лесом горами, вершины коих горели серебряным венцом снегов... Очевидно, я находился в благодатной котловине вечно снеговых гор, но какая это была котловина! Зеленые луга, покрытые узорами садов, виноградников и розовых плантаций, с множеством благоустроенных селений и высоких изящно-арабских тонких белых минаретов придавали местности характер волшебной панорамы... Я не мог оторвать глаз от окна. Мне не мешали любоваться и наслаждаться. Прекрасны страны Зеравшана, великолепны окрестности Парижа, но тут было лучше...

– Скажите, пожалуйста, как обширна эта страна, – спросил я прекрасную Фериде Бану.

– По туркестанской мере на часы, страна наша имеет в ширину два, а в длину 3 часа протяжения (час соответствует 6 верстам).

– Прошу вас, расскажите мне историю этой прекрасной и таинственной страны; я сгораю от любопытства, – продолжал я, обращаясь к ней.

Прочие девы, как и я, приготовились слушать, ибо в подобных случаях всякая ученая девушка этой страны импровизирует, основываясь на данных истории. Полилась гармоничная, музыкальная арабская речь. Передам ее по возможности ближе к оригиналу. Фериде Бану говорила:

– Краткая история, столь же достоверная, как день, бесстрастно передает нам, что славные, доблестные отцы наши, несомые на крыльях победы и торжества, пришли из стран Магриба в Испанию и с быстротой лучей утренней зари облили своею властью всю страну. Как под лучами вешнего света зарождаются и цветут благодатные нивы, так мудростью и трудом их оживились города и села всей страны и стали расти, полные довольства, жизни и радостей. Блеск мусульманской Испании отражался далеко. Науки и искусства наши привлекали поклонников и учеников со всех концов света. Веселые песни будили тяжелый сон френгов по ту сторону великих гор (Франция). Там люди не жили тогда, а прозябали, боясь веселой песни, как тяжкого греха. Они не понимали еще, что беззаботный смех и песни счастья есть хвала Творцу счастливого человека! И жили отцы наши в добре, довольстве и счастье, озаренные знаниями, окрыленные победами и благословенные Аллахом, но Премудрость Его свыше понимания человека: все, имеющее начало, должно иметь и конец; все, созданное из земли, возвращается к ней же. На свете ничто не ново, ничто не старо и ничто не вечно, кроме Аллаха и его Правды...

24 января 1888 – №3

– Великий халифат, – повествовала прекрасная Фериде Бану, – совершив свой блестящий цикл, должен был прийти к упадку... Все земное преходяще; все людское в себе самом заключает отраву смерти и разрушения. Честность и эгоизм; правда и неправда; милосердие и жестокость; леность и трудолюбие; невежество и просвещение; героизм и подлость; трусость и храбрость – свойственны людям. И, смотря по тому, которые из этих качеств более развиты в них, определяется состояние человеческих обществ. Когда в обществе господствуют лучшие качества и стремления, – оно пользуется благополучием и прогрессирует; когда перевес берут противоположные качества, оно падает, разлагается... Вчера господа сегодня превращаются в жалких слуг; богатыри представляют презренных трусов; честность уступает место подлости; знание затмевается невежеством, леность опутывает

трудолюбие, – и горе такому народу: он ослабевает, мельчает и расползается, как холодная, бездушная снеговая глыба!

После трехсотлетнего славного и блестящего существования мусульмане Испании мало-помалу стали изменять свои наклонности, привычки, воззрения и стремления. Яд пресыщения, лености, беззаботности, самомнения, взаимных раздоров начал отравлять славный организм. Отравленный организм не мог уже давать здоровых плодов. Явились неправосудные кадии, алчные правители, беззаботные и сластолюбивые государи; интрига и дерзкое невежество затерли людей науки, лесть и двуличие стали впереди знания и честности; эгоизм залил в сердцах людей благородные стремления к общей пользе; ханжество и показная молитва заменили добрые дела и героизм... Отрава эта в течение двух столетий постепенно расшатывала основы общества и государства. Халифатство разбилось на несколько отдельных владений. Города и провинции начали соперничать и вредить друг другу, и, увы, никто не хотел понять, что этим путем все сообща роют себе ужасную, кровавую и бесславную могилу!

Взаимная вражда владетелей Испании и упадок нравственности населения дали возможность испанцам и слабым до того их королям вмешиваться в дела мусульман и еще более ослаблять их, сея несогласия и зависть... Халифатство существовало около пяти столетий, но за полвека до его падения люди понимающие видели приближающуюся грозу и думали о мерах предотвращения бедствия. Но, увы, людей этих было мало, и их еще менее слушали, ибо они говорили правду, а правда не всегда приятна.

Усилившийся король Кастилии Фердинанд серьезно начал грозить Андалузии, и пришлось подумать о защите и путях отступления... Это было в 889 году Гиджры. Халифом был Эбу-Абдуллах-Эль-Загиль. Другой претендент на господство в Андалузии и владение Альгамброй Абдуллах Эль-Сагыр оспаривал у него власть и трон. Времена были и тяжелые, и опасные.

Однажды во дворце халифа был тайный совет, на коем обсуждался вопрос обороны Гренады в случае нападения испанцев и о путях отступления на случай взятия ими города... Вы знаете, что за Гренадой и Альгамброй стоят снеговые горы Сиерра-Невады. Они непроходимы. Совет решил прорыть под ними тайный ход, чтобы при надобности жены и дети могли незаметно уйти по ту сторону гор... Враг не мог бы их настигнуть там, и они успели бы эмигрировать в Африку. Сорок невольников были нарочно доставлены из Судана и поставлены к работе. Дело велось под строжайшим секретом, и, кроме посвященных, никто не знал об этом удивительном предприятии. По окончании работ невольники были увезены обратно в Судан и там освобождены. По этой-то подземной дороге мы прошли сюда из-под Башни Принцесс. Проведя туннель до этой долины, халиф Абдуллах увидел, что цепь гор слишком обширна, чтобы вполне осуществить свою мысль, а потому остановился на этом, тем более, что наступившие кровавые события отвлекли его внимание к другим делам.

Через двадцать – тридцать лет знавшие о прорытии туннеля умерли, и он был почти позабыт. О нем знал лишь халиф и старик-садовник, смотритель гаремных цветников.

Между тем наступил 1491 год – год взятия испанцами Гренады и падения последней опоры мусульманской власти в Андалузии. После долгой осады и кровопролитных войн, под давлением голода и обещаний короля Фердинанда гарантировать мусульманам свободу верования, охраны чести и имущества в связи с многими льготами, решено было сдать город. Это случилось в правление халифа Абдуллы Эль-Сагыра. В то время другие части бывшего испанского халифатства Кордова, Малага, Кадикс, Валенсия уже были взяты испанцами, и сдача Гренады завершила собой конец халифатства. Слушайте, как совершилось это, по словам историков и очевидцев этих горьких дней.

31 января 1888 – №4

Печально повествуя о последних днях испанского халифатства Фериде Бану продолжала:

– Король Фердинанд осадил и обложил Гренаду многочисленным войском. Сношение города с окрестностями было прервано, и население начало чувствовать недостаток провизии. Чтобы показать осажденным, что осада не будет снята ранее взятия Гренады, король велел построить в виду его каменное становище – городок, в коем и поселился с воинственной своей супругой Изабеллой.

Положение мусульман становилось критическим. Население, опечаленное явной опасностью, падало духом. Было решено обратиться за помощью к стамбульскому падишаху, но царствовавший тогда султан Баязид, занятый войной в Египте, и не имея достаточно морских сил, не мог помочь гренадцам.

Несмотря на превосходство сил и положения, король Фердинанд, зная, что безответная храбрость и сила арабов могли сделать очень многое, старался подготовить военную удачу разными интригами и подкупам. Он хорошо понимал, что единодушие и религиозное воодушевление удесятят силу арабов. Он успел привлечь на свою сторону многих влиятельных мусульман из числа падких на золото и распространял среди осажденных послания, коими обещал пощаду и милости при добровольной сдаче города, и грозил не оставить камня на камне в противном случае.

Последний халиф Андалузии Эбу-Абдуллах был столь же беспечен, сколь и неспособен. Тайно от народа он вел переговоры с Фердинандом о сдаче города и условиях его для жителей и себя лично. Мусульмане, недовольные трусостью и бездеятельностью, готовились низвергнуть Эбу-Абдуллаха и заменить его более даровитым лицом. Но руководитель заговора в одну ночь исчез безвозвратно, и дело не могло быть приведено в исполнение. Время сдачи города приближалось. В Альгамбре собрался совет, на коем обсуждалось положение дел. Халиф заявил собранию, что средства защиты истощены, и что дальнейшее сопротивление становится невозможным. Все присутствующие, поникнув головами, молча согласились с мнением повелителя, только один военачальник Муса Эбу Эль-Газаль, в жилах которого текла неиспорченная кровь предков, смело возразил: "Нет, повелитель мой, мы можем еще бороться. Во всяком случае, добровольно сдать город – значит предать себя собственными руками. Глаза, кои боятся вражьего меча, будут видеть собственную неволю; богатства, кои "думаем спасти сдачей, будут расхищены и отняты. Труссы будут видеть своих жен и дочерей в объятиях вражеских воинов или разливающими вино в позорных попойках победителей. Поступки испанцев с другими городами, уже сдавшихся им, говорят нам, насколько можно положиться на их слово и обещания. Я не думаю, чтобы исконный враг и истребитель по взятии Гренады воспылал к нам милостью и любовью. Я предпочитаю борьбу и славную смерть позорной сдаче и неволе. Нет смысла добровольно предать в руки врага трехмиллионное население Андалузии. В отчаянии мы можем сделать чудеса; Аллах помогает действительно погибающим и бедствующим. До последнего издыхания мы должны думать лишь о защите отечества, победе или славной, честной смерти..." На пылкую, благородную речь Мусы собрание ответило молчанием, и он удалился без дальнейших объяснений. Было решено сдать город. Для переговоров с Фердинандом и Изабеллой назначены послы. Историки говорят, что, крайне обрадованный прибытием послов для переговоров о сдаче Гренады, Фердинанд воскликнул: "Видно, арабы переродились, они пали. Я не ожидал добровольной сдачи".

Муса, возвратившись домой, собрал своих родичей и приятелей и простился с ними, собираясь в дорогу. Он сообщил одному из старейших способ, как спасти близких ему людей от предстоящей неволи и гонений. Обращаясь ко всем остальным, он завещал хранить веру отцов, не оставлять науки и знаний и неустанно трудиться.

Вооружившись как следует и сев на любимого коня, почтенный Муса бросил прощальный взгляд на всех родичей и поехал... Никто не знал, куда и зачем он поехал. Недалеко от города его встретил сильный испанский патруль. "Кто ты и куда едешь", – окликнули его. "Мое имя вам известно, а куда еду – мое дело", – ответил Муса, бросаясь, как разъяренный лев, в среду врагов. Убив двадцать человек, наконец, он сам пал в неравной борьбе, предпочтя, не на словах только, смерть постыдной неволе.

По договору о сдаче Гренады всем мусульманам была гарантирована свобода исповедания, обеспечение жизни, имущества и чести. Мечети, училища и другие религиозные учреждения должны были оставаться неприкосновенными. Желавшие могли во всякое время беспрепятственно переселиться в Африку.

Составив целый караван, нагруженный своим имуществом, халиф Эбу-Абдуллах оставил Альгамбру и рыдающий город. Сдав ключи королю Фердинанду, он направился в назначенное для себя место пребывания. Когда он удалялся от Гренады, испанские войска входили в него. Взглянув на эту картину с возвышенности, по коей шла дорога, Эбу-Абдуллах зарыдал. Мать его, бывшая тут же, воскликнула: "Плачь, несчастный, плачь! Мужам, не сумевшим защитить себя и свое царство, достается удел жен – слезы..."

В ночь выезда халифа сородичи и приятели благородного Мусы, в числе коих были и искусные мастера, и ученые мужи, захватив сколько могли вещей, книг и инструментов, явились в Альгамбру, где были встречены престарелым садовником. Этот, раньше условившись с покойным Мусой, провел всех явившихся тайным ходом в это междугорье. Дело осталось тайной для горожан и испанцев.

15 февраля 1888 – №6

Община мусульман, с которой вы познакомитесь в нашем междугорье, названном Дар-Эль Рахат, суть потомки родственников и друзей последнего героя Гренады – Мусы... Да успокоит и наградит его Аллах! Он верно предвидел, что испанцы не дадут пощады мусульманам, раз обеспечивши свое господство. Действительно, как только сопротивление и сила мусульман были надломлены и испанцы утвердили свою власть над всей страной, они тотчас позабыли условия капитуляций и посягнули на имущественные и религиозные права мусульман. Общественная молитва была воспрещена; училища закрыты; имущества мечетей отобраны в казну или отданы монастырям; вообще мусульманские земли за малейшие проступки отбирались, а владельцы их с семьями обращались в неволю... Вскоре по уничтожении халифата с одного конца страны до другого раздались стоны и плач подавленного народа. К воплям мусульман присоединялись слезы евреев, одинаково преследуемых испанцами. Цель их была очевидна: они хотели уничтожить как тех, так и других, и было величайшим благодеянием, что уход из страны не был воспрещен. Сотни тысяч мусульман и десятки тысяч евреев принуждены были покинуть родные пепелища, оставить прах своих отцов и уйти в африканские земли, как нищие и изгнанники! То были страшные, злополучные времена. Обширные города запустели и рушились; богатые села и долины превратились в груды мусора и пустыни; иссякли воды, поросли, исчезли сады и плантации. Живая, бойкая жизнь заменилась однообразием испанского невежества и фанатизма; справедливого кадия заменил бесчеловечный инквизитор, наипростейшее изобретение людской кровожадности... Словом, день заволокло непроглядной ночью, и нужно было триста лет ожесточенной борьбы остатков света с этой тьмой, чтобы победить ее. Теперь, в настоящий век, когда знания осветили очень многое, когда гуманные чувства осилили многие дурные инстинкты и заблуждения, народы запада поняли, что все люди суть твари одного и того же Бога, обязанные правдой и справедливостью в отношении друг друга. Да, теперь европейцы далеко не то, чем они были три – четыре столетия назад. Они, насколько

нам известно, теперь не стесняют чуждые и иноверные им народы; дают им те же права, коими пользуются сами; даже хлопочут о повсеместном уничтожении рабства, как унижительном для человечества учреждении, но, увы, старинное безначалие, исконные эгоизм и предрассудки еще проявляются во многом... Но Бог с ними; мы горячо благодарим Аллаха, что в нашей небольшой, неведомой стране предки наши нашли убежище и спасение от жестокости и гонений испанцев и трудами своими обеспечили нам спокойную, честную и счастливую жизнь, коей мы и пользуемся теперь в нашей котловине Спокойствия.

Легким наклоном головы прекрасная девушка отметила окончание своего рассказа, и я остался, очарованный историей здешнего народа и крайне заинтересованный, чтобы ближе узнать его настоящее и надежды на будущее.

– Теперь я все понимаю, – сказал я шейху Джелялу. – Вы – благородные потомки благородных мавров Испании. О вас никто ничего не знает, но вы знаете все, что творится за горами, в остальном мире. Я не понимаю одного, почему теперь, когда века фанатизма, религиозных гонений и кровожадной грубой вражды давно миновали, вы не хотите завязать сношений с другими народами... Теперь никто бы вас не преследовал, не стеснял. Вы вместе со мной были во Франции и знаете современную Европу.

– Да, мой сын, я-то очень хорошо знаю Европу, даже очень хорошо... У нас ее видели многие, а по книгам знают все, но оставить наше убежище, открыться другим народам мы не можем и не желаем. Одна из причин та, что, в силу завещания нашего отца-спасителя и героя Сиди Мусы, мы до 1500 года Гиджры не имеем права войти в сношения с каким бы то ни было народом. Мы храним эту святую заповедь Мусы.

– Почему же он назначил этот срок; что он пишет в своем завещании?

– Этого никто у нас не знает. Завещание хранится под сорока печатями и ключами, хранящимися у сорока имамов нашей страны. Оно будет вскрыто в 1500 году, как приказано надписью на конверте, и тогда же мы получим право самостоятельно обсудить нашу дальнейшую судьбу.

Народ и страна, интересные сами по себе, стали для меня еще более интересными.

22 февраля 1888 – №7

– Что это за сорок имамов, у коих хранятся ключи и печати завещания?

– Страна наша состоит из сорока деревень общин и одного города. Каждая община имеет имама, – отвечал шейх Джелял.

– Кто управляет страной?

– Князь Али, из рода Мусы.

– На чем у вас основано общественное и государственное право?

– У нас все управление основано на шариате и здравой мысли верующих.

Хотя еще было не поздно, но солнце уже приближалось к гребню западной горы. В этой стране, вследствие окружающих высоких гор, солнце скрывается за два часа до своего действительного захода и вечерний полусвет окутывает всю страну. Так как мы отлично отдохнули после проходки из Альгамбры, то шейх Джелял предложил отправиться далее, чтобы засветло добраться до города и устроить мою обстановку – как гостя страны Спокойствия.

Пройдя несколько комнат, мы вышли во двор и затем – в поле. Ворота за нами заперлись, и мы пошли цветущим лугом к ближайшей деревне. Девушки весело разговаривали и обгоняли одна другую, спеша к селению.

Когда мы подошли к деревне, меня особенно поразило ее расположение и характер построек. Все дома расположены правильным кругом, вокруг площади, украшенной мечетью, школой и домом общественного собрания. Все дома расположены в центре небольших садилов в одинаковом расстоянии друг от друга и от центра площади.

Вся площадь вымощена чем-то вроде асфальта или цемента и представляет чистую, гладкую поверхность. Мечеть окружена двумя рядами высоких, вековых

пальм... Но меня особенно поразила странная архитектура домов. Каждый дом стоял на целой системе невысоких сводов, аршина полтора выше уровня земли. Когда я спросил о причине этого оригинального способа постройки жилищ, шейх Джелал объяснил: "В сфере своей духовной, нравственной жизни люди должны руководствоваться указаниями духовного, священного закона, а в сфере материальной жизни соотноситься с вечными и непреложными законами природы и ее сил, избегая вредного и обращая в свою пользу все доброе... Земля, и в особенности такая низменная местность, как наша котловина, упитана сыростью и вредными для человека газами. Если постройки наши поставить прямо на земле, как то принято в ваших странах, то вредные испарения прямо проникают в жилища и постепенно отравляют людей, особенно ночью, когда окна и двери запираются и доступ свежего воздуха ограничен. Вот почему мы строим наши жилища над землей на сводах, чтобы вредные испарения, свободно циркулируя, не проникли в наши жилища".

Я был очень удивлен этим объяснением. Шейх продолжал: "В первое время, когда мы населили эту страну, она была болотиста, и люди жестоко страдали от свирепых лихорадок. Тогда улемы и ученые мужи стали исследовать причины этой болезни и, узнав их, нашли средства избавить народ от ужасных страданий и постоянной заразы. Болота были осушены, вредные растения и камыши уничтожены, ручьи очищены, а для питья проведена здоровая вода из гор. Наконец, с постройкой домов над сводами, мы вполне освободились от пагубного влияния сырости и подземных газов. Ныне в нашей стране не существует лихорадки и многих других болезней... Тебя это удивляет? Но ты, извини меня, порядочный невежда. Ты не знаешь, что Аллах дал человеку, своему любимому творенью, великую силу, при помощи которой он может господствовать над многим; создавать и уничтожать очень многое... Это ум, заключенный величием Творца в маленьких помещениях, называемых головами... При помощи ума Аллах позволяет человеку делать многое, но ум следует обогащать знаниями, чтобы он служил хорошо".

Между тем мы подошли к деревне и прошли прямо к дому общественного собрания. Это была отдельная, красивая постройка в мавританском стиле, состоящая из нескольких комнат и двух обширных зал, богато убранных и разделенных стеклянной галереей. Двери были открыты, и мы вошли свободно в одну из зал. Вскоре прибыл к нам старик имам и муэдзин, так как приближалось время намаза. Девушки удалились во вторую залу, а мы остались в первой. Имам и муэдзин впервые видели чужестранца и [при] всей деликатности не могли не выразить удивления и интереса к моей судьбе и появлению в их прекрасной и таинственной стране.

Шейх Джелал объяснил им, что я случайно был в Альгамбре и наткнулся на тайный проход под Башней Принцесс и что он, зная меня по Парижу, признал за лучшее взять с собой в страну Спокойствия.

6 марта 1888 – №9

После взаимных приветствий и благопожеланий почтенный мулла стал расспрашивать меня о Ташкенте, Бухаре и других местах Туркестана.

– Мы слышим здесь, что бухарцы славятся между мусульманами науками и ученостью, – говорил мулла, – как устроены у них медресе и чему в них учат?

Я рассказал, как и чему учат в современных медресе мусульман. Старик покачал головой и сказал: "Разве ваши страны и люди не нуждаются в докторях, химиках, строителях, землемерах; разве ваши правители и ханы не нуждаются в ученых слугах, экономистах и прочее, так как из твоего рассказа я вижу, что, кроме ученых духовников, у вас нет ученых деятелей в других сферах жизни. Значит, в ваших медресе медицина, химия, геометрия, наука о труде и богатстве вовсе не преподаются?"

– Да, эфендим, мы учимся только тому, что нужно для нашей религии, т.е. мы учимся только богословию и духовному законодательству.

– Я очень рад это слышать; благодарение Аллаху, что вы удержали хоть это, но крайне удивляюсь, как могут жить у вас люди без прочих наук, необходимых человеку; еще более удивляюсь существованию среди вас государств, ибо все невежды суть рабы по природе... Чем вы объясняете, что в ваших странах заброшены и позабыты науки, столь усердно и широко развитые первыми мусульманами-арабами?

– У нас говорят, что науки, кроме духовной, смущают мысли и веру мусульманина.

– Какое ужасное заблуждение! Как же вы живете на свете с завязанными глазами? Пашете, не зная свойств земли; пьете, не зная, что такое вода; живете, не зная, что делается на земле; мусульмане так не должны жить, ибо они люди... Очень жаль, очень жаль; как же ваши правители и ученые мужи не сообразили того, что благородная наука мусульманского права необходима в известных случаях, но при помощи науки права нельзя строить мост, командовать войсками, составлять краски, лекарства и сооружать машину; для сего необходимо знать химию, медицину, математику, механику, воинские науки и прочее. Значит, мусульмане потеряли все науки, кои они прежде знали. Очень жаль. У нас, мой сын, ты увидишь нечто совсем другое.

– Я в этом не сомневаюсь, я даже думаю, что мусульмане этой страны опередили во многом и европейцев, самых передовых людей нашего времени, – заметил я.

– Ты не печалься, мой сын; придет время, и твои сородичи поймут значение и суть учения... Сон ваш, как бы ни был продолжителен, должен окончиться. Теперь у вас нет наук и научного образования, но, вероятно, основа его, грамотность, всеобщая?

– Далеко нет; едва ли половина народа знает, [как] читать, а писать могут очень немногие.

– Как так? Да ведь ты говорил, что шариат вы изучаете... Как же вы грешите против его основного правила, что грамота и наука обязательны поголовно без различия пола и происхождения? Теперь, мой сын, извини меня, я совсем не понимаю, какие же вы, наконец, мусульмане!

Помолчав немного, мулла ласково взял меня за руку и повел из залы, чтобы показать здешнее мектебе для детей. "Мне очень больно слышать о бедственном положении вашей страны и ее неведении, – говорил мулла дружеским тоном, – а потому, прошу, не претендуй на меня, если в моих словах есть что-либо тяжелое для тебя. Я мусульманин. На языке у нас должно быть то, что и на сердце".

Мы подошли к мектебе по правую сторону мечети. Это была красивая, высокая и белая каменная постройка со светлыми комнатами. В одной из комнат была довольно большая библиотека из разных книг и образцы множества орудий и машин земледельческого труда.

– Вот наше мектебе для детей от 8 до 12 лет, – сказал мулла, вводя меня в один из классов. – Тут обучаются все дети деревни без исключения, как мальчики, так и девочки (в особых отделениях). Учение [продолжается] четыре года. Мальчики обучаются письму, чтению, вере, счету, сельскому хозяйству, в связи с начальной химией и физикой, и ремеслам. Ферма и ремесленные классы сейчас за деревней. Девочки, кроме наук, обучаются домашнему хозяйству, рукоделиям и начальной медицине в степени, необходимой для будущей хозяйки и матери...

В это время подошел к нам шейх Джелял и сказал, что машина подходит. Мы пошли к зданию меджлиса. Девы, наши спутницы, тоже вышли из комнаты. Головы их были прикрыты вуалями. Тут только я заметил, что по площади проходили рельсы. Вскоре показались небольшие, длинные вагоны, двигавшиеся без паровоза. Поезд остановился около здания меджлиса. Мы сели и, несомые невидимой силой, покатали в столицу, именуемую Дар-Эль-Саадет.

14 марта 1888 – №10

Итак, мы мчались по удивительной железной дороге в город Счастья. Мы ехали среди сплошных садов и нив и проскочили мимо трех деревень, напоминавших по виду описанное в предыдущем письме. Мы проехали также несколько других дорог. По словам шейха Джеляла, вся страна Рахата покрыта сетью электрической железной дороги и телефона, коими все деревни соединены с единственным городом и столицей страны.

Когда мы подъехали к небольшому центральному вокзалу, красивой постройки в мавританском вкусе, на городских минаретах раздавались призывные молитвы к вечерней службе, но было еще достаточно светло, так что я мог видеть все окружающее. Так как тут извозчиков и фазтонов не было, то все мы, выйдя из вокзала, собрались расходиться пешком. Родственники наших спутниц стояли тут в ожидании своих дочерей или сестер. Путешественницы с радостью приветствовали их и сообщили, что привели "с той стороны" одного молодого мусульманина. Взоры и внимание всех обратились ко мне; многие приветствовали меня селямом.

Выразив надежду на дальнейшее знакомство, прекрасные мавританки, высказав мне пожелания всяких благополучия, пошли со своими провожатыми. Тогда шейх Джелял повел меня в государственный караван-сарай, где я должен был проживать в качестве гостя всей страны. Мы пошли широкой цементированной улицей, обсаженной красивыми деревьями, за которыми вдоль улицы тянулись мозаичные тротуары. За тротуарами, ограниченными затейливыми железными решетками, виднелись садики и цветники, в глубине коих уютно сидели изящные, красивые домики. Этот город не напоминал собой ни Европу, ни Азию. Тут не было громадных, сплошных и высоких, как горы, домов Европы и ничто не указывало полуразвалин лачужек и грязи нашей Азии. Все было своеобразно, красиво, отменно, чисто и вольно. Мы шли молча. Шейх Джелял не прерывал мое удивление и восхищение. Пройдя несколько улиц, одинаково красивых и чистых, мы подошли к торговой базарной части города, где находился караван-сарай. Становилось темно. "Разве улицы здесь не освещаются?" – спросил я.

– Освещаются, мой сын, да не только улицы города, но вся страна. Скоро ты увидишь это.

Но вот мы вышли на большую площадь и подошли к караван-сарая. По указанию шейха мне отвели две комнаты, а сам он отправился доложить о моем появлении в их стране старшему кадию. Я знал, что эти добрые и ученые мусульмане не сделают мне ничего дурного, но все-таки, оставшись один, я задумался о моем положении и ожидавшей меня неизвестной будущности. Я сидел в полутьме, но вдруг блеснуло что-то вроде молнии – в комнате моей зажглась маленькая лампочка, покрытая белым фарфоровым колпаком. Стало светло как днем. Взглянув в окно, я увидел, что свет – слабее солнечного, но сильнее лунного – освещал весь город и всю местность, которую можно было видеть. Оказалось, что вся страна освещается ночью электричеством, чудной силой, дающей блестящий свет без сала, масла и прочего! Чего не сделает наука; чего не добьется человеческий ум! Хотя сердце мое томилось неизвестностью, но оно в то же время радовалось, видя столько знаний и искусства у здешних мусульман. Они, видимо, лучше устроились, чем европейцы, а нам, туркестанцам, как далеко еще до них!

Спустя полчаса шейх Джелял вернулся и сообщил мне, что г[осподин] кадий приветствует меня и что назначил его в мои руководители, пока обживусь в этой стране. Далее сообщил, что утром мы должны явиться к кадию, а теперь, если что понадобится, то могу пользоваться услугами служителя, которого он вызвал по телефону, устроенному в каждом номере караван-сарая.

Поручив меня его попечениям, шейх Джелял отправился к себе домой. Он имел тут сына и дочь.

Слуга, осведомившись о моем желании, подал мне обед, состоявший из супа,

жареного фазана и пилава. Затем, подав шербеты и фрукты, он удалился, попросив звать, если что будет нужно. Оставшись опять один, я задумался; вспомнил Ташкент, Париж и терялся в догадках о том, что будет дальше и что еще придется видеть.

24 марта 1888 – №11

Утром рано я мог видеть из окна моей комнаты всю базарную площадь и множество толпившегося тут народа. Это были арабы. Хотя они меня очень интересовали и я охотно бы вмешался в их толпу, но считал это несвоевременным и поджидал шейха Джеляла, который должен был представить меня местному, судье-кадию. Базар представлял большую четырехугольную площадь, окаймленную со всех сторон высокими, но одноэтажными постройками, в коих помещались лавки. Прямо против караван-сарая была мечеть, и стройный минарет ее высоко и красиво выступал среди прочих строений. Слуга, заметив, что я встал, принес мне хлеба, масла и свежего молока. В стране этой чай и кофе не известны, точно так же, как и спиртные напитки. Когда я окончил мой утренний завтрак, пришел шейх Джелял и принес мне узел со свежим бельем и платьем. Это было очень кстати, ибо я порядком загрязнился, а мое френгское платье далеко не гармонировало с длинными тогами и бурнусами здешних жителей.

– Вы очень добры и внимательны, – сказал я шейху, принимая его приношения.

– Это прислал вам г[осподин] кадий, как общему гостю нашей страны. Ему известно, что вы попали в нашу страну неожиданно и, следовательно, без необходимых запасов.

– Это очень мило! В наших и френгских странах подобной заботливости о чужестранцах не водится. Все, шейх эфенди, удивительно в вашей стране, начиная с входа в нее и кончая вот этой лампочкой, которая сама зажигается, когда темно, и меркнет, когда становится светло!

– Да, сын мой, у нас жизнь сложилась не так, как в ваших странах; ты это узнаешь ближе через короткое время. Нам надо будет явиться к кадию, а до того, если желаешь, можешь принять душистую ванну; баня тут же, при караван-сараяе. Я охотно принял это предложение и отправился в сопровождении слуги в баню. Шейх остался поджидать меня в номере. Нужно ли говорить вам, что я прекрасно обмылся в небольшой мраморной бане и по здешнему обычаю надушился пахучими травами и маслами. Нарядившись в местный костюм, я мог идти куда угодно, не привлекая внимания всякого встречного. Дав мне поостыть после бани, шейх сказал, что пора к кадию. Мы пошли. Выйдя на базар, я заметил значительное однообразие предметов торговли. Большинство лавок торговали провизией и сельскими произведениями, а некоторые имели мануфактурный товар и предметы роскоши, видимо, все местного приготовления. Деньгами служили ярко-красные кожаные кружки с правительственной печатью и подписями трех кадиев-казначеев. Кружки были в один, пол и четверть динара. Так как эта страна внешней торговли и сношений не знает, то эти денежные знаки вполне удовлетворяли местную торговлю.

От базара мы пошли улицей Тарик-ибн Зияда, так названной в честь покорителя Испании, и, выйдя на площадь, называемую площадью Абдуррахмана Третьего, известнейшего из халифов Испании, подошли к красивой и большой постройке, над воротами коей куфическими письменами было начертано "Баб-Эль Хукук" – Двери Закона, а по-нашему – мяхкеме, суд, кади-хане. Я в смущении вступил туда вслед за шейхом и, войдя в одну из зал, предстал перед кадием.

Он сидел в глубине залы на мягком диване, вправо от него сидел секретарь, а у двери стоял слуга или сторож.

– Вот посланный нам Аллахом спутник и гость, молла Аббас Туркестани, – представил меня шейх кадию.

– Приветствую вас, – обратился ко мне кадий, – прошу садиться, и призываю на вашу

голову благословение Аллаха.

– Садитесь, – добавил он, обращаясь также к шейху. Мы сели против кадия на пол, устланный мягким, пушистым ковром.

– Пока не освоитесь с нашей страной, вы, Аббас Туркестани, будете нашим гостем; ничего дурного с вами случиться не может. Слушайте только указания этого почтенного шейха; он будет вам за брата и отца, пока вы будете в нем нуждаться. Уважайте те обычаи, кои у нас встретите; не удивляйтесь чему-либо громко, чтобы не возбуждать внимание здешних мусульман. Теперь я должен допросить вас и вполне надеюсь, что услышу только правду. Предупреждаю, что ложь – самое тяжкое преступление и наказывается оно у нас очень строго: лжец попадает в тюрьму, хотя его мы не запираем, он становится одинок, хотя кругом и видит тысячи людей...

Кадий говорил ласково и мягко, но у меня почему-то волосы становились дыбом и смущение поедало внутренности.

– Спрашивайте; я скажу, что знаю, – ответил я кадию, считая необходимым сказать что-либо. Секретарь взял перо, чтобы записывать.

– Какую вы религию исповедуете? – спросил кадий.

– Я мусульманин.

– Сколько вам лет?

– 27

– Откуда вы родом?

– Из г[орода] Ташкента.

– Живы ли ваши родители?

– Нет. Да успокоит их Аллах.

– Давно ли вы выехали из Ташкента?

– Два года тому назад.

– Кого вы знаете в Ташкенте? Назовите несколько человек.

– Джелялледдин Ибн Тачеддин, Ахмед Ибн Гали, Мохсин Ибн Лятиф, Шериф Джан Ибн Ахунджан, Магамед Мухиеддин Хавадже, Молла Галям Юлчибай, Шериф Ходжа...

– Довольно. Эти мусульмане знают ли вас?

31 марта 1888 – №12

– Я думаю, что знают, – отвечал я кадию.

– Справиться у бывших в Ташкенте, известны ли лица, указанные молла Аббасом, – заметил кадий своему секретарю. – Тот записал это приказание. Смущение мое росло.

– Где вы учились? – продолжал кадий, обращаясь ко мне.

– Я пробыл 12 лет в медресе в Ташкенте.

– Какие науки вы проходили?

– Арабскую и персидскую грамматику, толкование Корана, право и логику.

– А еще чему учились?

– Больше ничему; у нас других наук [не] преподают.

– Как так? Вы учились 12 лет и не проходили математики, физики, географии и истории?

– Нет, г[осподин] кадий.

– Но, может быть, вы знаете какие-либо прикладные науки? Медицина, механика, архитектура, химия преподаются ли у вас?

– Нет, г[осподин] кадий, но кое-чему я обучался в Париже, у французов...

– Чему вы у них учились?

– Я прошел краткий курс географии, истории, зоологии, физики и частью математику и гигиену.

– Кто воспитал вас в детстве?

– Меня вырастила мать, а потом я поступил в медресе.

– В чем состоит у вас воспитание?

– У нас детей кормят, одевают, кто как может, иногда ласкают, иногда ругают и бьют. Таким образом идет наше воспитание...

Заметно было, что ответ мой крайне удивил кадия; он как будто начинал меня бояться, но я испугался еще более, когда он как бы с упреком посмотрел в глаза шейха Джеляля, выражая тем, как мне казалось, что он напрасно привел с собой такого дикаря, как я!

Шейх Джелял, обращаясь к кадию, сказал: "Действительно, в странах Запада и Востока воспитание людей стоит на первобытной ступени, но молла Аббас столь доброго нрава, что легко освоится между нами и никакого вреда не сделает мусульманам". Кадий, как бы несколько успокоенный, продолжал:

– С какой целью вы оставили вашу родину и появились в стране френгов? Сколько мне известно, туркестанцы вовсе не посещают эти страны.

– Я выехал из Ташкента, с тем чтобы поклониться мусульманским святым, кои, по преданиям, покоятся в некоторых местах земли френгов.

– Сколько времени вы находились в стране френгов?

– Около двух лет.

– Разве так много тут святых?.

– Нет, но я, попав в Париж, решил поучиться кое-чему у френгов, ибо у них есть много такого, чего нет у нас в Туркестане.

– Так. Как же вы прожили эти два года среди французов; они живут совсем иначе, чем туркестанские мусульмане.

– Не умею как вам объяснить, но жилось не дурно.

– Весьма возможно. Но, сын мой, скажи прямо, не случилось ли с тобой чего-либо особенного, приятного или неприятного?. Вспомни.

Холодная дрожь пробежала по моему телу! Я боялся, что кадий знает о моих отношениях к Маргарите, к бедной Маргарите, которую я только сейчас вспомнил... Впрочем, как же это он мог узнать? Да, наконец, в отношениях этих не было ничего преступного с точки зрения туркестанской и с точки зрения французской.

– Вы молчите, значит есть, что ответить мне? – прервал мои думы кадий.

– Да, я могу сказать только, что в Париже я полюбил одну девушку и через это чуть не попал под гильотину, хотя ничего безнравственного не совершил.

– Как же это было?

Я рассказал кадию известную читателям историю моей любви и приключений в Париже. Выслушав внимательно мой рассказ, кадий заметил: "Вы подвергались, конечно, слишком тяжелому наказанию, но имейте в виду, что отношение ваше к французской девушке было совершенно безнравственное, и это чуть не привело вас к гильотине... С точки зрения туркестанской и французской, оно, может быть, не безнравственно, как вы выразились, но оно во всяком случае фальшивое и – как таковое – поставило вас в страшно фальшивое положение, которое чуть не стоило вам головы, разбило жизнь той девушки и послужило причиной смерти ее отца! Нравственные отношения не могут приводить к таким печальным последствиям... Понимаете ли, мой сын, что я вам говорю?

Я не знал, что ответить, и чувствовал себя перед ласковым, но неумолимым кадием гораздо хуже, чем в парижском суде, когда меня по недоразумению судили в убийстве!

18 апреля 1888 – №14

– Человек, сознавший, понявший свою вину, почти оправдывается, ибо ошибки, увлечения присущи человеку, – продолжал кадий, как бы желая облегчить мое – смущение. – Недостаточно развитые мусульманские убеждения, усвоенные вами в Ташкенте, и крайне фальшивое положение, в кое поставлена вообще френгская

женщина, почти оправдывают вас, но в нашей стране будьте осторожны и господином своих чувств. Вы увидите, что у нас взаимное отношение мужчин и женщин несколько иное, чем в Туркестане и Френкистане...

Я молча выслушал эти указания. Кадий продолжал:

– Слышали ли вы что-либо о стране Рахата до появления между нами?

– Нет, господин кадий.

– Расскажите мне, как вы попали в нашу страну.

– Из Парижа я прибыл в Испанию поклониться памятникам мусульманской старины и цивилизации... – Кадий пристально посмотрел на меня и вздохнул... – Желая ближе изучить великолепную Альгамбру, я поселился у сторожей и целые дни, иногда и ночи бродил по дворам и коридорам этого чудного дворца. Однажды ночью, сидя под колоннами Львиного Двора, я услышал в смежном саду людской шепот и шаги. В это время тут не должны были быть люди, а потому я заинтересовался и стал наблюдать. Во двор вошли двенадцать дев и, совершив краткий намаз, тихо пошли обратно... Любопытство, превозмогая робость, заставило меня незаметно последовать за ними, и в Башне Принцесс, помимо ожидания и желания, я наткнулся на тайный ход в эту страну. Шейх Джелял, провожавший этих дев, привел меня подземным ходом в вашу прекрасную страну.

– Следовательно, до этой удивительной встречи в башне вы ничего не знали о нашей стране?

– Нет, г[осподин] кадий. Я до сих пор удивляюсь всему случившемуся со мной и боялся бы будущего, если [бы] Фериде Бану, одна из наших спутниц, не познакомила меня с удивительной историей здешних мусульман.

– Ну хорошо. Да благословит вас Аллах. Вы будете жить у нас гостем, пока не изберете себе какое-либо занятие. Шейх Джелял назначается вашим воспитателем и руководителем. Все просьбы свои обращайтесь к нему и слушайте его указания. Это необходимо для вашего благополучия, но еще необходимее следующее: Бойся лжи, как Бога; избегай пуще ада дурных помышлений в отношении людей и люби человека, как Божий рай. Это я советую вам как мусульманин и приказываю как блюститель священного закона... В стране нашей нет ни лжи, ни несправедливости. Вот почему мы живем иначе, чем мусульмане Востока и Запада, и много лучше, чем народы Френкистана... Вы это сами увидите.

Я молча поклонился кадию в знак послушания.

– Когда молла Аббас достаточно подготовится, определи его в Великое Медресе, – приказал кадий шейху Джелялу и дал понять, что мы свободны.

Выйдя от кадия, мы направились обратно в караван-сарай. Я находился под впечатлениями [от] допроса и, хотя не было видимых причин опасаться чего-либо дурного, мне было жутко. Все в этой стране было так ново, так непонятно для меня, что невольно робость закрадывалась в сердце. В самом деле: мусульмане как мусульмане, но со времени нападения Испанского халифата они хоронятся в этом неведомом междугорье, не входя в сношения ни с френгским, ни с мусульманским миром!. Отделенные от всех стран и народов, они, однако, достигли такой степени цивилизации, что мои сородичи-туркестанцы – дикари в сравнении с ними, а френги могли бы многому поучиться у них!. Странно и непонятно, как здесь поставлены женщины; почему кадий обратил особенное внимание на мою любовь к Маргарите и наговорил таких вещей, кои я не совсем понимаю?

Подойдя к площади базара и караван-сарая, я не мог не обратить внимания, что какой-то араб обходил всех и здоровался с ними. Все ласково приветствовали его и жали руку. Думая, что в эту загадочную страну прибыл подобный мне странник, я обратился к шейху и спросил, кто он.

– Это раскаявшийся и прощенный, – отвечал он.

– В чем состояли его вина и наказание?

– Он совершил страшное преступление... Торгуя хлебом, он обмерил одного

покупщика на полдинара.

– Как же его наказали?

– Кадий, дознав и удостоверив этот грустный факт, официально объявил об этом.

– Да, но после посадили его в тюрьму или били по пяткам?

– Нет, мой сын, у нас не существует тюрем, как в ваших странах; в них нет нужды.

– Как же так?

– Очень просто: как только мы узнали, что он действительно совершил обман, мы перестали подавать ему руку и начали сторониться, как прокаженного... Жена его тогда же возвратилась к своим родителям, не желая делить с ним оскверненный хлеб и заработок... он сделался одинок и безмолвен среди этого шумного базара и принужден был идти в "колонию кающихся", чтобы не умереть со стыда и голода. Пробыв там четыре месяца и искупив работой на общую пользу свою ошибку, сегодня он возвратился в общество возродившимся гражданином: ни страсти, ни черт его другой раз не одолеют. Он, бедный, заслуживает полного прощения и снисхождения, ибо в детстве и молодости он постоянно болел и не мог получить совершенного воспитания и образования. Поэтому он и поддался искушению. Он был единственным преступником в нашей стране в последние четыре года... Я слушал шейха, разиня рот от удивления, и не заметил, как подошли к дверям караван-сарая.

25 апреля 1888 – №15

Войдя в отведенный мне номер караван-сарая, я нашел два письма и номер газеты, адресованные на мое имя. Слуга объяснил, что они доставлены в мое отсутствие.

Оба письма были написаны на квадратном листике бумаги, сложенном вдвое, и не имели конвертов. На внешней стороне бумаги было нечто вроде почтовой печати и адрес: "В Караван-сарай. Молле Аббасу Туркестанскому".

Одно письмо было от Фериде Бану, известной читателям из предыдущих моих писем; другое – от редакции местной газеты "Будущность". Фериде Бану писала, что ее отец и братья, узнав от нее о моем прибытии в их страну, желали бы познакомиться со мной, а потому она покорнейше просит уведомить, когда я могу принять приглашение пообедать с ними. Адрес: г[ород] Саадет, Площадь Севильи, дом Османа Газеви.

Редакция [газеты] "Будущность", извещая, что будет доставлять мне свое издание, просит дать краткие сведения о положении мусульман, живущих в России, Туркестане и Бухаре, об их понятиях, знаниях и образе жизни как предметах очень интересных и мало известных в стране Рахата.

Эти два письма возбудили во мне множество вопросов. В этой стране, видимо, имеется своя бумага и газета, следовательно, и печатня. Конверты не в употреблении. Странно. Девушка пишет письмо и просит [дать] ответ, чтобы познакомиться меня с родственниками. Это еще странней. Письма, очевидно, доставлены городской почтой, однако письма без марок. Наконец, страна, не имеющая внешних сношений, имеет газету, т.е. листок новостей... Страна эта с каждым часом становится для меня удивительней и загадочней.

Я стоял, погруженный в эти соображения, когда вошел шейх Джелял, остававшийся на базаре. – Что вас задержало? – спросил я его.

– Я увидел свежепривезенные яйца и заказал, чтобы тебе вывели десяток цыплят, – отвечал он, садясь на диван.

Честное слово, я был так поражен этим ответом, что серьезно испугался за здоровье мозгов почтенного шейха! Как это, вывести для меня цыплят? "Разве ваши куры на базаре выводят цыплят?" – спросил я, однако.

– Вот, видишь ли, мой сын, у нас куры только несут яйца, а цыплят мы выводим сами, без их посредства... – Несчастный, он совсем уже помешался и так внезапно! – думал я, вытаращив глаза. Шейх чему-то улыбнулся и продолжал: "Я вижу, мой друг, что ты

круглый, хотя и милый, невежда. Хотя ты кое-что знаешь из Божественных Откровений (Коран), но, видимо, ты даже не слышал о существовании другой книги – Книги Божественных Деяний. Если бы ты знал, что-либо из этой книги, то не был бы так поражен, что у нас выводят цыплят без наседки".

– Ради Аллаха, объяснитесь, г[осподин] шейх, я окончательно смущен вашими речами... Как так можно выводить цыплят без наседки и какая такая книга Божественных Деяний?

– Известно, что из яйца вылупляется цыпленок не потому, что на нем сидит курица или другая птица, а потому, что теплота наседки действует на яйцо. По Воле Аллаха из содержимого яйца образуется будущая птица под влиянием известного количества и степени тепла. Путем опыта и наблюдений мы определили это количество и меру теплоты и без помощи наседок, в особо приспособленных печах, в три дня выводим каких угодно птиц.

– Да помилует вас Аллах, что вы говорите! – вскричал я.

– Не думай, что мы святотатствуем; мы это делаем на основании указаний Книги Предвечных Деяний, точно так же, как на основании предписания Предвечных Откровений совершаем намаз и молитвы.

Мне стало казаться, что помешался я, но тем не менее решил спросить.

– А где эта чудная книга, о коей я нигде не слышал?

– Книга эта раскрыта повсюду; надо только уметь и желать читать ее. Страницы ее необъятны. Малейшие точки и черточки ее букв – целые горы и моря... Книга эта – совокупность Природы, созданной Божеством. Изучение природы, ее сил и законов дает человеку знания, необходимые для жизни, точно так же, как Книга Откровения указывает нам основы нравственности и пути к спасению в будущей жизни. Как и когда нужно молиться, что хорошо и не хорошо, мы узнаем из Откровения, а как и когда надо работать, как растить деревья и животных, что вредно и что полезно для человека, мы черпаем из указаний Природы, которая есть Дело Аллаха, как Коран – Слово его. Позже все это ты поймешь лучше.

– Все это очень удивительно, – отвечал я. – Немного начинаю понимать вас, но все-таки многое для меня темно... Искусственно выведенные цыплята не будут ли харам? (Нечистый, запрещенный).

– Нет, мой сын, успокойся, что харам-то указано в Законе. Подумай: из дикой кислицы путем опыта и знания человек вырастил прекрасное яблоко; точно так же на основании известных законов природы и знания их он из семян шелковичного червя получает блестящую ткань и может выводить из яиц цыплят, если знает и понимает значение наседки... Существует ли у вас в Туркестане шелководство и садоводство?

– Да.

– Вот со временем, когда знания сделают у вас большие успехи, вы будете знать и другие способы культуры и производств.

Я показал шейху полученные письма и высказал свои недоумения.

Он объяснил: "У нас бумага своего производства и делается из растительности.

Газета и печать существуют давно. Газета и книги даются всем даром; почта общественная, даровая. Письма всегда пишутся открытые, ибо никто не пишет и не делает что-либо противное закону или чести, чтобы скрывать свои мысли или письма. Впрочем, никто не позволяет себе прочесть чужое письмо. Девушки и женщины так же пишут, как и мужчины. В отношении тебя Фериде Бану пользуется правом знакомства. Что касается письма редакции, то будет любезно сообщить ей, что можешь, на ее вопросы".

Вскоре за сим шейх вышел, обещав прийти вечером, а я принялся рассматривать номер арабской газеты. На первой странице я увидел статью о Туркестане и тюркских народах и жадно принялся читать.

15 июля 1888 – №24

Статью арабской газеты я прочел с большим вниманием; она сообщала очень много интересного, но по некоторым соображениям я не могу послать вам её полный перевод и приведу лишь заключительную часть.

"Таким образом, – повествовала газета, – при Худояр, Музафар-Эддин и Магомед-Рахим ханах туркестанские ханства находились в таком положении, что должны были подчиниться России и признать ее влияние. Если часть народа и была недовольна событиями, но было и немало таких людей, особенно среди торгующего класса, которые радовались приходу русских и их влиянию. По словам шейха Мансура, посетившего туркестанские края в тысячу двести девяносто... году, с водворением русских спокойствие и безопасность осенили дороги, степи и жилища; прекратились отвратительные и ужасные казни и избиения во имя дурно понятой правды и веры. Строгий контроль русских, при сохранении за населением права жить и следовать шариату, расположил к ним чувства населения, и оно вовсе не жалеет о прежнем порядке...

...К сожалению, умственное состояние туркестанских мусульман самое плачевное. Они кое-как справляются еще с духовной наукой, хотя и в этом отношении крайне односторонни, но о других знаниях и помину нет! Это тем более странно, что были эпохи, когда знания и словесность достигали значительного блеска и развития. Например, в эпоху Тимура и тимуридов Самарканд представлял [собой] наиболее ученый город мусульманского мира. Сами правители отличались глубокой ученостью, как бы сознавая, что это лучшее украшение человека, не исключая и царей. Сам Тимур и – особенно – сын его Улугбек были всесторонне учены и образованы. Хромота могла быть преодолена, но если бы Тимур был слепой, т.е. не был просвещен, то не мог бы пройти и подчинить себе половину мира! Вообще, царства и народы, идущие к гибели, прежде всего губят у себя науки и знания и затем сами подходят, как бараны, под удары судьбы с завязанными глазами.

Случайно прибывший в нашу страну молла Аббас, туркестанский мусульманин, уроженец г(орода) Ташкента. Хотя он много учился на родине и некоторое время жил среди френгов, но тем не менее он думает еще поучиться у нас, чтобы достигнуть более совершенного просвещения в духе ислама. Нет никаких оснований думать, что он явился сюда с дурными намерениями. Мы охотнее думаем, что им руководил случай или жажда знаний".

Вся статья газеты указывала на то, что здешние люди отлично знают наш Туркестан и его дела. Впрочем, они так же хорошо знают и другие страны. Вообще, я находился среди людей, которые знают очень много, но о них-то никто ничего не знает!

Просматривая другие статьи газеты, я прочел следующие поразительные вещи: "Из дер[евни] Палестина нас извещают, что местный инженер-строитель соорудил машину, которая при помощи воздуха подымает воду на триста шагов вверх, на гору, так что обширная площадь горы отныне делается способной к культуре".

"Известный наш химик Джафар Эддин из костей животных и смеси вновь открытого минерала составляет порошок, который служит чрезвычайным удобрением для земли. Им сделан опыт на самой плохой, худой земле, где раньше ничто не произрастало. Урожай получился, как на самой лучшей земле".

"Из дер[евни] Эль-Маср нам пишут, что на прошлой неделе там был следующий случай: восьмилетний мальчик Сайд, сын Хасана, нечаянно проглотил кусок режущего стекла. Так как уничтожить в желудке это постороннее тело химически не представлялось удобным и всякое промедление грозило мальчику смертью через поранение кишок, то местный врач Хусейн сделал вскрытие желудка и извлек то стекло ранее, чем оно попало в кишки. Бедный Сайд ныне выздоравливает и в другой раз будет осторожней, чтобы не проглотить подобную вещь".

Я был чрезвычайно удивлен этими известиями. Очевидно было, что мусульмане

Дар-Эль-Рахата в машиностроительстве, механике, земледелии и медицине сделали такие успехи, о коих у нас в Туркестане неудобно даже говорить. Вообще эта страна чрезвычайно меня заинтересовала, и я решил подробно изучать ее, если что-либо не помешает. Тут на каждом шагу чудо и новость, и жизнь людей столь же не похожа на нашу, сколько и на европейскую. Она лучше. Я так думаю, а вы подумайте.

Мне надо было исполнить предложение прекрасной Фериде Бану. Я ответил ей письмом, что очень рад и благодарен ее приглашению. Не знаю, насколько правильно я составил мое письмо, ибо, хотя я много учился по-арабски, правильно писать едва умею! Конечно, между своими это не было бы заметно, а здесь, где девушки даже учены, я очень опасаюсь за мои познания, столь долговременно приобретенные в Ташкентском медресе.

На другой день пришел за мной Хасан, брат Фериде Бану, и мы отправились к ним. Мы пошли по одной из прекрасных и чистых улиц Дар-Эль-Саадета, имея по обе стороны улицы ряды цветников, садов с живописными, оригинальными домиками в глубине. Конец улицы упирался в небольшую площадь, выложенную цветными мраморными плитами; посреди площади выступала не очень большая, но чрезвычайно красивая белая мраморная мечеть с таковым же минаретом – стройным, тонким, покрытым затейливыми узорами художественной резной работы. Множество изящных, точно выточенных на станке колонн черного мрамора поддерживали смелые арки балкона, устроенного вокруг мечети... Я не мог оторвать глаз от этой благородной и живописной постройки, соединявшей в себе простоту с чудной, живой красотой, – тяжесть и мощь гранита – с лёгкостью и прелестью художества. Мне казалось, что строитель мечети задался целью воплотить в ней идею ислама – простота в величии и величие в простоте. Подойдя ближе к мечети, я увидел, что мастера Дар-Эль-Рахата перещеголяли своих гренадских праотцов: колонны, арки, ниши, карнизы и камни так плотно и гладко были пригнаны друг к другу, что с большим усилием можно было заметить швы и линии соединений! На взгляд казалось, что вся мечеть высечена из цельной, исполинской глыбы мрамора... Отсутствие гробниц и могил, обыкновенно окружающих наши туркестанские мечети, напомнило мне, что я вообще не видел еще здешние кладбища. Поэтому, пройдя мечеть и следуя на противоположную сторону площади, я спросил, в каких местах устроены кладбища.

– Здесь близ городов и сел кладбищ вы не встретите; для них отведены особые участки в стороне и не очень близко от жилых мест.

– Но это, я думаю, неудобно для жителей?.

– Как неудобно! Это необходимо; кладбища близ жилища живых людей могут принести большой вред. Разве вам не известно, что трупные миазмы заражают воздух, а трупный яд отравляет почву и подпочвенные воды?.

– Мне это отчасти известно, но в наших странах подобные вещи не известны.

– Жаль, очень жаль, ибо подобные знания – лишь азбука жизни и начальные шаги благоустройства, общественного здоровья и цивилизации. Скажите, пожалуйста, Сиди Аббас, действительно ли страны Туркестана, Ирана, Арабистана и Магриба покрыты мраком невежества, как у нас здесь говорят?

– Сравнительно с тем, что я вижу здесь, все те страны еще полудикие, но, однако, люди тех стран думают о себе иначе...

– Да поможет им Аллах! Меня удивляет, что френги, ученики и рабы наших отцов в Андалузии, успели догнать и, как видно, оставить позади себя мусульман.

– Это верно. Теперь науки, ремесла, торговля, богатство и сила на стороне френгов; они господствуют во всем мире...

– Да, это нам здесь тоже известно; но и в их жизни и цивилизации тоже заметны страшные язвы, которые отравляют их, по-видимому, здоровое, красивое тело... Но вот мы уже близко.

Пройдя площадь, мы вошли в улицу "Преподавателей": на этой улице было жилище отца Фериде Бану и Хасана. Дом их, как и прочие, отделялся от улицы железной решеткой, за которой виднелся благоустроенный сад с домом посередине.

31 августа 1888 – №28

Хасан проводил меня в приемную комнату, или комнату для гостей. Проходя по двору, я видел, что люди здесь живут в такой чистоте, в таком довольстве, о коих у нас и понятия не имеют. Кажется, ведь цветы – статья не очень важная; а тут они так подобраны и выхолены, что круглый год цветет то один, то другой сорт, лаская взор и благорастворяя воздух тонким благоуханием. Ветки деревьев оживлены множеством певчих птишек, порхающих из сада в сад и не боящихся людей, ибо последние их никогда не ловят, никогда не бьют, но часто кормят или подкармливают.

В гостиной встретили меня шейх Абдулла, отец Хасана, и брат его Али. Шейх Абдулла был почтенный старец лет восьмидесяти, совсем седой, но еще совершенно бодрый и здоровый. Али был молодой человек лет 25, на вид моложе Хасана на два – три года. Комната, в которой я находился, была постлана растительной циновкой с затейливыми узорами. Кругом стен, чисто выбеленных, стояли мягкие диваны, обитые красным сафьяном. Шейх Абдулла предложил мне сесть и сел рядом. Хасан и Али сели напротив. Называя меня сыном, почтенный старец выразил свое удовольствие видеть меня и узнать кое-что о мусульманах, живущих в далеких краях Азии. При этом он заметил, что дочь его уже сообщала ему кое-что, слышанное от меня.

Шейх Абдулла бойко расспрашивал меня о делах Туркестана и Френкистана, причем я убедился, что он знает об этих странах много более, чем я, грешный!

Меня особенно удивили подробности, сообщенные им, из жизни бухарского хана Эмира Насруллы, деда нынешнего хана, и эпизоды из злоключений кокандского хана Худаяра, мало кому известные даже в самом Коканде. Но что меня поразило в речах старца, это то, что уже сто лет назад здесь знали (предвидели) русское завоевание Средней Азии! Заметив мое недоумение, Шейх Абдулла улыбнулся и сказал:

– В городской библиотеке ты найдешь книжку под заглавием "Предположения и Предвидения Ибн-Мервана", написанную сто два года назад. Там ты увидишь, что предвидения почти в точности исполнились...

– Но меня все-таки поражает эта сила предвидения, ума, знания... Я не пойму, как может смертный видеть сто лет вперед! Великий, святой человек был Ибн-Мерван...

– Нет, мой сын, он был такой же человек, как все. И ты тоже можешь предвидеть очень многое, если к тому подготовишься.

Это объяснение вовсе не рассеяло туман, покрывавший мои очи и мозги; я недоумевал еще более; как я могу знать, что будет через пять, десять, пятьдесят лет! Не понимаю...

Чтобы просветить меня, шейх продолжал: "Знаешь ли ты кое-что из времен омейядов; слышал ли о величии Александра Македонского и вашего Аксак Тимура? Ты не жил в то время, как же ты знаешь то, что было тогда, когда тебя не было?. Ты знаешь это из достоверных сказаний и книг; из свидетельств многих историков и поэтов. Таким образом, ты видишь, что существует средство знать то, что было до нас; поэтому не смущайся, что есть средство более или менее верно знать то, что будет после нас...

Ты, конечно, знаешь, что такое водяная мельница. Колесо ее вертится, когдапустишь воду, а если же воду отвести, то она перестанет действовать. Не так ли? Зная это и осматривая любую мельницу, можно предсказать, долго ли она может работать. При этом мы примем в соображение материал, из коего она построена, устройство арыка, количество воды и прочее.

Точно таким же образом можно изучить положение и состояние данного народа или

государства, таковое же его соседей в связи с их прошедшим, чтобы из добытых, очевидных для опытного глаза фактов усмотреть ближайшее и вероятное будущее... Ты еще молод; когда ум твой обогатится более, то и глаза увидят глубже и дальше".

– Да, но все-таки я не совсем вас понимаю... Все зависит от Воли Аллаха; каждое утро может произойти нечто такое, чего нельзя было предвидеть еще вчера.

– Да, мой сын, на все Воля Аллаха; нет Воли и Знания предвечнее Его. В это я верую так же, как и ты, но ты не знаешь того, что все на свете совершается по определенным порядкам и вечным законам, а не так себе, как бы по капризу. Уже тысячи лет солнце появляется на востоке, чтобы уходить на запад, хотя, если угодно будет Аллаху, солнце 20 раз в день может изменять свое направление... Точно так же в жизни народов и государств действуют определенные законы; определенный порядок. Зная эти законы и данный народ, можно с большой вероятностью предсказать, пойдет ли тот народ вперед или назад... Приведу для тебя простенький пример того, как можно предвидеть будущее: ты недавно был во Франции и знаешь, как горячо желает каждый француз возвращения Эльзаса и Лотарингии, отнятых германцами в войну 1870 года. Так как германцы употребляют все усилия сохранить за собой эти земли, то можно предвидеть, что дело это без новой войны не разрешится. Если же изучить дела и положение других государств Френкистана, то можно предсказать год, когда произойдет эта война. Конечно, ошибка очень возможна, но ошибка эта будет не очень далека от действительности...

14 сентября 1888 – №30

С любопытством следуя за речами и мыслью шейха Абдуллы, я не заметил, как вошла моя старая знакомая, Фериде Бану, и поставила перед нами небольшой столик с чашками горячего молока и разными печениями.

– Приветствую вас, – обратилась она ко мне, – я очень рада, что вижу вас в доме моего родителя.

Я не ожидал, что мусульманка покажется мне, и, смущенный, пробормотал несколько любезностей.

– Прошу кушать, – продолжала она, – вы, может быть, привыкли к чаю, кофе, но в нашей стране этих растений нет, и мы легко обходимся без них.

– Благодарю вас; здесь все так хорошо, всего так много, что, право, о чае и кофе думать не приходится.

Фериде Бану, одетая теперь гораздо лучше, чем во время спуска нашего из Альгамбры в подземелья, казалась еще более прекрасной. Голос ее звучал еще прелестней и нежнее, чем мне показалось тогда.

– Сиди Аббас, – обратилась она к братьям, – очень испугался, когда встретил нас в Башне Принцесс... Впрочем, и мы порядком перетрусили. Он думал, что встретил джиннов (гемниев), но шейх Джеял успокоил его.

– Действительно, я тогда был поражен, хотя недоумение мое еще продолжается... Однако ваше знакомство облегчило и успокоило меня.

– Вы говорите мне любезности и вследствие этого – маленькую неправду, – заметила она с обворожительной улыбкой, – впрочем, вы жили среди френгов, а у них говорить любезности даме и слегка обходить правду, говорят, в обычае... Я думаю, что вас облегчило не знакомство со мной, а порядок, царствующий в нашей стране, где вам не сделают никакого вреда. Вы это очень скоро почувствовали, хотя, вероятно, не знаете, как пойдет ваша жизнь далее...

– Я полагаю, что пользуюсь чрезвычайным гостеприимством здешних мусульман, я изучу различные неведомые у нас науки и затем вернусь на родину обрадовать моих сородичей своими повествованиями о великолепной стране Рахата.

– Конечно, мой сын, – прервал меня старик, – мы не успели еще заслужить твою любовь; ты же еще мало знаком с нашей страной и жизнью, но поживши между нами далее, ты пожелаешь остаться у нас навсегда... – Это было сказано самым

дружелюбным, сочувственным тоном, но почему-то дрожь пробежала по моему телу от внезапной мысли, что меня могут не выпустить из этой страны. По возможности хладнокровней я ответил:

– О, мой отец, я не видел страны прекрасней этой и не встречал людей более достойных и симпатичных, чем здешние мусульмане, но для всякого дорога своя родина, а потому, может быть, позже я пожелаю вернуться в Ташкент... Я думаю еще побывать в Египте и Константинополе...

– Твои желания совершенно естественны, но выход твой из нашей страны будет зависеть не от тебя. От нас отправляются за горы разведчики и старцы, но их назначает и посылает эмир. Кроме того, выход из нашей страны прикрыт и никому не известен, кроме старцев-смотрителей; ты, вероятно, заметил, что у нас сношений с внешним миром не существует.

Было очевидно, что возврат мой был невозможен; я должен был навеки проститься с Ташкентом, если не поможет неведомый случай выбраться отсюда... Но какой случай? Посмотрим. Храни меня Бог!

– Я охотно останусь в этой прекрасной стране; я уже люблю ее, но заговорил о выходе на случай, если не привыкну к здешней жизни. Буду молить Аллаха, чтобы кости мои остались в священных землях Рахата, – ответил я шейху, стараясь замаскировать свое смущение. Собеседники мои уверяли меня, что здешние мусульмане и эмир устроят мою жизнь хорошо и что я не буду скучать по беспорядочным странам загорья.

Из дальнейших разговоров я узнал, что шейх Абдулла был мудеррисом по истории и философии Великого Медресе, куда я должен был поступить по подготовке. Хасан был инженер, Али – агроном, а Фериде Бану будущий доктор, только недавно окончившая курс наук.

Раньше я рассказал вам со слов Фериде Бану историю возникновения загадочной мусульманской общины этой страны. Теперь со слов ее отца, шейха Абдуллы сообщу вам дальнейшие сведения. Как только родственники и друзья Сиди Мусы, героя Гренады, выбрались по тайному ходу в неведомую котловину Сиерра-Невады, названной ими "Страной Спокойствия", они расположились во временных землянках и шатрах. Затем своевременно закрыли и заделали вход из первой подземной залы в спасительную котловину. Всех эмигрантов было 185 человек, и в числе их – 78 женщин. Эта маленькая община первым делом признала Сиди Якуба, племянника Сиди Мусы, своим начальником и эмиром и избрала ему в советники шесть человек из старейших и ученых членов общины. Все члены общины были люди достаточно сведущие; между ними были искусные мастера, садоводы, земледельцы, три доктора, два архитектора и несколько богословов. Так как каждый эмигрант, спасаясь из Гренады, захватил с собой книги, инструменты, семена и прочие принадлежности жизни, согласно письменному указанию Сиди Мусы, то они имели под рукой достаточно средств устроить сносно свою жизнь, тем более, что, благодаря усердию последнего садовника Альгамбры, в котловину было пригнано до сорока голов овец и доставлено достаточно домашней птицы, чтобы можно было их тут плодить.

Так как котловина гор была болотиста от сбегавших со всех сторон ручьев, то на первое время злосчастные эмигранты расположились двумя селениями на возвышенности, но тем не менее болотная лихорадка видимо ослабляла каждого, унося частые жертвы. Было очевидно, что спасение общины зависит от осушения болот и оздоровления воздуха, тем более, что крутые склоны гор, загроможденные камнями и скалами, представляли плохую почву для посевов и жизни.

5 октября 1888 – №33

Несколько ученых вместе с докторами и инженером-архитектором осмотрели всю местность во всех подробностях и составили план и предположения о необходимых

работах и сооружениях. Окончив самые нужные домашние работы и засеяв, сколь было возможно, пшеницы, хлопка и рису, вся община, не исключая и женщин, принялась за общественные работы. Работал всякий, кто только мог что-либо делать, даже эмир Якуб и бывший при нем инженер, обходя работающие партии и указывая как работать, сами тоже не оставляли лопаты и кирки. Три первые года община провела в тяжких трудах; лишь слабосильные были заняты домашними работами. Зато на четвертый год маленькая страна представляла совершенно другой вид: ручьи, сбегавшие беспорядочно с гор в котловину, текли по искусственным канавам по склонам гор и орошали сравнительно громадные площади, превращенные мало-помалу в цветущие нивы, сады и плантации. Болота, изрытые сетью канав, вскоре обсохли и покрылись великолепной здоровой растительностью. Стало очевидным, что человеческое знание и труд могут самые худые, нездоровые места обратить в благодатный край.

Инженер общины Сиди Ахмед, да будет над ним благословение Аллаха, измерил всю площадь котловины; вычислил количество стекавших вод, размер возможного испарения, просачивания в глубь земли и нашел, что стекающие воды куда-то уходят, без чего вся котловина должна бы представлять собою глубокое озеро... Его предположение, плод точных научных данных, оправдалось самым блестящим образом: в западной части котловины, где были самые топкие и глубокие болота, упиравшиеся в отвесные гранитные горы, он открыл бездонную расщелину, загроможденную обломками скал и занесенную тиной и водорослями. Как только расщелина была очищена, болотные воды быстро исчезли под горой, в неведомые пространства. С тех пор эта небольшая страна превратилась в земной рай. Лихорадка и многие другие болезни совершенно исчезли, как происходившие от миазмов и дурной воды. Люди спустились с неудобных гор в долину и зажили здоровой, веселой и трудовой жизнью.

Первое поселение, основанное эмигрантами, названо ими в память покинутой Гренады "Новой Гренадой". Селение это существует до сих пор в северной части долины. Вслед за жилищами общими силами были сооружены там же первая мечеть, медресе для мальчиков и девушек и больница. Тут по личному опыту каждый знал, что труд и знания – основа и гарантия жизни, а потому поголовное обучение и – соответственная – работа были признаны общим правилом и законом. Урожай хлеба, хлопка и рису обеспечили жизнь колонии, а быстро расплодившиеся стада овец помогли развитию общего довольства. Через тридцать лет число жителей увеличилось до 400, кои уже жили в трех хорошо обустроенных селениях, имея три мечети, шесть медресе и одно "Собрание Ученых", где в неделю раз сходились все ученые общины для бесед и различных опытов, кои записывались особыми писцами и увеличивали запас знаний и наблюдений.

Через столетия население настолько увеличилось, что вся долина покрылась селениями, и приступлено было к сооружению города "Саадет". Земледелие, садоводство, ремесла достигли высокого развития, как основанные на рациональных началах, и обеспечили всем и каждому богатую и веселую жизнь. Все науки, известные испанским мусульманам, получили здесь дальнейшее развитие и послужили к великому благосостоянию и счастью жителей. Трудовая жизнь, взаимопомощь и любовь укоренили в них лучшие качества и добродетели, так что зла тут не существовало. Шайтан-искуситель точно остался за горами и не рискнул пройти в это чудное тайное убежище.

В настоящее время Дар-Эль-Рахат имеет триста тысяч жителей, населяющих 40 обширных, благоустроенных сел и город Саадет. Эмиры из рода Сиди Мусы все время правят народом чрезвычайно правдиво и умно, служа образцом трудолюбия, высоких нравственных качеств и знаний. Великая любовь народа к поколению своих эмиров выразилась в сооружении на общие средства великолепного дворца, находящегося в Саадете и названного в честь бабки нынешнего эмира Зегры "Каср-

Эль-Зегра".

По словам шейха Абдуллы, это была замечательная женщина. Ее перу принадлежит великолепный сборник высокопоэтических стихотворений, обширный нравственно-философский трактат о жизни, учение о деятельности и общественной роли женщин; ее трудами и влиянием основана высшая женская школа и институт воспитательниц. Эти две школы дают общине строго нравственных женщин, ученых помощниц, подготовленных матерей и искусных хозяек.

Почти до вечера шейх Абдулла посвящал меня в историю этой прекрасной страны, и я слушал с неустанным вниманием. Хасан и Али сообщали некоторые подробности и давали объяснения, чтобы облегчить мне понимание слышанного. Как ни интересно было все это, но я не мог подавить в себе любопытства узнать поскорей, почему Фериде Бану, сторонняя для меня мусульманка, не закрывалась от меня. Следуя повсеместному обычаю, она должна была скрываться от меня, как от стороннего мужчины... Не будь здешние люди мусульманами, тогда обстоятельство это было бы понятно.

Перед вечером Фериде Бану пригласила нас в сад, в беседку, обедать. Здесь меня представили Айше Бану, хозяйке дома, почтенной старушке, которая отнеслась ко мне с чрезвычайной нежностью. Сразу было видно, что это добрейшая женщина, и я чувствовал себя среди этих людей, как среди родных или старых приятелей.

22 октября 1888 – №36

Обед состоял из мясных, молочных и мучных блюд, а также из разнообразных фруктов и варений. После обеда было подано фруктовое прохладительное питье. Вкусно покусав и развлекаемый чудным местоположением и дружескими, интересными речами моих знакомых, я почти забывал загадочность и неопределенность моего положения. Удовольствие мое достигло, однако, высшей степени, когда, убрав стол, Фериде Бану принесла музыкальный инструмент вроде мандолины и огласила воздух тихими аккордами и нежным голосом... В эти минуты, мне казалось, счастье прикрыло всех нас. Она пела чудные газели; игриво импровизировала или с увлечением передавала старинные бравурные песни мавров... Заметив мое увлечение музыкой, шейх Абдулла спросил: «У вас в Туркестане музыка, вероятно, в почете и уважается? Напротив, – отвечал я, – у нас музыка и песнопение считаются неприличием, не идущим к серьезности мусульманина».

– Конечно, музыка, низводимая на степень службы разгулу и безобразию, должна осуждаться, но как средство для проявления благородных чувств и сокровенных движений души человека не может не почитаться почтенным искусством... Песня и музыка суть проявления довольства и радости; довольство и радость тварей не могут быть противны Всеблагому творцу; разумная, вольная песня – это половина молитвы. Она облагораживает человека, облегчает его душу. Не следует, конечно, злоупотреблять ею. Глубокий богослов может и назидать, и развращать людей; искусный химик может и оживлять, и отравлять людей. Из этого не следует, чтоб богословие и химия были неприличны мусульманину...

Я был очарован и музыкой, и беседой. Только вечерний призыв муэдзина напомнил мне, что пора подумать о молитве и возвращении домой. Я встал и попросил позволения идти. Али вызвался проводить меня. Все члены этой доброй семьи взяли от меня слово бывать у них и обращаться как к родным, если что-либо понадобится. Фериде Бану поднесла мне в дар великолепную корзиночку, наполненную тонким бельем. Я не знал, как благодарить ее. Отказ же мой мог оскорбить этих простых и честных людей.

Я должен заметить еще, что в доме шейха Абдуллы не было прислуги, если не считать одну пожилую женщину, родственницу шейха, жившую с ними. Тут все работали; да и склад жизни был таков, что каждый мог обходиться без сторонней

помощи.

Когда я вернулся в Караван-Сарай, то встретил у себя моего смотрителя, или воспитателя, шейха Джеляла. Он сообщил мне, что послезавтра представит меня эмиру, который пожелал видеть первого чужестранца в своей стране. «В какое время нужно будет идти?»

– спросил я шейха.

– Эмир пришлет за нами; вероятно, утром, – отвечал он.

– Скажите, пожалуйста, каковы этикететы приема: я не желал бы представиться его светлости полным невеждой?

– Никаких особенных правил, мой сын. Конечно, ты понимаешь, что должен быть почтителен, а затем говорить обдуманно и правдиво, если желаешь приобрести благоволение его светлости эмира.

– О да, я желаю просить его светлость о большой милости... Можно ли просить его о чем-либо?

– Конечно, можно, но только все, что нужно будет для тебя, сделается и без всякой просьбы. Уже сделано распоряжение об обеспечении твоей будущности. Назначен участок земли для обработки, отведено место для усадьбы; тебе остается немного поучиться, попривыкнуть к здешней жизни... и выбрать себе подругу жизни, – добавил шейх улыбаясь.

Выслушав это сообщение шейха, я крайне смутился. Надежда на возвращение на свет Божий, надежда увидеть еще раз мой родной Ташкент совсем ослабела. Я бы почувствовал себя очень плохо, но меня поддерживала слабая надежда на эмира: я думал, что он разрешит мое возвращение в Альгамбру, а оттуда дорога мне известна. Очевидно, заметив мое смущение, шейх спросил:

– О чем, мой сын, ты думаешь просить эмира?

– Я хочу просить его разрешить мне возврат на родину, так как тоска и беспокойство начинают отравлять мое существование.

– О, мой сын, твоя просьба очень важна; я не знаю, что ответит тебе эмир, но, во всяком случае, это будет первый пример выхода из нашей страны, если тебе это суждено.

– К чему же меня приневоливать? Я ведь свободный человек. Тем более что я пришел сюда без уговора остаться навсегда.

– Это так, мой сын, но разве ты находишь нашу страну и жизнь не хорошими, что желаешь нас оставить? Мы все были рады тебе, и ты бы устроился здесь отлично.

– Мне будет очень тяжело, если я кого-либо огорчу моим желанием уйти. Страны прекрасней, людей благовоспитанней и счастливей я нигде не видел, но, шейх мой, выезжая из Ташкента, я дал обет поклониться Каабе и гробу Пророка... Изменить этому обету и долгу я не могу и не хочу.

Шейх задумался. Он, видимо, сознавал мое право на выход, но, с другой стороны, местные условия и таинственность страны Рахата налагали на каждого живущего здесь особые обязанности, которые трудно было согласовать с моим желанием оставить эту страну. С моим уходом нарушалось местное право и обычай, нарушалась тайна их прекрасного убежища.

После некоторого раздумья шейх сказал: «Во имя Бога, будем терпеливы; время и соображения укажут путь разрешить твою задачу... Завтра скажи эмиру. Но не особенно надейся на желательный тебе ответ... будь я эмиром, я не знал бы, что тебе ответить: я не желал бы подвергнуть риску жизнь и свободу всего нашего общества, ибо раз тайна нашей страны будет узнана, бытие наше расстроится, хотя современные испанцы, надеюсь, не поступят с нами так жестоко, как поступили их предки при завоевании Гренады и Андалузии»...

Шейх Джелял ушел от меня весьма взволнованным. Я был взволнован еще более. Я думал: чем, наконец, разрешится мое приключение? Не сделают ли мне какого-либо вреда из-за моего желания уйти? Могут, наконец, лишить меня жизни! Впрочем,

кажется, здешние люди не способны на подобные поступки.

4 ноября 1888 – №38

На следующее утро пришел шейх Джелял и вскоре за ним – посланный от эмира, чтобы проводить нас во дворец. Мы отправились втроем пешком. Я, кажется, уже писал вам, что в этой стране не было лошадей и крупного скота вообще. Впрочем, в этих животных тут и не было особенной надобности: вода и электричество почти во всем их заменяли как рабочую силу. Пройдя по великолепным улицам и площадям города, мы вышли за город и вошли через большие металлические ворота в прекрасный парк и сад. В глубине аллеи гордо выступал изящный, белый дворец, расположенный среди сада на открытой площадке. Перед дворцом бил большой водоем [фонтан] из красного мрамора. Обойдя его, мы подошли к крыльцу, и только тут я рассмотрел великолепную отделку и резьбу дворца Зегры. Белый мрамор, из коего выстроен весь дворец, усеян самыми красивыми и затейливыми узорами. Надо удивляться крепости резца и уменью мастера, выводивших эти узоры на мраморе! И на дереве подобная резьба казалось бы удивительной. Шесть широких ступеней, украшенных вазами из красного мрамора, подняли нас к дверям, кои открылись перед нами. В передней нас встретили двое слуг в богатых одеяниях и провели в одну из боковых зал. Тут нам подали разные сласти и печенья, между тем как проводник наш пошел к эмиру доложить о моем приходе. Комната, в которой я был, была меблирована в мавританском вкусе атласом желтого цвета. Пол был вымощен плитками цветного мрамора и арабесками.

Через полчаса вернулся наш проводник и пригласил к эмиру. По мраморной, устланной коврами лестнице мы поднялись во второй этаж и вошли в большую залу со сводчатым стеклянным потолком. Тоненькие, стройные, но высокие колонки из мрамора поддерживали чрезвычайно красивый потолок, чудо архитектурного искусства и художества. Я нигде не видел ничего подобного: такое удивительное сочетание мрамора, бронзы, хрусталя, красок, позолоты, теней и света, что глаза мои разбегались, но я был особенно поражен, когда мы подошли к середине залы, где стоял огромный стол в металлической оправе и на мраморных ножках... Но это был не стол, а целое волшебство! Верхняя доска стола была из стекла или хрусталя, и, взглянув на нее, я чуть не сошел с ума! На этом стеклянном поле отражалась вся страна Спокойствия с ее горами, селами, садами и прочее, не исключая передвижения людей. Я не верил глазам, но шейх Джелял явился на помощь и объяснил, что путем установки системы оптических стекол и зеркал вся страна отражена на этом удивительном столе, так что эмир во всякое время имеет перед глазами всю страну во всей ее совокупности. Всякое явление, всякий случай, сколько-нибудь выдающийся, он может видеть воочию, не выходя из этой залы... Величие и искусство здешних людей давили меня; мое ничтожество было больше чем очевидно; робость, удивление и любопытство наполняли все мое существо. Направо от стола стоял диван с инкрустациями и перед ним – такая же богатая табуретка. Напротив и несколько в отдалении стоял ряд кресел. Поглощенный обозрением богатств и чудес залы, я не заметил, как открылась боковая эмалированная дверь и вошел эмир... Я понял что это он, потому, что шейх Джелял воскликнул: "Приветствую тебя, мой эмир!" Я поклонился и немного отступил. Эмир был молодой человек лет тридцати в зеленой шелковой чалме с маленькими золотыми звездочками. Одеяние его было длинное и белое, отчего еще рельефнее казалось его доброе, красивое лицо, обрамленное небольшой черной бородой. Преду мною был эмир счастливейшей и образованнейшей страны. Ничего грозного, пугающего, но зато столько доброго, ласкающего и располагающего в этом человеке... Я помню Кокандского эмира Худояр-хана – дай Бог ему успокоение, – его все страшились; он был грозен, а этот, видимо, владычествовал, подчинял чем-то другим.

Ласковый взгляд эмира ободрил меня, а приглашение сесть совсем успокоило мое бедное сердце. Я и шейх сели в кресла против эмира, занявшего диван.

18 ноября 1888 – №40

Приступив к разговору, г[осподин] эмир расспрашивал меня о делах и положении Туркестана, о судьбе Худояр-Хана, о детях Аталыкь Гази Якуб-Хана, о Бухарском эмире Абдул-Агат-Хане. Я отвечал, что знал. Затем он расспрашивал о бухарской болезни ристе, происходящей от дурной, испорченной воды, и выразил удивление, что бухарцы не озаботятся провести в город ключевую воду и не устроят водопроводов. Спрашивал он также о среднеазиатских батче⁷ и был очень доволен, когда я сообщил ему, что ныне батче уже не существуют. Однако этот вопрос эмира так смутил меня, что я рад был провалиться сквозь землю, но пол был слишком прочен, и я пропотел за грехи моих сородичей. Спрашивал он также о том, что имеют ли среднеазиатцы охоту поучиться у русских и у френгов искусствам и ремеслам, неизвестным им. Я отвечал, что они боятся сблизиться с ними и считают себя всезнающими. "Это очень жаль, – заметил эмир, – ибо человек, считающий себя выше и лучше других, большей частью становится хуже их; кто думает, что он много знает, вынужден оставаться невеждой"... Обращаясь к шейху, эмир сказал: "Китайцы – весьма поучительный пример; они убеждены, что составляют лучший народ мира, что знают более всех, что цивилизованны только они и что все прочие народы суть дикари и варвары... К чему же привело их это глупое самомнение и отчуждение? Величайшая масса в 400000000 не имеет той силы и значения, какое, напр[имер], принадлежит маленькой европейской стране Бельгии!"

– Точно так, мой господин, – сказал шейх.

Эмир продолжал: "Хотя Пророк наш приказал мусульманам искать знаний где бы то ни было без различия, хотя сподвижник его Али разъяснил, что всякое знание, всякое искусство должны быть присущи правоверному, но, к сожалению, различные причины затемнили понятия мусульман, и они, сами того не подозревая, стали очень близки к тупому Китаю..." Далее, обращаясь ко мне, эмир добавил: "В борьбе за существование и бытие люди должны вооружаться одинаковыми знаниями, равносильными искусствами и энергией; иначе более знающие, более искусные задавят слабых. Если туркестанские мусульмане будут дремать, то прибывающие из России и других стран купцы и мастера мало-помалу заберут все их заработки". После этих рассуждений эмир любезно осведомился о том, доволен ли я своим новым отечеством? Я выразил, как мог, мой восторг от всего виденного в Дар-Эль-Рахате и с умышленной наивностью добавил, что, вернувшись в Туркестан, буду стараться поучать своих сородичей, описывая им жизнь и цивилизацию здешних мусульман.

– Да разве ты не знаешь, что оставить нашу страну нельзя? Мы не имеем сношений с другими странами по причинам, о коих теперь говорить нет надобности, – заметил эмир.

– Я слышал, господин мой, об этом, но так как я чужестранец, попавший сюда, не зная об этом, и совершенно случайно, то пользуюсь случаем всепокорнейше просить о повелении выпустить меня обратно... Я должен ехать в Мекку.

– Я не разрешу сей час твою просьбу; она слишком серьезна. Я передам ее меджлису, и затем ты будешь уведомлен. А до того имей в виду, что, оставаясь у нас, ты будешь всем обеспечен; ни нужды, ни зла, ни обид знать не будешь...

С этими словами эмир встал, чтобы уйти. Мы же, поклонившись, удалились. За дверями залы нас встретил один из дворецких и повел к обеду, после коего предложил осмотреть дворец и сады.

Это было очень интересно, но меня еще более интересовал будущий меджлис.

4 декабря 1888 – №42

После обеда мы осмотрели дворцовую библиотеку, зал Собрания Старейшин, где в важных случаях эмир совещается с призываемыми им представителями всего населения страны. Затем мы прошли по цветникам и парку дворца и возвратились домой перед вечером.

– Как вы думаете, – спросил я шейха Джелыла, – разрешит ли мне Собрание Старейшин возвратиться на родину?

– Весьма трудно ответить тебе; потерпи, узнаешь. В крайнем случае, повторяю, тебя отлично устроят здесь, и в конце концов ты будешь доволен и счастлив... Охота тебе сожалеть о Туркестане и Френкистане. Они не стоят того...

Услышав от шейха мало утешительного в смысле моего желания, я отправился в дом шейх Абдуллы. Мне хотелось повидать его сыновей, да, признаться, и общество Фериде Бану обещало немалое удовольствие. Я был принят очень радушно и провел вечер очень хорошо. Тут я узнал много нового об обычаях этой удивительной страны. Оказывается, что эмир имеет одну жену, которая принимает участие в общественных делах, поскольку таковые касаются женщин и их интересов.

Принцесса Хатиджа, супруга эмира, заведует целым особым учреждением, которое занимается делом воспитания, обучения, труда и юрисдикции женщин. В этой стране все мусульманки поголовно учатся, но курс и программа женских мектебов отличны от мужских и приурочены к особенностям их природы и жизни. В сфере науки и общественной деятельности им отведено известное поле; в медицинской, педагогической деятельности женщины Рахата стоят наравне с мужчинами. В суде они также участвуют, имея прехорошеньких кадиев и свой прекрасный меджлис для суда и разбора дел, возникающих исключительно между женщинами. Дела же, в коих участвуют мужчины или их интересы, подсудны обыкновенному кадию, решение которого против участвующей в деле женщины – до исполнения, поступает на проверку кадия-женщины, которая, если усмотрит какие-либо нарушения не только закона, но и нравственной правды, может передать его для перерешения другому кадию. В делах наследственных, семейных, супружеских процессах о разводе, в весьма редких здесь случаях о несогласиях супругов интересы женщины охраняются наблюдением кадия-женщины и высшим судебным меджлисом, состоящим из ученых женщин под председательством самой принцессы.

Тут нельзя обезличить женщину, как то делается на моей милой родине, и нельзя также третировать ее, как дорогую игрушечку, которую следует холить как ребенка, кое-чему научить, до кое-чего допустить, ради вящей потехи господ мужчин, как то принято в Европе. Нет, среди здешних мусульман она не раба Востока и не игрушка Запада; она – человек вполне; гражданка и хозяйка как самой себя, так и своих прав.

Здесь одинаково невозможны одалиска Кашмирского сераля и вольная дева парижского бульвара.

В стране Дар-Эль-Рахата, стране строго мусульманской, не существует сословий.

Здесь люди отличаются друг от друга лишь прирожденными дарованиями или суммой приобретенных знаний и добродетелей. Экономические условия жизни сложились так, что чем более человек добродетелен, тем более имеет шансов получать все блага жизни. Мужчины и женщины в степени, соответствующей отличиям их природы, разграничены в две группы, пополняющие одна другую. Обе группы самостоятельны в правах и обязанностях, и совместная деятельность, сожителство и все вытекающие из оных определяются свободным договором вольного с вольной. Конечно, договор о сожителстве вытекает из естественного влечения одного пола к другому. Тут не покупают жену; не выдают замуж, а мужчина и женщина договариваются жить вместе.

Меня особенно удивило то, что при заключении брачного договора определяется подробно степень участия жены в делах и трудах мужа и участие ее в прибылях и

убытках, вытекающих из оных. Так что в большинстве случаев женщина является совладелицей всего приобретенного мужем после женитьбы. Мусульманки этой страны не только *de jure*, но и *de facto* хозяйки своей собственности и прав. Удивление же мое не имело границ, когда мне рассказали, что для вступления в брачный договор стороны, прежде всего, должны представить свидетельства о летах и о не страдании какими-либо наследственными и заразными болезнями или недостатками, препятствующими правильной жизни. Договор старого человека с молоденькой женщиной или женитьба юноши на старухе не допускаются. Поэтому тут бы пришлось плохо ташкентскому баю и парижскому альфонсу. Это объяснило мне тот факт, что все жители этой страны отличаются чрезвычайным здоровьем и недостижимой для наших стран нравственностью. Я спросил моих собеседников, бывают ли здесь случаи нарушения известной заповеди. Нет, потому что в отношениях полов не существует азиатского принуждения или европейской вольности и цинизма. Они регулированы договором и свободными правовыми отношениями.

– Может же женщина, выйдя замуж, позже почувствовать влечение к другому.

– Конечно, но что же из этого? Она прежде всего будет иметь в виду свой договор с мужем, и если чувство ее настолько будет сильно, что может отравить ее существование, то она и объяснится с[о] своим мужем. Поверьте, что ни один разумный и добрый человек не пожелает насильно удерживать ее, и договор будет нарушен с общего их согласия. Азиатская женщина бывает принуждена к измене, боясь быть откровенной с мужем, а европейка делает то же, потому что материально не самостоятельна и как таковая имеет особый, безнравственный кодекс законов и понятий об обязанностях. Несправедливость и насилие, даже в самых малых дозах, порождают сопротивление, борьбу и ведут к безнравственности. Вот вам два разнородных примера: бухарская цивилизация (позвольте мне так называть) привела к гнуснейшему среднеазиатскому пороку, о коем неудобно и говорить; а английская цивилизация собрала на улицы и базары Лондона до ста тысяч профессиональных проституток!

9 декабря 1888 – №43

Несколько вечеров подряд я провел в семье шейха Абдуллы. Интересные рассказы о стране Рахата, приятное общество Фериде Бану не давали заметить, как проходило время. Однажды речь зашла о завещании основателя этой прекрасной колонии Сиди Мусы, хранимом, как я писал, под сорока печатями и ключами сорока здешних имамов. Вы, вероятно, помните, что на конверте завещания был приказ вскрыть его не ранее 1500 года Гиджры.

– Что бы могло заключать это интересное завещание, – спросил я шейха Абдуллу.

– Это узнают наши потомки через двести лет, – уклонился шейх.

– Они узнают положительное; но, мне кажется, путем соображения здешние люди могли бы хоть приблизительно определить содержание завещания.

– Пожалуй, так, мой сын, но к чему стараться проникнуть в чужую тайну, которая в свое время откроется.

– Я хочу сказать – существуют ли в стране Рахата какие-либо сказания, предположения о содержании завещания. Чрезвычайно интересно, что великий завещатель назначил семь веков для сохранения своей тайны.

– Предположения, конечно, существуют, и если ты так сильно интересуешься ими, то могу сообщить тебе кое-что.

Я весь обратился в слух.

– Ты, конечно, понимаешь, что такое завещание не может касаться распоряжения о разделе вещей или овец. Совершенно естественно предположить, что завещание нашего героя и спасителя касается общего, народного дела. Несомненно так, подтвердил я, точно прочитав любопытный документ.

Шейх продолжал: что мог сказать, посоветовать нам Сиди Муса такого, чего нельзя было сказать в его время, т.е. почти пять веков назад? Вероятно, это нечто такое, чего не поняли бы наши предки, что было бы не ясно и для нас, но которое, вероятно, будет принято нашими потомками, кои будут жить к 1500 году?

Если бы предмет завещания касался только нас, жителей Рахата, то он мог бы, мне кажется, не носить на себе столь долгого срока; надо думать, что завещание касается наших будущих отношений к остальному человечеству. Почему так предполагается? Потому, что теперь уже долина наша густо заселена; через 200–300 лет, несмотря на все наше искусство и знания, страна наша не в состоянии будет вместить и прокормить все население. Потомки наши должны будут открыть тайный ход и явиться в семью других народов. По ежегодному приросту населения Рахата, не знающего эпидемий, войн и т.п., к 16-му веку ислама Рахат должен будет открыться. А так как срок вскрытия завещания совпадает с этим роковым временем, то есть большая доля вероятности, что завещание толкует о предстоящих знаменательных событиях... Ты удивляешься этим предположениям; ты хочешь сказать: как мог Сиди Муса, не пророк, предвидеть за несколько столетий вперед? Трудно ответить на это, но не забывай, что каждый из нас, на основании известных физиологических, социальных и математических законов может видеть далеко вперед; люди же чрезвычайного ума и духа, каким был Сиди Муса, могут в том же направлении видеть много дальше нас.

– Хорошо, мой шейх, я понимаю, что завещание должно касаться народного дела и, пожалуй, отношений к другим народам, но загадка все же остается загадкой – мы ничего не знаем о том, что именно советует Сиди Муса.

– Да мы ничего не знаем, а лишь предполагаем.

– Я хочу сказать, что же мы можем предположить о сути этого документа?

Я горел нетерпением узнать мысли шейха; едва ли бы я больше интересовался услышать о собственной судьбе. Видя мое болезненное любопытство, почтенный шейх улыбнулся и сказал: "Я сообщу тебе еще кое-какие предположения, но помни, что это будут лишь предположения, а истину знает лишь Бог".

В это время раздался электрический звонок и шейх прервал свою речь. "У вас ли молла Аббас Туркестани?" – спрашивал голос по телефону. "Здесь", – ответил ш[ейх] Абдулла. "Пусть слушает", – раздался снова голос, – "великий народный меджлис, обсудив просьбу Аббаса, данную эмиру о позволении оставить нашу страну, находит невозможным удовлетворить его, ибо это может повлечь за собой злоключения.

Меджлис просит его, ради общего блага, отказаться от своего желания и получить, какое пожелает, пособие, дабы самым лучшим образом устроиться в нашей стране".

– Дай ответ, – сказал мне шейх, – твой голос будет услышан в зале меджлиса. –

Подойдя к чудесному звонку, я громко ответил: "Настаиваю на своем желании; ради вашего блага вы не имеете права лишать меня свободы, ибо я тварь Бога и случайный, невольный чужестранец среди вас. Глубоко благодарный за оказанное гостеприимство и предполагаемые благодеяния, прошу настоятельно освободить меня, тем более, что я должен идти в Мекку на поклонение".

Спустя минут десять из меджлиса вновь раздался голос: "Дело ваше решено меджлисом. Решение узнаете на деле. Дурного не опасайтесь".

23 декабря 1888 – №45

Услышав этот странный ответ, я крайне смутился. Как решено мое дело, что должен буду я испытать?. Что значит: не опасайтесь дурного? Голова моя пошла кругом, и я был близок к обмороку. Видя мое жалкое положение, шейх Абдулла и его дети старались успокоить меня, уверяя, что ничего для меня обидного сделано быть не может, что, по всей вероятности, мне разрешено оставить страну Рахата и т.д. Немного успокоенный, я вернулся к себе в караван-сарай, но, увы, не мог заснуть до самого утра. Тысячи мыслей беспорядочно теснились в моей бедной голове, и я

только переворачивался с боку на бок. Уставший, разбитый поднялся я утром с кровати и, получив обычный молочный завтрак, стал дожидаться шейха Джеляла, моего руководителя и наставника. Вскоре он пришел. Так как все существо мое представляло лишь живой, умоляющий вопрос, то он самым любознательным тоном сообщил: "Вчера меджлис решил позволить тебе оставить нашу страну.

Приневоливать кого-либо мы не имеем права. Отныне ты наш гость еще более, чем был до сих пор. Ты сам этого желал, а потому поздравляю".

– Тысячу раз благодарю эмира и всех членов меджлиса, – обрадовался я. – Уверяю вас, я сохраню тайну вашей страны и не навлеку на нее внимания чужестранцев...

– Как тебе будет угодно; этого обязательства мы с тебя не берем... – Ответил загадочно шейх.

– Могу же я рассказать о вашей стране в Испании, во Франции, и тайна ваша будет открыта.

– Ты, конечно, можешь рассказать...

– И потому могут явиться к вам френги и наложить свое господство.

– Если это угодно Богу, – уклонился шейх.

– Но я, отец мой, буду нем как рыба.

– Разрешая твою просьбу, наш народный меджлис имел в виду все, что ему необходимо; выйдя от нас, ты можешь и молчать, и говорить, как тебе будет угодно.

Мы в собственной стране не наложили на тебя какие-либо обязательства; тем менее имеем право обязывать тебя к чему-либо вне нашей страны.

– Когда же меня поведут или повезут отсюда?

– Это мне не известно, но думаю, что тебе недолго еще жить среди нас. Пользуйся остающимися днями, чтобы осмотреть еще кое-что из учреждений нашей страны.

Не имея сил и средств разгадать таинственность моего положения в этой удивительной таинственной стране и предоставив события воле Аллаха, я попросил шейха показать мне здешнее великое медресе.

После полуденного намаза мы оставили караван-сарай и направились в медресе. Оно было за городом. Среди обширного сада с вековыми деревьями я увидел громадное и великолепное двухэтажное здание с множеством флигелей и построек. По изяществу архитектуры и богатству отделки можно бы думать, что это дворец эмира, но это было медресе или, вернее, дворец наук и знаний. Медресе делилось на три отделения, или факультета – богословско-философское, физико-математическое и социально-экономическое. Сначала мы вошли в аудиторию богословского факультета. Мудеррис читал лекцию о затворничестве и правах женщины. Цитируя Коран и священные толкования, он говорил...⁸

Затем мы перешли в аудиторию социально-политических наук. Тут я прослушал лекцию о положении Европы и, признаться, был поражен смелыми, парадоксальными выводами мудерриса. Приводя множество цифровых и исторических данных, он резюмировал лекции следующим образом:⁹ Европейская цивилизация быстро приближается к роковому кризису.

30 декабря 1888 – №46

Мудеррис говорил:¹⁰ "Европа – это возрожденный, но более могущественный Рим, со всеми его доблестями, пороками и язвами. Из истории вы знаете, что римский патриций воплотился в европейском феодале; рабы его продолжали изнывать во плоти черного европейского люда..."

Правовые и нравственные понятия Рима почти всецело перешли в европейскую жизнь. Даже великая тенденция его господствовать над всем миром также лелеется и преследуется Европой...

Как в былые времена, так и в современной Европе, не личность человека создает его права, а, наоборот, известные права, вытекающие из того или другого социально-экономического быта, обосновывают, создают эту личность. Не только личность

человека, но его наилучшие идеи, его нравственные понятия подчинены социальному положению. Бедный европеец не только живет иначе, но и верует, и думает не так, как его привилегированный по состоянию или рождению собрат... Блеск, могущество и наружное благосостояние Европы вытекает из чрезвычайного прогресса индустрии и торговли, но в распределении богатств и благ жизни гражданин Европы не далеко ушел от гражданина Рима и Греции. Вот почему, приподняв внешнюю оболочку Европы, мы встретим римлян с их понятиями, стремлениями и этикой. Правда, ныне формы другие, но содержание почти то же. Вот почему современная Европа, пройдя длинный цикл веков, подступила к тем же событиям, коими закончил свою роль великий Рим.

Перед падением Рима ему грозили его собственные рабы; Европе угрожает социализм. Перед падением Рим перестал верить; Европа же отравляется атеизмом...

Итак, мы видим не только в явлениях крупных, но даже в незначительных фактах роковое сходство Европы с отжившим Римом. Антагонизм людей, кровавая борьба из-за куска хлеба, поражающая роскошь рядом с чудовищной бедностью, высокогуманные идеи рядом с зверской бессердечностью, вера бок о бок с безверием, стыд и цинизм под одной кровлей... – вот результаты наследия Рима и многовековой деятельности Европы!.

Обратите внимание, что представляет из себя политическая Европа. Народы вооружились поголовно, чтобы при первом случае взяться за уничтожение друг друга, и ради сего затрачиваются заработки будущих поколений, и каждый зачатый гражданин Европы уже числится воином предстоящей сечи.

Если приравнять отдельные государства или народы Европы к кварталам древнего Рима, то опять роковая аналогия вражды и борьбы одного с другим, одного против другого; те же временные меры, деликатные и ловкие обходы, *modus vivendi* для отдаления неминуемой катастрофы...

Могущество Рима заключалось в благоустроенной армии; богатство – в эксплуатации всех известных им стран. Армия и эксплуатация привели его к гибели. Так же и современная Европа могуча военной силой и богата эксплуатацией остальных частей света... Но посмотрите, какой поучительный пример: эта владычица мира, эта носительница света и гуманности, боится нескольких десятков тысяч бедных, скромных китайских рабочих и ограждает себя от них кордоном и запрещением работать в сфере своего влияния! Значит, плохо и фальшиво положение, если в близком будущем предстоит надобность ограждать труд европейца кровью и железом, как до сих пор ограждались границы и собственность..."

Когда я вышел с лекции почтенного мудерриса, кругозор мой настолько раздвинулся, что все приобретенные мною знания и все воззрения, усвоенные в бытность в Париже, расшатались в великом пространстве и я едва-едва мог собрать в моей бедной голове мои жалкие знания, чтобы составить те или другие воззрения на людей и дела Европы, куда я собираюсь выйти из этой таинственной страны. Перед вечером мы вернулись в караван-сарай, где ожидал меня посланный от великого кадия.

– Прошу вас взять с собой вещи, внесенные вами из Френкистана, – обратился он ко мне.

Тотчас связав в узелок мои вещи, в числе коих была пиджачная пара, купленная еще в Париже, я приготовился, радуясь началу освобождения.

Шейх Джелиал, обняв и поцеловав меня, сказал: "Прощай, мой сын, мы больше, вероятно, не увидимся. Имей обо мне добрую память; я искренне желал тебе добра... Теперь тебя поведут. Что бы далее ни случилось, не бойся: ты в безопасности. Несомненно, что твой выход от нас будет обставлен чрезвычайной таинственностью и особыми условиями, но от этого ты ничего не проиграешь... Бог с тобой, прощай".

Чиновник кадия повел меня. Все знакомые по караван-сараю вышли проводить и смотрели на меня с очевидным любопытством. Как ни были успокоительны слова шейх Джеляла, однако, боязнь неизвестности овладела мной и я машинально пошел за чиновником по улицам прекрасного города.

Подойдя к зданию судилища, я был введен в большую залу, где, по приказанию кадия, я переоделся в собственную одежду, оставив все, что принадлежало производству этой страны. Чиновник осмотрел все мои карманы, и пожитки, чтобы в них не было чего-либо из вещей страны Рахата. Все это еще более сбило меня с толку, и я, совсем уже бессознательно, был введен в следующую и затем в третью, совершенно темную комнату, здесь меня заперли, и я остался в совершенной темноте. Был уже вечер, но и днем тут было бы не светлее, ибо окошек не существовало.

31 января 1889 – №4

Я уже писал, что мне разрешили выход из страны Рахата и, не знаю почему, заставив облачиться в костюм, в коем я был, когда вошел в эту таинственную страну, заперли в совершенно темную комнату.

Когда тяжелые двери заперлись за мной, я задумался над новым странным положением, в которое попал. Удивительные люди! К чему они меня заперли; к чему эта тюрьма? Ведь вся страна эта, окруженная буквально со всех сторон снеговыми горами и не имеющая сообщения с остальным миром, – суть огромная тюрьма, из которой все равно никуда не убежишь. Если же меня наказывают за желание оставить страну Рахата-то так бы и сказали, что нельзя уходить, а давать разрешение и затем подвергать одиночному заключению не имеет смысла... Впрочем, тут что-либо не так. Высокая степень цивилизации и гуманности здешних мусульман, наконец, их жизнь и обычаи не допускают подобной несправедливости... Но в таком случае, зачем меня заперли в эту темную комнату? Не понимаю. Чем более думаю, тем более путаюсь в догадках... Отобрали все вещи до мелочей, принадлежащие производству этой страны. Зачем это понадобилось? Не из жадности же наконец! Здесь все столь добрые люди.

Ощупав в одном углу постель и утомленный неразрешимыми вопросами своего положения, я уснул глубоким сном. Когда проснулся, то увидел, что тюрьма моя освещена маленькой электрической лампочкой, вделанной в одну из стен. Встав и подвергнув подробному смотру мое помещение, я заметил в одной стене небольшую дверь. Толкнув ее, я очутился в другой небольшой комнате, также без окон, но освещенной тоже электричеством. Тут я увидел небольшой фонтан с отличной водой и герметически закрываемый мраморный ватерклозет. Очевидно, что эта комнатка дополняла мою тюрьму. Если мне будут давать кушать-то значит тут придется пожить порядком. Не весело. Возвратившись к постели и устремив глаза вверх, я впал в полузабытье, ломая голову над вопросом, чем все это кончится. Шорох за дверью заставил меня очнуться. Скрипнула задвижка, дверь открылась, и в комнату быстро вошел какой-то мужчина, имея в одной руке фонарь, а в другой поднос с кушаньями.

– Здравствуйте; вы, вероятно, проголодались; извольте кушать, – обратился он ко мне, ставя на пол поднос. Я действительно был голоден и, скрывая обуревавшие меня чувства и думы, решил кушать. Я был очень рад пришельцу, ибо думал узнать от него кое-что о своей судьбе и положении.

– Скажите, пожалуйста, какое теперь время? – обратился я к нему.

– Милостью Аллаха, надеюсь счастливое, – отвечал он совершенно серьезно.

– Надеюсь, что счастливое, но все-таки желательно знать, ночь теперь или день?

– Я не вправе отвечать на этот ваш вопрос. Я был так удивлен этим ответом, что взгляд мой, кажется, испугал его.

– Позвольте узнать, кто вы такой? – продолжал я.

- Я слугитель суда кадия.
- Да благословит Аллах вашу службу, милостивый государь, желал бы я знать, что это за помещение, в котором нахожусь?
- Тюрьма, милостивый государь.
- Для чего она у вас предназначается?
- Для содержания виновных и лиц, подлежащих уединению.
- Но я, однако, не знаю, в чем я провинился?
- Я тоже об этом ничего не знаю.
- Нельзя ли узнать и сообщить мне?
- Это вне моих обязанностей; я приставлен подавать вам кушать. Прошу еще кушать, если угодно, мне пора уходить.

Хотя я был уже сыт, но тихо продолжал мой обед или ужин, чтобы задать сторожу еще несколько вопросов.

- Сегодня, кажется, среда? – спросил я его.
- Может быть, – отвечал он с убийственным равнодушием.
- Как же может быть! Вчера вечером меня заперли, был вторник; если теперь утро, то, несомненно, среда, а не понедельник.
- Может быть, милостивый государь. Досада, удивление и невольное смущение быстро сменились во мне. Не добившись ничего, я оставил допрос. Сторож, захватив посуду, ушел, затворив снаружи дверь тюрьмы. Я остался один с[о] своими думами, вопросами и сомнениями. Не легко было мое положение, но делать было нечего.

23 февраля 1889 – №7

Так прошло довольно продолжительное время; сколько именно – я не знаю, ибо и не знал, когда был день, когда была ночь. Меня аккуратно и хорошо кормили, но добиться чего-либо от моего сторожа я не мог, так что положение мое оставалось крайне загадочным и странным. Не в состоянии объяснить, понять свое положение, я предался воле Божией и стал совершенно равнодушен к жизни и всему окружающему.

Время шло. Однажды вместе со сторожем вошла ко мне какая-то женщина. Когда, удивленный, я немного присмотрелся, то узнал Фериде Бану. Да, это была она. Хорошо известным мне мягким, бархатистым голосом она приветствовала меня и опустилась на ковер против меня. Сторож удалился за двери. Ответив на приветствие, я не знал, о чем заговорить, смущенный ее неожиданным появлением в моей тюрьме.

- Вы, вероятно, меня не ожидали, начала она. Но ввиду скорого вашего выхода из нашей страны я пожелала проститься с вами...
- Я очень вам благодарен, Фериде Бану, я никогда не забуду вашу доброту и внимание ко мне... Но я все-таки не понимаю, как это я выйду из вашей страны, заточенный в эту каменную клетку, хотя не желаю сомневаться в ваших словах...
- Наша страна имеет тайны, которые известны лишь немногим из нас, а потому я не могу объяснить, каким образом вы будете возвращены в Андалузию, но смею уверить вас, что вы скоро будете там, и я пришла проститься с вами.
- Благодарю вас еще раз и сожалею, что не буду иметь [возможности и] средств выразить их вам.
- Я верю вашей симпатии ко мне и очень жалею, что такой прекрасный человек оставляет нашу страну. Я бы желала удержать вас здесь... для вашей же пользы. У нас вас ждут знания, спокойствие, правда и тихая, мирная жизнь, в ваших же странах борьба, лишения, страдания и несправедливости неминуемы... Оставайтесь, молла Аббас!

Я не знал, что думать и, еще менее, что ответить этой девушке. Меня просят остаться, точно можно уйти из этой темной гробницы. Что за странный народ! Одно из двух: или я помешан, или все здешнее население совсем иного склада ума, чем

прочие люди! Как бы ни было, нужно было ответить, и я сказал, хотя внутренне смеялся своему ответу, что остаться не могу, ибо я должен совершить поклонение Каабе и что никому не открою секрета их страны.

– Вы, может быть, чем-либо недовольны; сообщите; все будет исполнено, чтобы удержать вас от эмиграции.

– Я всем доволен и всем весьма благодарен, начиная с эмира и кончая моим сторожем, но судьба тянет меня назад.

– В таком случае дай Бог вам всего лучшего, и прощайте.

Фериде Бану встала и тихо вышла за двери. Едва она удалилась, как вошел шейх Джелал и, обняв меня, тоже простился. Не зная, что будет дальше, я чуть не сходил с ума.

Приход сторожа, принесшего мне обедать или ужинать, несколько помог мне собрать мысли. Я покушал, сколько мог, и вскоре почувствовал сильное клонение ко сну. Едва сторож, убрав посуду, вышел и запер двери, я погрузился в сон, не успев даже омыть руки после принятия пищи.

Открыв глаза, я увидел себя в светлой, обширной комнате на кровати; около меня сидела довольно пожилая френгская женщина.

– Где я нахожусь? – спросил я ее по-арабски.

– Не беспокойтесь, лежите мирно, мой сын, все благополучно, – ответила она по французски.

– Ради Бога, скажите, где я и что со мной? Иначе я с ума сойду... О Боже, что все это значит?

– Успокойтесь, мой сын, вы в Гренаде, в странноприимном доме св[ятого] Августина.

– Давно ли я здесь?

– Сегодня шестой день.

– А раньше где я был?

– Не знаю, мой сын.

– Какое сегодня число?

– 28 августа.

Я начал соображать. 22 августа я попал в этот дом, а когда меня заперли в тюрьму Рахата, было 2-ое число мусульманского месяца, т.е. 9 августа. Значит, остается еще 13 дней... Вспомнив, что когда я жил во дворце Альгамбры, была половина июля, то я понял, что мое удивительное путешествие в страну Рахата продолжалось около сорока дней.

29 февраля 1889 – №8

Собеседница моя, по-видимому, удивленная моими вопросами, позвонила. Вошел какой-то мужчина. Оказалось, что это был доктор. Подойдя ко мне, он ласково обратился:

– Как вы себя чувствуете, господин?

– Хорошо, – ответил я коротко, более занятый своими мыслями, чем присутствием этих людей.

– Не болит ли у вас что-либо?

– Нет, господин.

– Но вы, вероятно, чувствуете себя очень слабым?

– Да. Мне было бы трудно сегодня встать...

Пощупав мой пульс, осмотрев язык и глаза, доктор задумался и затем пожал плечами, как бы выражая удивление.

– Будьте спокойны; через несколько дней вы будете достаточно крепки, чтобы встать; состояние ваше ничего опасного не представляет, – сообщил он мне.

Признаться, меня мало интересовали сообщения доктора; голова моя была полна соображениями обо всем происшедшем, столь удивительном и таинственном.

– Скажите, пожалуйста, как я попал сюда, откуда и зачем взяли меня? – спросил я в

свою очередь.

– Вас нашли в беспамятстве в горах и доставили сюда для излечения. Это, слава Богу, достигнуто.

– Чем же я был болен?

– Это довольно трудно объяснить; я пока не решаюсь определить... случай, трудно подходящий под известные определения медицины и психиатрии...

Я понял, что доктор действительно не знает, как определить мое состояние и положение. В том же положении был я сам. Но я догадывался, что был усыплен каким-либо неведомым зельем в стране Рахата и тайно доставлен наружу гор...

– Будьте любезны сообщить нам, кто вы такой и давно ли вы в нашей стране?. Судя по клочкам одежды, которая была на вас, вы, должно быть, чужестранец.

– Да, я мусульманин из Ташкента, зовут меня Аббасом. Прибыл в Гренаду в начале июля.

– Отлично. Где вы провели все это время; где остановились; расскажите по возможности подробней.

– Я остановился в Мадридской гостинице. Мои вещи должны быть там. Деньги мои по переводу из Парижа должны находиться в конторе Маруса. Первые дни по приезде я провел в городе, а затем принялся за осмотр Альгамбры и ее древностей, мне было разрешено жить там некоторое время у сторожей. Целую неделю я провел в Альгамбре...

– Отлично; но после что вы делали; где жили; с кем вели знакомства?

Этот вопрос заставил меня крепко задуматься. Рассказать доктору о моем пребывании в таинственной стране Рахата я не хотел. Зачем открывать тайну людей, которые столько веков охраняют ее? Поэтому я ответил доктору, что не желаю отвечать на этот вопрос.

– Ваша воля, – заметил он, – но для вашей же пользы было бы желательно, чтобы вы были вполне откровенны.

– Дней сорок я провел в таинственной стране, которую по некоторым причинам указать не желаю...

Доктор едва заметно усмехнулся. Заметив насмешку, я почти взбесился и строго проговорил: "Прошу верить или прекратить ваши вопросы".

18 апреля 1889 – №14

Через несколько дней я настолько поправился, что мог встать с постели и получил позволение доктора читать газеты.

Доктор навещал меня два раза в день и подолгу беседовал со мной о различных предметах. Он часто наводил разговор на мою болезнь, а по-моему, на мое приключение, и, видимо, старался убедить меня, что дней сорок я находился в болезненном состоянии, хотя он сознавался, что не может определить точно мое страдание, весьма загадочное по характеру и сопровождавшим его обстоятельствам. Слушая его, я сам отчасти склонялся к его мнению, но, вспоминая все рассказанное в предыдущих письмах, я подавлял в себе всякое сомнение... Допустим, что я был болен, что страна Дар-Эль-Рахата – плод больной мысли; но как объяснить, что неизвестно где я находился в течение сорока дней, как я не умер с голоду за это время? Не будь я в описанной мной чудесной стране, в Испании, в окрестностях Гренады, я не мог провести более месяца никем не поднятый, никем не замеченный... Как только люди Рахата решили выпустить меня из своей страны – я был найден в горах, близ города. Очевидно, что если бы я был тут, меня нашли бы гораздо раньше и, видя болезненное состояние, доставили бы в больницу. Наконец, доктор затрудняется определить мою болезнь. Это опять доказывает, что болезнь моя была чисто искусственной, как следствие какого-либо снадобья, данного мне мусульманами Рахата для усыпления, чтобы вынести из своей страны незаметно для меня и сбить с толку испанцев, в руки коих я должен был попасть в беспомощном

и довольном глупом положении. Не даром, как, вероятно, помнят читатели, кадий отобрал от меня все вещи и вещицы, кои могли служить указанием на таинственную общину и страну.

Мусульмане Рахата, не запретив мне говорить о своей стране, очевидно, знали и предвидели, что рассказам моим френги не поверят и, следовательно, вреда для них от выпуска меня на свободу не произойдет. Чудный народ! Действительно, рассказы мои о мусульманах Рахата могли возбудить лишь улыбки френгов и подозрения в моем здоровье... Однако это досадно, да и самому мне не совсем все ясно. Впрочем, я признаю, что удивительное путешествие мое совершилось фактически.

Побуждаемый расспросами доктора и еще более его недоверием к отрывочным моим показаниям, я решил убедить его и рассказать ему все приключения, начиная с[о] встречи с таинственными мусульманками во дворе Фонтана Львов и кончая странным заключением в тюрьме кадия. Он с напряженным вниманием выслушал меня; был крайне удивлен всем слышанным, но деликатно выразил, что все это были болезненные призраки... Это недоверие было мне неприятно; я почти сердился и предложил доктору показать ему в Альгамбре вход в пройденное мной подземелье. Он согласился отправиться со мной туда через неделю, когда я совсем поправлюсь. Между тем я распорядился послать в гостиницу за некоторыми моими вещами и между прочим мне принесли письмо... От кого бы вы думали? От прекрасной Маргариты, из Парижа. Она извещала меня, что успела оправиться от постигших ее несчастий и, сохраняя ко мне искреннее чувство уважения, решила писать и, между прочим, сообщить нечто, вероятно, интересное для меня. Но об этом после. Закончу это письмо похвалой френгской почте. Письмо было адресовано в Мадрид на имя "Туркестанца Молла Аббаса". Не отыскав меня в Мадриде, письмо обошло почти все главные города Испании, что видно было по отметкам на конверте: "не оказался", "выехал" и, наконец, остановилось в Гренаде, у хозяина гостиницы, где был мой номер! Великое дело порядок и цивилизация.

25 апреля 1889 – №15

В письме ко мне прекрасная Маргарита между прочим сообщала, что в Судане объявился народный вождь арабов, именующийся Мехди Мухамед-Ахмедом, объявивший войну Египту и занявшим эту страну англичанам. Так как французы были весьма недовольны усилением английского влияния в Средиземном море и особенно вторжением их в Египет, то суданское восстание и Мехди особенно их заинтересовали, и некоторые французские патриоты думали пробраться к Мехди и помогать ему против англичан. На эту экспедицию уже были собраны кое-какие средства, в числе коих были также 25000 франков, пожертвованных Маргаритой.

Сообщая обо всем этом, она желала знать, не приму ли я также участия в этой экспедиции, как ученый мусульманин и как лицо, знающее арабский язык.

Письмо это меня очень взволновало. Африка и Судан – страны интересные; борьба и война – увлекательны; но мне-то какое дело до этого? Разве мало приключений пережила моя бедная голова? Что за охота французам идти к Мухамед-Ахмеду? Станный и интересный народ господи френги! Отчего бы, впрочем, и мне не побывать в странах Африки? Если буду жив и здоров, проберусь в Мекку на следующий год...

Интересно видеть страну черных людей и узнать, что это за человек Мехди Мухамед-Ахмед...

Я ответил Маргарите, что скоро возвращусь в Париж, и тогда будет видно, приму ли я участие в экспедиции или нет.

Между тем я совсем поправился, переехал в гостиницу и любовался из окна видами гор и Альгамбры, соображая все случившееся со мной в последнее время. Однажды зашел ко мне доктор и, напомнив мое обещание показать тайный ход в страну Рахата, повез меня в Альгамбру. Дорогой я думал, что поступлю нехорошо, показав

ему заветное место, но уклониться тоже было неловко. В Альгамбре доктор долго беседовал с[о] зрителем в стороне от меня, и затем они оба подошли ко мне, призвав рабочего с киркой и лопаткой. Мы отправились в Девичью Башню, и зритель попросил меня указать приблизительное место входа в подземелье. Дрожа и волнуясь, я указал плиту, из-под которой появился в свое время шейх Джелял... Рабочий осторожно приступил к подъему тяжелого мрамора и, когда плита была достаточно приподнята, мы увидели под ней утопанную землю и больше ничего! Доктор, обращаясь ко мне, сказал: "Вот, видите, г[осподин] молла Аббас, я прав, вы ошибались... Теперь, надеюсь, согласитесь со мной, что путешествие ваше, не могло быть действительно..." Я промолчал. Меня взяло сомнение, но вскоре я сообразил, что жители Рахата могли, предвидя все это, уничтожить лестницу и ход, отлично понимая, что по моему указанию рыться дальше никто не будет... Шейх Джелял... Где он теперь? Если его нет в Париже, – значит, он остался в Рахате, и тысяча докторов не смутят меня... Надо торопиться в Париж. Там я узнаю все окончательно.

Через неделю я был в Париже и, прежде всего, направился в Пале-Рояль, где всегда торговал шейх Джелял. Но его там не было. Спрашиваю соседей, где он. Говорят, что поехал за товаром. Из дальнейших расспросов выяснилось, что отъезд шейха вполне совпадает с временем моего отъезда в Испанию и пребывания в удивительной стране Рахата. Теперь не остается сомнения, что он, именно он, провел меня в эту таинственную страну. Сомневаться далее – значит отвергать очевидность.

Конец

Молла Аббас Франсови.

Почтенный автор, столь любимый всеми читателями "Переводчика", обещал нам сообщить свои дальнейшие приключения, кои будут напечатаны под заглавием "Африканских Писем".

Редакция.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. "ПЕРЕВОДЧИК" ("ТЕРДЖИМАН") – первая крымскотатарская газета, издававшаяся с 1883 г. по 1918 г.
- 2... я приветствовал его селямом... – "Салям Алейкум" – традиционное приветствие в странах мусульманского Востока.
- 3... большая каирская мечеть... – по-видимому, речь идет о мечетях ал Азхар или ал Хаким, построенных в конце X – начале XI вв.
- 4... русские войска, взяв Перовск и Аулие-Ата, приблизились к Коканду и Ташкенту... – В 1854 г. войска российского генерала и оренбургского и самарского военного губернатора В. А. Перовского захватили северный форпост Кокандского ханства на реке Сырдарья – крепость Ак-мечеть. Рядом с этим селением в очень короткие сроки была построена крепость, названная фортом Перовского. В начале 1864 г. из крепости Верное (Алма-Аты) вышел российский военный отряд (2500 человек) во главе с полковником М. Г. Черняевым. 04.06.1864 г. отряд с боем овладел г. Аулие-Ата (Джамбул). Вслед за удачным походом отряда полковника Черняева из форта Перовского (Кызыл-Орда) выдвинулась военная экспедиция полковника Веревкина и овладела 12.06.1864 г. Туркестаном. 22.09.1864 г. пал Чимкент, который находился во владениях Кокандского ханства. Таким образом, был создан плацдарм для продвижения и взятия Ташкента и Коканда. Ташкент был взят отрядом М. Г. Черняева в 1865 г. Город становится центром образованного Туркестанского генерал-губернаторства.
5. АББАСИДЫ (750–1258 гг.) – правящая династия, свергнувшая Омейядов. Аббасиды происходят от Аббаса, дяди Пророка Мухаммеда...
6. АБДУЛ АГАТ ХАН (АБДУЛААХАД ХАН) – бухарский эмир из рода Мангыт, (годы

правления 1885 – 1910). Во время своего правления получил от российского императора придворное звание генерал-адъютанта и сделался почетным атаманом Терского казачьего войска и командиром 5 го Оренбургского казачьего полка. В его правление были построены дачи для отдыха на Кавказе, в Крыму и Санкт-Петербурге.

7. АБДУРРАХМАН (734–788 гг.) по прозвищу "ад-Дахиль" – "Пришелец" потомок Омейядов, бежавший на Пиренейский полуостров и основавший, объявив себя эмиром, в 756 г. Кордовский эмират на территории Андалусии. Впоследствии – Кордовский халифат, который вел упорную и продолжительную борьбу с христианскими государствами Астурия и Наварра. В период расцвета халифата на его территории развились культура и наука, во многом впитавшие достижения эпохи античности. Кордовский халифат просуществовал до 1031 г., когда последний халиф Хишам III был изгнан из Кордовы. Впоследствии государство распалось на множество самостоятельных княжеств.

8. АБДУРРАХМАН III (891–961 гг.) по прозвищу "ан Насыр" – "Победоносный" восстановил экономическое и политическое могущество государства, распавшегося ранее на многочисленные мелкие княжества. С 912 г. эмир Кордовского государства, а с 929 г. провозглашен халифом. Покровительствовал науке и культуре. В период его правления начинается строительство мечети в Кордове. Принимал деятельное участие в расширении границ своего государства. В 931 г. им был взят г. Сеута, а в 932 г. Толедо. Соседние государства Леон и Наварра с 955 г. были вынуждены платить ежегодную дань. Поддерживал дипломатические отношения с Византией и Священной Римской империей.

9. АЛЬГАМБРА (араб.) – архитектурный комплекс на территории Пиренейского полуострова с богатой декоративной отделкой и пышным орнаментом середины XIII – конца XIV вв. Построен мавританскими властителями у восточной окраины Гранады в период своего владычества.

10. АНДАЛУСИЯ – историческая область в южной Испании. Арабы господствовали в Андалусии с VIII по XIII вв.

11. АПСТАЙ – в данном случае девушка.

12. АРАБСТАН – арабские государства юго-западной Азии.

13. АРИСТОТЕЛЬ (384–322 гг. до н. э.) – древнегреческий ученый и философ, ученик Платона; воспитатель Александра Македонского. Основные труды "Органон", "Физика", "Политика", "Этика", "Риторика".

14. АРШИН (тюрк.) – до метрическая мера, широко распространенная на территории Российского государства. В XVI в. была приравнена к 16 вершкам (71,12 сантиметров).

15. АТАЛЫК ГАЗИ ЯКУБ ХАН – речь идет о Якуб беке, правителе государства Джетышаар в Восточном Туркестане во второй половине XIX в. (Современная территория Западного Китая, Синцзян-Уйгурский автономный округ). Родился в 1820 г. в кишлаке Пискент Кокандского ханства. В 1865 г. Якуб бек по велению кокандского хана отправился в Кашгар в качестве военного советника к Бузрук хадже, стоявшему во главе народного восстания (1864 г.) против китайской династии маньчжуров. Якуб хану удалось одержать победу и в 1867 г. провозгласить самостоятельное государство, которым он правил до 1877 г. Через год после его кончины, ввиду постоянных смут, государство Джетышаар было завоевано китайской династией Цинн.

16. БАБ ЭЛЬ ХУКУК – врата правосудия.

17. БАКШИШ (перс.) – подарок.

18. БАНУ – вежливая форма обращения к женщине на Востоке.

19. БАТЧЕ (БАЧЕ) (перс.) – мальчик или безбородый юноша, исполнявший в женской одежде танцы на пирах.

20. БАЯЗИТ – в данном случае подразумевается турецкий султан Баязит II. Время

правления (1484 – 1512 гг.).

21. БЕК (тюрк.) – представитель родоплеменной феодальной знати в странах Востока.

22. БУРНУС (араб.) – плащ с капюшоном из белой шерстяной материи. В 1876 г., после подавления российским карательным отрядом народного восстания во главе с Пулатханом, Кокандское ханство было упразднено. В последующем на этой территории была образована Ферганская область.

23. ВАМБЕРИ АРМИНИЙ (ГЕРМАН) (1832–1913 гг.) – венгерский ориенталист иудейского происхождения. А. Вамбери действительно одним из первых европейцев, накануне завоевания Кокандского, Бухарского и Хивинского ханств Российским государством, посетил Среднюю Азию в 1860-е гг. и написал свои труды "История Бухары, или Трансоксании с древнейших времен до настоящего". И. Гаспринский был лично с ним знаком.

24. Венгерский народ принадлежит к татарским племенам... Венгерский язык, в отличие от тюркских языков, относится к финно-угорской группе языков.

25. ВЕРСТА – мера длины. В различные исторические периоды мера версты менялась от числа и величины сажень, входивших в нее. В конце 18 в. 1 верста = 500 сажень = 1,0668 км.

26. Все ученые люди остаются слепыми, когда надвигается грозный фатум-то есть фатальная неизбежность.

27. ГАЗЕЛЬ (араб.) – в лирической поэзии мусульманского Востока стихотворная форма, состоящая из 5–12 двустиший с однозвучной рифмой через строку.

28. ГАРЕМ – женская половина в богатых домах мусульман.

29. ГАФИЗ (ХАФИЗ ШАМСУТДИН МУХАММАД) (ок. 1325–1389 = 1390 гг.) – персидский поэт, Родился и умер в г. Ширазе. В лирической поэзии выступает в роли мистика, аскета, при этом следуя суфийской традиции, прославляя любовь, вино и бренность непознаваемого мира.

30. ГВАДАЛКВИВИР – река в Андалусии.

31. ГИДЖРА (ХИДЖРА) (араб.) – связана с преданием о переселении Пророка Мухаммада и его последователей из Мекки в Медину осенью 622 г. При халифе Омаре I (634–644 гг.) год Хиджры был признан началом мусульманского летосчисления. Новый год начинался 1-го числа месяца мухаррам (622г., 16 июля).

32. ГОРОД СААДЕТ – город Счастья.

33. ГРЕНАДА, ГРАНАДА – город в исторической области Андалусии на юге Испании. С 1238 г. по 1492 г. столица последнего мусульманского государства на Пиренейском полуострове – Гранадского эмирата.

34. ГУЛЬ БАБА – здесь, по-видимому, святое место.

35. ГУСТАВ ДОРЕ – 6 января 1832, Страсбург – 23 января 1883, Париж. Известный французский график, художник и скульптор.

36. ДАМАСК – столица Сирии. В период правления халифа Валида I столица арабского халифата.

37. ДЕ ФАКТО – (лат.) – фактически, неофициальное признание.

38. ДЕ ЮРЕ (лат.) – официальное признание на основе существующего права.

39. ДЕРВИШ (перс.) – странствующий мусульманский мистик, сторонник суфийской идеологии. Дerviши объединялись в религиозные общины и суфийские братства.

40. ДЖЕННЕТ ЭЛЬ АРИФ – летняя резиденция, находившаяся выше Альгамбры. Двойное толкование – "Осенний сад" или "Сад архитектора". По-испански Хенералифе, от арабского дженнет ал хариф. Комплекс был построен при султани Исмаиле I (1313–1325 гг.)

41. ДЖИГАТАЙСКОЕ НАРЕЧИЕ – литературный язык Джучиева Улуса (Золотой Орды), сформировавшийся на основе древнетюркского языка. "Чагатайский" язык оказал определенное влияние на делопроизводство и литературные традиции Крымского ханства.

42. ДЖИНН (араб.) – фантастическое существо, сотворенное Аллахом.
43. ДИНАР (лат.) – золотая монета, имевшая распространение в странах Востока. Чеканилась с 7 в. В зависимости от государства и времени номинал динара был различным.
44. ЕЛИСЕЙСКИЕ ПОЛЯ – главная улица Парижа, где находится Елисейский дворец.
45. ЗЕРАВШАН (ЗАРАФШАН) – древний земледельческий оазис в долине реки Заравшан на территории Бухарского ханства. Современная территория Республики Узбекистан.
46. ИБН СИНА (АВИЦЕННА) (980–1037 гг.) – таджик, выдающийся мыслитель, ученый и философ. Родился в селении Афшона недалеко от Бухары. Развивал идеи восточного аристотелизма. Основные труды "Книга указаний и наставлений", "Книга исцеления", "Канон врачебной науки".
47. ИЗАБЕЛЛА (1451–1504 гг.) – королева Кастилии с 1474 г. В 1469 г. заключила брак с Фердинандом II, королем Арагона с 1479 г. Брачный союз способствовал преодолению политической раздробленности и объединению Испанского королевства.
48. ИМАМ (араб.) – лицо, возглавляющее богослужение в мечети. Глава мусульманской общины.
49. КАДИ (араб.) – лицо, наделенное полномочиями судьи в мусульманских странах. Кадий осуществляет судопроизводство на основе Шариата.
50. КАДИКСА (КАДИС) – портовый город Испании. Центр одноименной провинции.
51. КАЛЫМ – имущество, выделяемое стороной жениха родителям невестки. Древний доисламский обычай, существовавший у тюркских народов.
52. КАРАВАН-САРАЙ – постоянный двор, предназначенный для торговых караванов в странах Востока. Караван-сарай состоял из двора, огороженного высокой каменной стеной, и служебными помещениями. Располагался на оживленных торговых путях и на окраинах крупных городов.
53. КАРЛ МАРТЕЛЛ (ок. 668–22. 10. 741 гг. Кьерси) – майордом Франкского государства Меровингов. (715 – 741). Из рода Пипинидов. В 732 г. тяжелая конница Карла Мартелла одержала победу при Пуатье над арабскими войсками, которые были вынуждены отступить на Пиренейский полуостров.
54. КАШГАР (КАШИ) – город в современном Западном Китае в Синцзян-Уйгурском автономном округе. Кашгар расположен в центре Таримской долины в центре древнего большого и весьма плодородного оазиса.
55. КАШГАРСКИЙ ПРАВИТЕЛЬ... – речь идет о Якуб беке.
56. КИСЕТ – мешочек из дорогой ткани для хранения денег или табака.
57. КОМИССИОНЕР – работник биржи, оценивающий сделки.
58. КОНСУЛ (лат.) – официальное лицо, представляющее интересы на определенной территории другого государства.
59. КОРДОВА – город в исторической области Андалусии на юге Испании. Завоеван арабами в 711 г. С 756 г. становится центром Кордовского эмирата. После распада Кордовского халифата в первой половине XI в. эта территория с 1070 г. находилась под властью Севильских эмиров.
60. КОРДУАНСКАЯ МЕЧЕТЬ – мечеть в Кордове. Строительство мечети было начато в 785 г. в период правления халифа Абдуррахмана I (см. также Абдуррахман I)
61. КУФИЧЕСКИЕ И АФРИКАНСКИЕ ПИСЬМЕНА – варианты различных почерков арабского письма.
62. КЫЗЫЛ-КУМЫ – пустыня в Средней Азии.
63. ЛОТАРИНГИЯ – область на востоке Франции. В 1871 г. часть Лотарингии была отторгнута Пруссией. Возвращена Франции после окончания Первой мировой войны в 1919 г.

64. МАГОМЕД РАХИМ II (МУХАММАД РАХИМ II) – из племени кунграт, хан Хивинского ханства (1865–1910 гг.) В его правление ханство подпало в зависимость от Российской империи.
65. МАГРИБ (араб.) – включает в себя северную часть Африки, где находятся современные государства Ливия, Тунис, Алжир и Марокко.
66. МАДРИД – столица Испании.
67. МАЛАГА – портовый город в Андалусии.
68. МАХДИ МУХАММАД АХМЕД (МАХДИ МУХАММАД АХМАД) (1844–1885 гг.) – вождь национально-освободительного движения во второй половине XIX в. в Судане против английских колонизаторов. Основатель махдистского феодально-теократического государства (1881–1898 гг.) В 1898 г. народная армия махдистов в Ордуманском сражении потерпела поражение от англичан. Судан был превращен в колонию Соединенного королевства.
69. МАШАЛЛАХ – хвала Аллаху!
70. МЕГР (МЕХР) (араб.) – выделяемое женихом имущество или денежная сумма непосредственно для невестки. Как и калым, обязательный ритуал у восточных народов при заключении брака.
71. МЕДРЕСЕ (араб.) – средняя и высшая религиозная школа, где готовились учителя, богословы и служители культа.
72. МЕКТЕБЕ (араб.) – мусульманская школа, где давалось начальное образование. Мектебе находились на попечительстве мусульманской общины.
73. МЕСНЕВИ (араб.) – стихотворная форма, широко применявшаяся в восточной поэзии. В последующем месневи становится самостоятельным жанром. Месневи широко использовались при написании героических и дидактико-философских поэм.
74. МЕХДИ (МАХДИ) (араб.) – следующий по пути, начертанным Аллахом.
75. МЕЧЛИС (МЕДЖЛИС) – в данном случае совещание или собрание.
76. МОЛЛА (араб.) – служитель мусульманского культа.
77. МУДЕРИС (араб.) – мусульманский священнослужитель, возглавлявший медресе.
78. МУМИЯ (араб.) – останки человека, сохраненные от разложения путем бальзамирования.
79. МУСА ИБН НАСЫР (МУСА ИБН НУСАЙРА). Вслед за полководцем Тарик Ибн Зиядом осуществил военные походы против Вестготского королевства и захватил большую часть Пиренейского полуострова.
80. МУЭДЗИН (араб.) – служитель мечети, призывающий с минарета мусульман к молитве.
81. МЯХКЕМЕ (МЕХКЕМЕ) – помещение, где кадий вершил правосудие в соответствии с мусульманским правом.
82. НАВАРРА – историческая область на севере Испании.
83. НАМАЗ (араб.) – молитва мусульманина.
84. ОДЕССКИЙ ОПЕРНЫЙ ТЕАТР – Одесский театр оперы и балета был основан в 1809 г. Здание театра в стиле ренессанса и барокко построено в 1887 г.
85. ОМЕРИДЫ (ОМЕЙЯДЫ) – правящая династия арабских халифов (661–750 гг.), берущая начало от мекканского курейшитского рода Омейя. В 747–750 гг. в халифате вспыхнуло восстание под руководством Абу Муслима, в результате которого династия Омеядов была свергнута. К власти пришли Аббасиды. Один из последних представителей Омеядов Абдуррахман I сумел бежать на Пиренейский полуостров, где в последующем основал Кордовский эмират (см. также Аббасиды).
86. ОРИЕНТАЛИСТ – ученый-востоковед.
87. ОСМАНЛЫ – турок.
88. ПАДИШАХ (перс.) – властитель, господин. Титул монарха в странах мусульманского Востока.

89. ПАЛЕ РОЯЛЬ (ПАЛЕ РУАЯЛЬ) – дворец Ришелье ("Пале карденаль"), построенный в 1629–1636 гг. французским архитектором Ж. Лемерсье (1585 – 1654 гг.) в стиле сочетания традиций классицизма и барокко и подаренный кардиналом королю.
90. ПЕРИ – сказочный женский персонаж восточных сказок.
91. ПЕРСИЯ – современная Исламская Республика Иран.
92. ПЕШТ – ранее отдельный венгерский город на берегу Дуная. Сейчас часть современного г. Будапешта.
93. ПИЛАВ – распространенное на Востоке блюдо из мяса и риса.
94. ПЛАТОН (428 = 427 – 348 = 347 гг. до н. э.) – древнегреческий ученый и философ. Ученик Сократа. Основные труды "Государство", "Парменид".
95. ПЛОЩАДЬ МАДЛЕНЬ – расположенная напротив храма Ла Магдалена в Париже.
96. ПУАТЬЕ – город на юге Франции.
97. РИСТЕ (РИШТА) – (перс., букв. – нить) гвинейский или мединский червь, вызывающий заболевание человека – дракункулез. Заражение человека происходит при использовании стоячей воды. Территория распространения ришты охватывает пояс тропиков и субтропиков. В прошлом имел наибольшее распространение в Бухаре.
98. САРТЫ – древнее тюркизированное оседлое земледельческое население Средней Азии. Этнический компонент сартов лег в основу формирования современного узбекского народа.
99. САФЬЯН (перс.) – качественно выделанная и окрашенная в яркие цвета кожа.
100. СВ. СОФИЯ – памятник средневековой византийской архитектуры, сооруженный в 532 – 537 гг. архитекторами Анфимием и Исидором. После падения Константинополя в середине 15 в., в течение 16–18 вв. архитектурный памятник был переоборудован под мечеть, пристроены минареты. Сегодня здесь располагается музей.
101. СЕВИЛЬЯ – одноименный город и провинция на юге Испании. Арабское господство в Севилье продолжалось с 712 по 1248 г.
102. СЕУТА – город на побережье северо-западной Африки.
103. СИЕРРА НЕВАДА (СЬЕРА НЕВАДА) – горный массив в Андалусских горах на юге Испании.
104. СТРАНА РАХАТ – страна Благоденствия.
105. СУЛТАН – арабо-турецкий титул светского правителя.
106. ТАРИК ИБН ЗИЯД – полководец, возглавлял военный гарнизон города Танжера. Находился на службе у правителя западноафриканских владений Муссы Ибн Нусайра. Тарик Ибн Зияд одним из первых арабских полководцев высадился с войском на Пиренейском полуострове и разгромил королевство Вестготов. Им были захвачены гг. Кордова и Толедо. Вслед за ним на Пиренеи высадились войска, возглавляемые Муссой Ибн Нусайрой. Ими к 718 г. была захвачена значительная часть Пиренейского полуострова. События, повествуемые И. Гаспринским о поездке Тарик Ибн Зияда и Муссы Ибн Нусайра к Халифу Валеду I, действительно имели место.
107. ТАШКЕНТ – столица Республики Узбекистан. В XIX в. главный город Туркестанского генерал-губернаторства в составе Российского государства.
108. ТИМУР и ТИМУРИДЫ – среднеазиатский завоеватель (1336–1405 гг.), проводивший неоправданно жестокую и хищническую завоевательную политику. Основал государство со столицей в г. Самарканде. Из тимуридов наиболее известным был внук Тимура Улугбек Мухаммад Тарагай (1394–1449 гг.) – государственный деятель и видный ученый. Во времена правления Улугбека строится одна из самых крупных в мире обсерваторий, также происходит расцвет науки и культуры в государстве.

109. ТОЛЕДО – город и одноименная провинция в Испании.
110. ТУРАНСКИЕ СТРАНЫ – Бухарское, Хивинское и Кокандское ханства.
111. ТУРКЕСТАН – историческая область, совпадающая с географическими границами Средней Азии. Во второй половине XIX в. в составе Российской империи.
112. ТУРКЕСТАНСКОЕ НАРЕЧИЕ – староузбекский язык.
113. ТУРЯ (тюрк. ТЮРЯ) – наставник, господин.
114. УЛЕМ (араб.) – мусульманский богослов и правовед, ученый.
115. УЧ-ТУРФАН, ИЛИ ХОТАН – оазис и одноименный город на западе Китая.
116. ФАРАБИ (АБУ НАСР ИБН МУХАММАД) (870–950 гг.) – тюрк, родился в селении Фараб (современная территория юго-западного Казахстана). Ученый энциклопедист, отстаивал идеи Аристотеля и Платона. Основные труды "Геммы премудрости", "Трактат о взглядах жителей добродетельного города".
117. ФАТИХА – первая сура Корана.
118. ФЕРДИНАНД II АРАГОНСКИЙ (1452–1516 гг.) – король Арагона с 1479 г. Сицилии с 1468 г., Кастилии в 1479–1504 гг. В 1492 г. изгнал арабов из Гранады. На основе династического союза с королевой Изабеллой объединил Арагон и Кастилию, тем самым создав предпосылки объединения Испании.
119. ФЕСКА – мужской головной убор в виде шапочки, являвшийся составным элементом национального костюма некоторых народов Востока.
120. ФОТОЖЕН – световыделяющее вещество.
121. ХАДЖ (араб.) – паломничество мусульман в Мекку к Каабе. Одна из основных обязанностей мусульманина.
122. ХАДИС (араб.) – предание о деяниях и изречениях Пророка Мухаммеда, составленных в 7 – 8 вв. Признанные достоверными хадисы представляют собой Сунну – Священное писание, освещающее поступки Пророка Мухаммеда, его высказывания и невысказанные одобрения.
123. ХАЛИФ – верховный правитель в странах арабского Востока, выражавший духовную и светскую власть. Первые халифы считались заместителями посланника Аллаха Пророка Мухаммеда, а со времени прихода к власти Омейядов – заместителями Аллаха на земле. Титул халифа перешел и к правителям Кордовского халифата.
124. ХАЛИФ ВАЛИД I – из династии Омейядов. Правил в 705–715 гг.
125. ХАЛИФАТ – феодальное государство, построенное на принципах исламских канонов. Халифат образовался в результате арабских завоеваний в 7–8 вв. Во главе государства находился халиф.
126. ХАН (тюрк.) – глава государства.
127. ХАНУМ (тюрк.) – уважительное обращение к женщине.
128. ХАРАМ (араб.) – запретное.
129. ХИВА – город в Средней Азии. В прошлом столица Хивинского ханства.
130. ХРАМ МАГДАЛЕНЫ (СОБОР ЛА МАГДАЛЕНА) – строительство началось в 1806 г. архитектором П. Виньоном. Собор был освящен в 1842 г.
131. ХУДОЯР МУЗАФАРЭДДИН – из племени минг, хан Кокандского ханства (1845–1858 гг., 1862–1863 гг., 1866–1875 гг.) В годы его правления ханство было ликвидировано и включено в состав Российской империи.
132. ХУТБА (араб.) – богослужение, проводимое в мечети по пятницам. Молитву читает имам за существующую власть и мусульманскую общину.
133. ЧАЛМА (тюрк.) – мужской головной убор у народов Востока, исповедующих ислам.
134. ЧАПАН (тюрк.) – род мужской одежды в виде халата.
135. ШАЙТАН (араб.) – злой дух, отрицательный персонаж в исламской мифологии.
136. ШАКИРД (араб.) – ученик и последователь учения.
137. ШАРИГАТ (ШАРИАТ) (араб.) – свод правовых и религиозных правил, провозглашенных исламом вечными и неизменными, так как установлены

Всевышним.

138. ШЕЙХ (араб.) – в странах Востока титул мелких князей, а также глав суфийских орденов, объединяющих последователей какого-либо мистического учения.

139. ШЕРБЕТ (араб.) – сладкий напиток.

140. ЭБУ АБДАЛЛАХ ЭЛЬ ЗАГИЛЬ – из династии Насридов (Гранада эмират).

Сдал Андалусию Фердинанду II Арагонскому в 1492 г.

141. ЭЛЬЗАС – область на востоке Франции. В ходе франко-прусской войны была отторгнута в пользу Пруссии. Присоединена к Франции в 1919 г.

142. ЭМИР (араб.) – правитель в странах Востока.

143. ЭМИР НАСРУЛЛА – из рода мангыт. Правил в Бухаре с 1826 по 1860 г.

144. ЭФЕНДИ – вежливая форма обращения среди отдельных тюркских народов Востока.

Подготовил Рустем Хаяли

О СОЦИАЛЬНОЙ ЗНАЧИМОСТИ "ФРАНЦУЗСКИХ ПИСЕМ" ИСМАИЛА ГАСПРИНСКОГО

Наиболее действенным способом распространения джадидистских¹ идей среди тюрко-мусульманских народов, безусловно, было печатное слово. Но еще более влиятельным фактором была художественная литература. Ведь литературные образы могли ярче отразить негативные и позитивные качества того или иного социального явления. Традиционно художественное слово среди мусульманских народов было очень распространенным и высоким искусством.

Для анализа общественной нагрузки художественных текстов знаменитой газеты "Терджиман" – рупора обновленчества (джадидизма) в исламской умме²

Российской империи конца XIX – начала XX в. необходимо обратить особое внимание на произведение, которое опубликовано под названием "Французские письма" под авторством некоего Моллы Аббаса Франсови. (Общеизвестно, что этим псевдонимом пользовался лидер джадидизма Исмаил Гаспринский). Так он стремился внести внутрь исламской уммы страны свои просветительские, общественные и реформаторские идеи. Именно в этом литературном произведении И. Гаспринский сформулировал свое отношение к вопросам современности, которое разделяли его единомышленники.

Интересно, что в нем были отражены интересные социологические идеи джадидизма. В данном случае (если абстрагироваться от собственно литературности) можно наглядно увидеть отношение джадидистов к цивилизационным расхождениям, которые существовали в то время. Дело в том, что И. Гаспринский стремился показать своим единоверцам негативные стороны общественной жизни мусульман конца XIX века. Он предлагал обратить внимание на достижения цивилизации западноевропейских стран. Но как европейская техногенная, так и азиатская исламская цивилизации в существующем виде не устраивали его. Именно поэтому И. Гаспринский предложил свое видение решения многих социально-цивилизационных задач.

Стержнем понимания И. Гаспринским путей обновления были в первую очередь проблемы просвещения, общественного обновления и эмансипации мусульманских женщин. Именно поэтому в его сочинениях большое внимание уделяется этим вопросам.

Главным героем "Французских писем" был уроженец Ташкента Молла Аббас Франсови. Он родился, воспитывался и получил образование в одном из центров азиатско-мусульманской цивилизации. Вскоре Молла Аббас Франсови решил

---

¹ Джадидизм – (в широком понимании – обновление) просветительское и общественное движение тюрко-мусульманских народов конца XIX – начала XX века.

² Умма – религиозная мусульманская община.

выехать в страны "Френкистана" (Европы). Таким образом ему удалось познакомиться с западно-христианской цивилизацией. При всех преимуществах научно-технического развития он остался неудовлетворенным. Встала проблема сохранить религиозную духовность или выбрать путь научно-технического прогресса.

Для реального восприятия цепи азиатско-мусульманской – европейско-христианской – европейско-мусульманской цивилизаций И. Гаспринский активно критиковал и анализировал ситуацию, которая сложилась на конец XIX века в Туркестане и Западной Европе. Отдельные сюжеты имели дидактический и просветительский характер.

Безусловно, нужно в первую очередь обратить внимание на анализ положения современных ему мусульманских обществ. В художественных сочинениях И. Гаспринского они описаны с достаточной степенью критики, но и без издевательств и высмеивания. Во время пребывания Моллы Аббасса Франсови в таинственной стране Дар-Эль-Рахат уничтожающей критике тамошних мусульман подвергся традиционный туркестанский образ жизни. Прежде всего, это касалось вопросов просвещения и воспитания.

С нескрываемой грустью автор вспоминал о былом величии самаркандских монархов, отличавшихся просвещенностью, мудростью и любовью к науке.

Постепенно религиозный клерикализм вытеснил многие науки, которые не соответствовали догматическому представлению фанатичного духовенства.

Мусульманские страны Востока оказались в глубоком научном и интеллектуальном кризисе. Клерикалы утверждали, что науки развращают сознание верующих. Это привело к тому, что в учебных заведениях, погрязших в схоластике, стали преподавать дисциплины исключительно богословско-юридического цикла. Оттуда были изгнаны науки, составившие гордость мусульманской цивилизации периода Халифата.

Сама система обучения столетиями не изменялась и требовала огромных и часто ненужных усилий учащихся. Более чем за десять лет обучения выпускник медресе мог овладеть начальными знаниями по арабской и персидской грамматике, логикой и толкованием Корана.

Понятно, что И. Гаспринский и его единомышленники джадидисты понимали необходимость этического и эстетического обучения в религиозном контексте, насущную потребность изучения основ шариата и мусульманского богословия. Но они выступали против исключительности этих знаний перед естественными, гуманитарными и иными светскими науками. Они даже утверждали, что остановка в интеллектуальном развитии, изгнание светских наук из учебных заведений прямо противоречат основным положениям исламского вероучения. Более того, отказ от научных контактов с "иноверцами" привел не к очищению общественной и духовной жизни, а к скатыванию мусульман на обочину цивилизации. Они понимали, что при сохранении сложившейся катастрофической ситуации наступит экономический кризис, который приведет и к общественному коллапсу.

Таким образом, джадидисты проводили мысль, что упадок просветительства и уничтожение светской науки стали одним из основных факторов деградации мусульманского общества конца XIX века. Требовалось безотлагательное реформирование системы народного образования, получение качественных знаний в западных учебных заведениях, что могло не только сохранить исламскую цивилизацию, но и превратить ее в мощный политический, культурный и экономический мировой фактор.

Важным общественным вопросом, волновавшим мусульманскую интеллигенцию XIX в., было отношение к европейской научно-технической цивилизации. Приходилось признать, что азиатский аграрный Восток существенно отставал от европейского индустриального Запада.

Интеллигенция понимала, что традиционное исламское вероучение оказалось в плену у схоластики и клерикализма, религиозная мысль находилась в упадке. Она ощущала необходимость как сохранения традиционной мусульманской духовности, так и следования по пути научного и промышленного прогресса. В противном случае исламский Восток окажется окончательно и бесповоротно под контролем христианского Запада.

Тем не менее мусульманские обновленцы не отвергали прогрессивных достижений Европы и стремились к их восприятию. Однако они понимали, что духовность западного образца не только отличалась прагматизмом, но и совершенно неприемлема для мусульманского общества. Необходимо было попытаться хотя бы синтезировать традиционное исламское вероучение и образ жизни с научно-индустриальными достижениями и уровнем бытовой культуры христианской цивилизации.

Как уже говорилось, состояние просвещения и общественной жизни во всех современных мусульманских странах далеко не удовлетворяло прогрессивно мыслящих общественных деятелей тюркских народов. Показательным был пример богатой и влиятельной европейской цивилизации, где были очевидными большие просветительские, экономические и культурные успехи. Главный герой "Французских писем" не только был поражен достижениями научно-технического прогресса, но и в определенной мере ощущал своеобразный комплекс неполноценности перед европейцами.

Вся структура народного образования и воспитания в европейских странах была четко продумана, структурирована и результативна. Именно там были придуманы ясли для детей малообеспеченных родителей. Всеми уровнями народного образования руководило государство. А для тех людей, которые по тем или иным причинам не смогли учиться, создавались благотворительные учебные заведения – "воскресные школы".

Даже герой произведения Молла Аббас Франсови по рекомендации профессора А. Вамбери начал учиться в Париже. Изучая историю, он ознакомился с прошлым, начинал понимать современность и немного представлять перспективы развития в будущем. География в преподавании европейских учителей познакомила его с народами, странами и их каждодневной жизнью. Курсы физики и химии составили правильное представление о сущности и действии многих вещей и о причинах многих явлений, которые казались когда-то темными, необъяснимыми. Слушая лекции по политэкономии, Молла Аббас Франсови понял законы производства, торговли и накопления богатства. Вообще он подчеркивал, что узнал и понял много нового, удивительного и прежде всего, каким невеждой был до этого.

Такое состояние вещей в деле народного просвещения И. Гаспринский объяснял тем, что именно европейцам удалось "полностью освоить" основы исламских догматов. Более того, Молла Аббас Франсови был убежден, что они позаимствовали это из Корана, хадисов, мусульманского шариата и практики древней исламской жизни. Он доказывал это тем положением, что всеобщее и бесплатное обучение – одна из основ мусульманского вероучения.

В Европе главный герой знакомится с великой культурой. Многие вещи он не понимает, такие, как например, театр в Одессе. Но многие достижения цивилизации вызывали у него неподдельный восторг.

Во время пребывания в Вене Моллу Аббаса Франсови очень удивило состояние инфраструктуры города и гостиничного дела в Австрии. В определенных обстоятельствах он откровенно восторгался образом жизни обычных европейцев, поражался богатству лесов и полей России, но то же самое в Германии привело его в еще больший восторг. Каждый участок земли был обработан, леса очищены, домики аккуратные и добротные. Европейцы делали это, по выражению путешественника, высоко ценя и оберегая дары Божьи. Или, скажем, во Франции Молла Аббас

Франсови удивлялся местным деревням. Ему показалось, что они были похожи на целые города. По крайней мере, в родном Туркестане он встречал не очень много таких городов с населением в несколько тысяч. Что касается быта, то путешественник с воодушевлением рассказывал о роскошных магазинах, кафе, "шоссированных улицах", прекрасных домах и т.п. В Париже его поразили грандиозная архитектура, потрясающее воображение рынки, безупречные порядки, улицы без пыли, на которых после дождя нет грязи.

Среди социальных вопросов, которые вызывали восхищение у знакомых с европейской цивилизацией джадидистов, были организация благотворительности, права и уровень образования женщин, судебная и пенитенциарная система. Но больше всего привлекало развитие науки и техники Европы. Как правило, типичные представления турко-мусульман о состоянии науки и техники в Европе имели суеверный подтекст. Так, Молла Аббас Франсови утверждал, что на его родине, в родном Туркестане, ортодоксальные мусульмане вообще говорили, что френги – шайтаны и колдуны.

Научно-технические достижения Запада для Моллы Аббаса Франсови были убедительными. Он воспринимал их как составляющую часть цивилизации, которую, кстати, было бы полезно использовать в собственных странах мусульманам. Молла Аббас Франсови в присущих мусульманам выражениях подчеркивал, что ему доводилось ехать не на верблюдах, а по железной дороге, сидя, как в комнате. Ему было объяснено, что крупные плоды яблонь и небывалые надои коров в Европе стали возможны только благодаря развитию науки и высокому уровню производства.

Важными, с точки зрения мусульманских обновленцев, были и вопросы развития экономики. Главного героя романа поразило функционирование и устройство биржи. И это был восторг не только человека, который увидел, какими суммами ворочают финансовые магнаты. И. Гаспринский давал понять читателям, что только труд и продуманная экономическая политика способны изменить, а, главное, обогатить общество. Не наличие золота определяет развитость экономики, а реализация качественных товаров на внутреннем и внешнем рынках.

Но не вся европейская цивилизация принималась И. Гаспринским и его единомышленниками. Они полагали, что этот путь развития общества имеет ряд важных и принципиальных недостатков. Мысли джадидистов с критикой европейской цивилизации И. Гаспринский вложил в уста некоего жителя таинственной страны шейха Джеляла Магриби, которого Молла Аббас Франсови встретил во Франции. По мнению этого героя произведения, европейская цивилизация, которая привела молодого туркестанца в восторг – это только показная сторона жизни. Он считал, что уровень любой цивилизации имеет одно принципиальное мерило. По его мнению, это сумма изобилия и счастья обычных людей. Собственно европейская цивилизация была сравнительно молодой и более развитой, чем эллинская и романская. Но она настолько же была далека от своих настоящих задач, как и ее предшественницы. Таким образом, европейская цивилизация фактически влила в новые формы старую суть.

Мудрый шейх Джелял Магриби обратил внимание Моллы Аббаса Франсови на то, что современный европеец был относительно не более счастлив, чем древний римлянин, хотя и владел большими жизненными ресурсами.

Большие успехи в сфере науки, удивительное индустриальное развитие, о чем не могли мечтать в древние времена, дали возможность Европе внешне казаться абсолютно новой. Но счастья у людей не прибавлялось. И в древности, и в современной европейской цивилизации люди стремились лишь к личному благосостоянию, что требовалось собственной "животной природой". Среднего европейца двигала только "корысть". Его деятельность, цели и этические нормы были наглухо прикреплены к "корысти" и вращались вокруг нее. Но, как известно, не

вся "корысть" имела справедливую подоплеку. Поэтому европейская цивилизация, если и не произвела, то развила многочисленные экстремистские организации – разнообразные "секты протестантов", которых там называли социалистами и анархистами. Эти последние, по мнению мудрого старика, готовы были бросить человечество в еще большие несчастья.

Блеск и шум Европы основывались на колоссальном научно-техническом прогрессе. Во всем остальном европейцы недалеко ушли от древних людей.

Шейх Джеял Магриби высказал надежду, что будущее откроет людям другие, более широкие горизонты и лучшие формы жизни. Народы, стоящие в научном и техническом развитии на более низком уровне, чем европейские, должны у них учиться, учитывая ошибки и достижения. То же относится и к сфере человеческих отношений.

Несомненно, для российских тюрок – читателей "Терджимана" подобный путь социального развития мусульманского общества, исламской цивилизации был принципиально не приемлем. Оказывается, дело заключалось даже не в религиозных, этнографических, бытовых или культурных отличиях азиатов-мусульман и европейцев-христиан. В определенных формах они могли быть восприняты единоверцами Моллы Аббаса Франсови. В европейской цивилизации отсутствовал стержень "справедливости", чтобы являться прогрессивной моделью для подражания. Таким образом, по мнению автора, научно-техническая цивилизация без духовности не имела больших шансов для безболезненного внедрения в исламскую умму конца XIX века.

Понимая неудовлетворенность положением цивилизации современных восточно-мусульманских и западно-христианских народов, И. Гаспринский и его единомышленники выдвинули на общее обсуждение проблему создания реформированного сообщества народов, исповадовавших ислам. Оно должно было вобрать в себя все достижения предыдущих цивилизаций и стать своеобразным, хотя и утопическим образцом. Эти идеи были сформулированы и переданы с большой воспитательной и дидактической нагрузкой.

В фантастическом жанре, присущем стилю путешественников, совершивших паломничество к святым местам Мекки и Медины, Молла Аббас Франсови продолжал описывать собственные странствия. Заинтересовавшись испанскими памятниками мусульманско-мавританской культуры, он оказался в гренадском дворце Аль-Гамбра. Из него вел потайной ход в фантастическую Страну Спокойствия (Дар-Эль-Рахат).

Десятки и сотни лет цивилизация спасшихся от испанцев мусульман развивалась отдельно от других стран. Ей удалось не только достойно устроиться на новой родине, но и развить науку и технику. Именно это позволило дар-эль-рахатцам сделать большие научно-технические открытия, жить полноценно, зажиточно и достойно.

Огромное трудолюбие, слаженная общественная организация, внедрение достижений инженерно-технической мысли, самосознание и высокие моральные принципы не только сохранили небольшую мусульманскую общину, но и позволили преобразовать природные неудобства на пользу. После строительства собственных домов, люди сооружали мечети, чтобы воспитывать у своих потомков высокоэтические взгляды, религиозность, сохранять мораль ислама. Кроме того, учреждались медресе, чтобы юноши и девушки не только были воспитанными, но и овладевали ценными знаниями, могли их углублять и развивать. Дар-эль-рахатцы построили и стационарную больницу, чтобы иметь возможность следить за здоровьем соотечественников. Использование и развитие высоких технологий позволили создать мощную сельскохозяйственную базу, которая обеспечивала жителей необходимыми продуктами и поставила их благосостояние на высокий уровень.

Через несколько десятилетий в стране было создано свое Собрание Ученых, где раз в неделю собирались все улемы для проведения научных дискуссий и экспериментов. Специальные секретари записывали результаты, и, таким образом, наука в Дар-Эль-Рахате не только сохранялась, но и развивалась.

По форме это утопическое государство было монархией. Его главами были благородные эмиры династии Сиди Мусы. За все время правдивого и разумного правления страной они служили эталоном любви к труду, высоких моральных качеств и просвещенности. Огромное уважение и любовь народа Дар-Эль-Рахата были выражены строительством за общественный счет красивого эмирского дворца.

Молла Аббас Франсови собственными глазами видел дар-эль-рахатского эмира Али. Это был красивый человек, который излучал доброту и приветливость. Эмир имел все качества идеального монарха. Туркестанский путешественник невольно сравнивал его с известным кокандским владыкой – ужасным Худояр-ханом. Безусловно, моральные принципы были не в пользу последнего, хотя в романе традиционно использовались уважительные термины.

Монархическая власть ограничивалась меджлисом (советом). В случае невозможности принятия единоличного решения дело передавалось на рассмотрение советников. Главным управленческим принципом были шариат и здравое рассуждение верующих.

В Дар-Эль-Рахате, как стране ортодоксально мусульманской, не существовало социального расслоения. Там люди отличались только природными талантами, умениями или суммой приобретенных знаний и профессионального мастерства. Экономические условия складывались таким образом, что чем более добропорядочным и трудолюбивым был человек, тем больше у него было шансов получать жизненные блага.

Судопроизводство осуществляла структура, которая называлась "Баб-эль-Хукук" ("Двери Закона"). Ее возглавляли кадий и ответственный секретарь. Кстати, наиболее тяжким преступлением, которое сурово наказывалось законами государства, была ложь. Лгун оказывался в тюрьме, но его там не закрывали. Он видел тысячи людей, но не мог с ними общаться. Кара заключалась в искуплении и общем бойкоте.

Женщины имели собственных кадиев во главе с самой принцессой, собственную правовую систему во главе с высшим судебным меджлисом, где рассматривались и решались их дела. В случае, если дело велось между людьми разных полов и рассматривалось в общем, то решение кадия-мужчины передавалось на дополнительное рассмотрение кадия-женщины. Если она не утверждала такое решение, то дело должно было быть передано на рассмотрение другому кадию. В несчастных наследственных, семейных и брачных делах все решалось справедливо, под надзором женской юридической службы. Это свидетельствовало о высоких моральных качествах и этических принципах, которые существовали в дар-эль-рахатской цивилизации, и об уважительном отношении к женщине.

Страна, которую посетил Молла Аббас Франсови, состояла из столичного города и сорока сел. Город Саадет был покрыт паутиной широких зацементированных улиц, вдоль которых тянулись мозаичные тротуары. За узорными решетками, которые ограничивали тротуары, виднелись цветники и сады. Именно там находились дома жителей города. По мысли Моллы Аб-баса Франсови, столица не напоминала собой ни Европу, ни Азию потому, что там не было ни исполинских домов Запада, ни полуразрушенных халуп и грязи Востока. Город отличался своеобразием, красотой, чистотой и простором. В Саадете существовал центральный железнодорожный вокзал в мавританском стиле, мечети, государственные и общественные здания, мраморные бани и рыночная площадь. На ней располагался "караван-сарай", в котором и поселили уважаемого туркестанского гостя.

На рынке города Саадет Молла Аббас Франсови заметил однообразие товаров. Большинство торговцев продавали продукты питания и сельскохозяйственные товары. Кое-кто из них реализовывал и мануфактурные изделия, драгоценности. В качестве денежной наличности использовались ярко-красные кружочки с государственной печатью и подписями трех кадиев-казначеев номиналом в один, половину и четверть динара. Такое положение торговли было вызвано тем, что страна не имела внешней торговли, а внутренняя полностью удовлетворяла потребности жителей Дар-Эль-Рахата.

Сельские дома тоже располагались внутри небольших садов на равном расстоянии друг от друга и относительно центральной площади. На ней стояла мечеть, окаймленная двумя рядами пальм; местная школа и дом общественных собраний. Дороги были вымощены. Конструкции зданий были разработаны с учетом природных и климатических особенностей страны.

Молле Аббасу Франсови показали обычные сельские начальные учебные заведения дар-эль-рахатских крестьян. Внешне это было красивое, высокое каменное здание близ мечети. Его комнаты были светлыми, в одной из них находилась довольно большая учебная библиотека с солидным книжным фондом и моделями учебных пособий.

Оказалось, что в мектебе, которое показали Молле Аббасу Франсови, на разных отделениях обучались мальчики и девочки от 8 до 12 лет. Срок учебы рассчитывался на четыре года. Дети учились писать, читать, считать, и, конечно же, изучали вероучение. Мальчики к тому же овладевали знанием основ сельского хозяйства и ремесел в связи с химией и физикой. Девочкам к главному курсу прибавляли домоводство, рукоделие и основы медицины в рамках, достаточных для будущих хозяек и матерей. Мектебе имело собственную ферму и ремесленные классы, расположенные за пределами деревни.

В стране существовало и высшее учебное заведение – медресе. Оно расположилось за городом в глубине чудесного сада. Это было прекрасное, утонченной архитектуры большое двухэтажное здание, состоявшее из нескольких корпусов и флигелей. В составе медресе функционировало три факультета: богословско-философский, физико-технический и социально-экономический. Высокообразованная профессура вела лекции, обучая студентов техническим и гуманитарным наукам. Это свидетельство того, что просвещение, основанное на достижениях человечества, имело возможности бурного развития и интересовало мусульманскую интеллигенцию конца XIX в.

Еще одной проблемой реформирования общества было социальное положение женщин в мусульманской умме. Ей тоже было отведено достаточно места на страницах романа "Французские письма".

Женщины Дар-Эль-Рахата были не только хорошо воспитанными, но интеллектуально развитыми и высокообразованными личностями. Они отличались глубокой моралью, добротой и религиозностью, ценили искусство. Вместе с тем девушки и женщины обладали существенными гражданскими и профессиональными правами.

Вообще, в Дар-Эль-Рахате мужчины и женщины были равны в правах и обязанностях. Совместная деятельность и жизнь регулировались свободным договором свободного со свободной. Там не покупали жену, не выдавали ее замуж, а муж и жена сами договаривались жить вместе.

Для вступления в брак составлялся специальный контракт, где скрупулезно отмечалась информация о возрасте, наследственных или заразных заболеваниях, отмечались права и обязанности сторон. В большинстве случаев женщина была совладелицей имущества, нажитого совместно с мужем. Таким образом, мусульманки имели всю полноту юридических и реальных прав в этой прекрасной стране.

Дар-эль-рахатский эмир Али имел только одну жену – принцессу Хатидже. Она принимала активное участие в общественных делах, касавшихся женских прав в стране. Принцесса руководила особым ведомством, которое занималось делами воспитания, образования, труда и прав женщин-мусульманок.

Бабушка правящего эмира Зегра-ханум представляла собой общественный эталон. Она основала высшую женскую школу и институт воспитательниц. Эти учебные заведения воспитывали для общества высокоморальных людей, обученных помощниц, подготовленных матерей и заботливых хозяек. Ее перу принадлежал прекрасный сборник стихотворений и фундаментальный философский трактат, посвященный жизненно важным вопросам. Это было учение о деятельности и роли женщины в мусульманском обществе.

Все женщины этой страны имели прекрасное образование. Традиционно они овладевали медицинскими и педагогическими специальностями, а это приносило обществу большую пользу. Таким образом, в научной и социальной сфере они были равны с мужчинами.

Полной неожиданностью для Моллы Аббаса Франсови стало отношение дар-эль-рахатцев к искусству. Они полагали, что музыка, которая настраивает на отрицательные действия, безусловно, должна порицаться. Но в то же время, если она является способом выражения глубоких благородных чувств человеческой души, то она не может не считаться высоким искусством. По их мнению, хорошая песня могла бы стать половиной молитвы.

Более всего, конечно же, Моллу Аббаса Франсови поразил уровень научно-технического прогресса в Дар-Эль-Рахате. Он не только не уступал европейскому, но порой и превосходил его. Путешественника удивило широкое внедрение в повседневную жизнь тамошними мусульманами европейских научно-технических достижений. Вполне будничным было использование в быту телефона, инкубатора, электрических фонарей и электротранспорта, связывавшего все населенные пункты страны со столицей. Оказывается, ночью освещались не только дома и улицы, но и вообще вся страна. В Дар-Эль-Рахате изготавливалась бумага, функционировала типография, печатались книги и издавалась собственная газета "Будущность". Кроме того, в стране существовала почтовая служба и многое другое, что очень удивляло Моллу Аббаса Франсови.

Очевидно, более всего среди научно-технических диковинок фантастической страны туркестанского путешественника поразил огромный стол из стекла и хрусталя на мраморных ножках. В нем отражалась вся страна, и эмир мог непосредственно наблюдать за своим государством. Это было изобретение местных инженеров, которые смогли создать сложную систему оптических приборов и зеркал.

Научно-технические изобретения были достаточно будничным делом для трудолюбивых мусульман Дар-Эль-Рахата. И. Гаспринский в своем сочинении привел несколько примеров того, что высокий уровень образования и науки могут плодотворно служить человечеству. Он использовал примеры из разных отраслей науки и доказывал читателям газеты насущную необходимость овладения светскими знаниями. Молла Аббас Франсови познакомился с достижениями дар-эль-рахатских мусульман в области строительной инженерии, химии и медицины. Они были обычны для европейца, но являлись удивительными и должны были повлиять на современных туркестанцев.

Уровень развития гуманитарных наук в Дар-Эль-Рахате был тоже достаточно высок. О положении политологических прогнозов свидетельствовала книга Ибн Мервана "Предположения и Предвидения", которую можно было взять в городской библиотеке. Она, к удивлению Моллы Аббаса Франсови, более нежели на сто лет предвидела изменения политического развития ряда среднеазиатских государств. Его собеседники утверждали, что можно изучить положение отдельного народа, его

соседей в связи с прошлым. А после анализа фактов сделать соответствующий прогноз как на ближайшее, так и на отдаленное будущее.

Оказалось, что в жизни народов и государств действуют определенные законы, определенный порядок. Если научиться их использовать, то можно с большой степенью вероятности предвидеть движение народа или страны вперед или назад. Безусловно, погрешности могли быть, но главные выводы все равно будут верными. Во "Французских письмах" И. Гаспринский доказывал возможность не только сосуществования, но и взаимодополнения светских и религиозных наук. Эти мысли были вложены в уста все того же шейха Джеляла Магриби. Этот почтенный дар-эль-рахатец отмечал, что Молла Аббас Франсови кое-что знал о "Книге Божественного Откровения", имея в виду "Коран". Но, по его мнению, ташкентец (как и читатели) совершенно не знал о "Книге Божественных Деяний", которая не являлась святотатством. Жители Дар-Эль-Рахата с ее помощью совершали полезные дела, а по Корану молились и совершали намаз. Шейх Джелял Магриби рассказывал Молле Аббасу Франсови о том, что "Книга Божественных Деяний" всюду раскрыта. Нужно только хотеть и уметь ее прочитать. Ее страницы необъятны, маленькие точки и черточки ее букв можно сравнить с горами и морями. Она – совокупность Природы, которую сотворило Божество. Изучение природы, ее сил и законов может дать человеку знания, необходимые для жизни на основах и предписаниях Корана, и показать пути к спасению в будущей жизни. С одной стороны, Коран указывает на то, как и когда нужно молиться, учит, что хорошо, а что плохо. С другой стороны, "Книга Божественных Деяний" рассказывает, как и когда трудиться, как выращивать деревья и скот, что является полезным, а что вредным для человека. Таким образом, "Книга Божественного Откровения" – Слово Аллаха, а "Книга Божественных Деяний" – Дело Всевышнего. Необходимо заметить, что И. Гаспринский в сочинении "Французские письма" проводил мысль, что только во взаимодействии светских знаний, обеспечивающих использование природных возможностей, с религиозными, которые имеют огромное этико-дидактическое значение, можно достичь определенных цивилизационных успехов на пути достижения совершенного и высокоразвитого общества. В нем писатель выступил как мыслитель, построивший собственную концепцию развития мусульманского общества. По сути он стал проводником прогрессивных тенденций среди тюркской интеллигенции страны, мучительно искавшей пути выхода из духовного, экономического и социального кризиса. И. Гаспринский согласился, что общество, в котором оказалось мусульманство, является мощным фактором, замедляющим прогрессивное развитие. С другой стороны, его не удовлетворяла и динамически развивавшаяся по научно-техническому пути европейская цивилизация с ее бездуховностью и прагматизмом. И. Гаспринский предложил симбиоз мусульманской духовности с европейскими техническими достижениями. Таким образом, необходимо сказать, что интересные социологические конструкции И. Гаспринского являются достижением крымскотатарской общественной мысли конца XIX века. Их общественная значимость сопоставима с творчеством выдающихся мыслителей того времени – Мухаммада Абдо, Шигабутдина Марджани и Джамалютдина аль Афгани.

В.Ю. Ганкевичі